

АВГУСТ

1936 г.

8

ЕСКАЯ

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

8

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

А В Г У С Т

О Г И З * 1936
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО»

ОБЪЯВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕН

ым комиссариатом финансов СССР на
и положения и правил государствен-
законов и

СОДЕРЖАНИЕ № 8

	Стр.
Приветствие тов. Сталину	1
Приветствие тов. Молотову	2
Приветствие тов. Калинин	3
Приветствие тов. Акулову	3
Передовая — Сталинская Конституция и ох- рана общественной социалистической собственности	4
А. Вышинский — Сталинская Конституция и задачи органов юстиции	6
Н. Крыленко — К новым победам	24
Г. Рогинский — Организационные вопросы перестройки работы органов прокура- туры в свете проекта Сталинской Кон- ституции	28
Всесоюзное прокурорское совещание	41
Резолюция по докладу прокурора Союза ССР тов. А. Я. Вышинского	67
Приветствие тов. Брону	70
А. Сольц — О детях преступников	70
Я. Бранденбургский — Вопросы пере- подготовки судебных кадров	70
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	74
Надзорная практика Верховного суда Союза ССР	77
В Институте уголовной политики	79
По криминалистическим журналам	84
Д. А. Карницкий (некролог)	86
Официальный отдел	86

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ЗАКОННОСТЬ

ОРГАН ВЕРХОВНОГО СУДА И ПРОКУРАТУРЫ СССР

АВГУСТ

1936 г.

8

Редакция:

Москва, Б. Дмитровка, д. 15

СЕКРЕТАРЮ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВКП (б)

ТОВАРИЩУ СТАЛИНУ И. В.

Дорогой Иосиф Виссарионович!

Зсесоюзное совещание прокуроров горячо приветствует Вас — великого вождя народов Союза ССР, под руководством которого осуществлены величайшие победы социализма в нашей стране.

Опубликование проекта новой Сталинской Конституции Союза ССР, разработанной по Вашей инициативе и под Вашим непосредственным руководством, возлагает особо ответственные задачи на работников органов суда и прокуратуры. Закрепляя успехи социализма, новая Конституция открывает путь для дальнейшей борьбы за окончательную победу коммунистического общества. Обеспечивая развитие полной советской демократии, свободу личности, гарантируя права трудящихся, новая Конституция явится мощным орудием дальнейшего укрепления Советского государства, поднятия на новую ступень диктатуры пролетариата, повышения активности и энтузиазма строителей социалистического общества. Новая Конституция возлагает на каждого гражданина Союза ССР священную обязанность укреплять общественную социалистическую собственность, защищать свое отечество — родину социализма, соблюдать дисциплину труда, честно относиться к общественному долгу, уважать правила социалистического общежития.

Новая Конституция особо подчеркивает значение и непоколебимость советского закона, величайшего орудия социалистического строительства. Органы юстиции — суд и прокуратура — призваны обеспечить охрану советского социалистического закона, интересов и прав граждан, ведя борьбу с расхитителями общественной собственности, с изменниками родине, со всеми врагами пролетарской революции.

Неизмеримо возрастают и воспитательные задачи, стоящие перед органами юстиции, являющимися действенным орудием Советского государства в борьбе с пережитками капитализма, в борьбе за выковывание нового коммунистического сознания.

Мы заверяем Вас, Иосиф Виссарионович, что на основе большевистской бдительности, настойчивости и непримиримости к врагам мы выполним Ваш завет „развять в прах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации“.

Мощным развитием стахановского движения, удесятеренной энергией и энтузиазмом, великим пафосом любви к своей родине, к ее вождю—великому учителю товарищу Сталину, к партии Ленина-Сталина—встречают народы Союза ССР новую Конституцию—залог неисчерпаемого источника бодрости, радости, счастья растущего социалистического общества.

Усилением большевистской бдительности, непримиримости к врагам, укреплением социалистической законности, неусыпной работой над повышением качества своей работы встречаем мы, работники прокуратуры, новую Конституцию — мощное орудие наших дальнейших побед.

Да здравствует победа социализма в Союзе ССР!

Да здравствует новая Конституция—кодекс наших завоеваний!

Да здравствует великий вождь советского народа — товарищ СТАЛИН!

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ СОВНАРКОМА Союза ССР

ТОВАРИЩУ **МОЛОТОВУ В. М.**

Дорогой Вячеслав Михайлович!

Всесоюзное совещание прокуроров горячо приветствует Вас как руководителя Советского государства и главу советского правительства.

Под руководством ленинской партии большевиков, великого вождя и учителя — товарища СТАЛИНА — и возглавляемого Вами правительства Союза ССР наша родина вступила в полосу нового расцвета материальной и духовной культуры растущего социалистического общества. Путь к дальнейшим победам освещен гигантским прожектором — Сталинской Конституцией, горячо обсуждаемой народами Союза ССР.

Дальнейшее укрепление диктатуры пролетариата, социалистического государства рабочих и крестьян, является важнейшим условием осуществления стоящих перед нами великих задач. В новых условиях особое значение в деле социалистического строительства приобретают суд и прокуратура, стоящие непосредственно на страже социалистической законности.

Сознавая величайшую ответственность, возлагаемую на нас, работников прокуратуры, новой Конституцией, и требования эпохи завершения построения бесклассового общества, мы заверяем в Вашем лице правительство Союза ССР, что удесятерим нашу большевистскую бдительность, повысим качество нашей работы, будем зорко стоять на страже социалистической законности, нанося беспощадные удары врагам народа и иным антиобщественным элементам, последовательно и настойчиво борясь за укрепление социалистического общежития.

Да здравствует победа социализма в Союзе ССР!

Да здравствует новая Конституция!

Да здравствует вождь советского народа товарищ Сталин и ближайший его соратник, глава советского правительства товарищ Молотов!

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ЦИК Союза ССР

ТОВАРИЩУ КАЛИНИНУ М. И.

Дорогой Михаил Иванович!

Всесоюзное совещание прокуроров приветствует горячо любимого Михаила Ивановича КАЛИНИНА.

Дорогой Михаил Иванович, в своей работе Вы всегда уделяли очень много внимания вопросам работы суда и прокуратуры. Задачи органов юстиции особенно сложны сейчас, когда мы стоим у порога принятия новой Сталинской Конституции, рожденной великими победами социализма, открывающей новую блестящую страницу в истории Советского государства, в истории пролетарской диктатуры. На громадную политическую высоту поднимается роль и значение социалистической законности, как активной творческой силы в борьбе за окончательную победу коммунизма. В связи с этим задачи исключительно большого политического значения ставятся перед органами советской прокуратуры.

Всемерно повышая качество своей работы, укрепив еще теснее связь с широкими массами трудящихся, борясь за действительную независимость суда и ведя беспощадную борьбу со всякими нарушениями социалистической законности, за укрепление социалистического правосознания и уважения к правилам социалистического общежития,—работники прокуратуры будут в первых рядах борцов за дело социализма.

Да здравствует социалистическое государство рабочих и крестьян!

Да здравствуют советы депутатов трудящихся!

Да здравствует великий вождь и учитель товарищ Сталин и его верный соратник Михаил Иванович Калинин!

ТОВАРИЩУ АКУЛОВУ И. А.

Дорогой Иван Алексеевич!

Всесоюзное совещание прокурорских работников с большой радостью выслушало сообщение о том, что Вы выздоровели и приступаете к работе.

Дружная и спаянная семья прокурорских работников неизменно считает Вас своим и ценит Вас, как чуткого человека, великолепного товарища и крепкого прокурора.

Примите наш искренний привет. Будьте здоровы, бодры и жизнерадостны, как весь наш прекрасный советский народ.

По поручению совещания, состоявшегося
в Прокуратуре 13—16 июля с. г.

А. Вышинский

Г. Леплевский

Г. Рогинский

Сталинская Конституция и охрана общественной социалистической собственности

Величайшие успехи социализма в нашей стране закрепились и записаны в Сталинской Конституции — кодексе завоеваний Великой пролетарской революции. Рожденная в борьбе пролетарского государства за построение бесклассового социалистического общества, новая Конституция отражает все черты, свойственные авангарду трудящихся — ленинской партии большевиков, ее великому вождю — искусному зодчему социализма товарищу Сталину.

Закрепив и записав завоеванное революцией, Сталинская Конституция отражает непреклонную решимость народов Союза ССР довести до конца дело борьбы за коммунизм.

Важнейшим завоеванием революции является создание экономической основы социализма в результате ликвидации паразитических классов. «Экономическую основу СССР составляют социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства, утвердившиеся в результате ликвидации капиталистической системы хозяйства, отмены частной собственности на орудия и средства производства и уничтожения эксплуатации человека человеком»¹.

Именно в осуществлении этой задачи видели Маркс и Энгельс прежде всего содержание коммунистической революции. «Пролетариат, — писали они в «Коммунистическом Манифесте», — воспользуется своим политическим господством, чтобы постепенно отнять у буржуазии весь капитал, чтобы централизовать все орудия труда в руках государства, т. е. организованного в качестве господствующего класса пролетариата, и по возможности скорее увеличить массу производительных сил».

Эта задача была записана уже в декларации прав трудящихся и эксплуатируемых народов, принятой III съездом советов в начале 1918 г. Эта декларация подчеркнула, что в целях уничтожения эксплуатации человека человеком отменяется частная собственность, земля, леса, недра и воды переходят в собственность государства, и вводится рабочий контроль, как первый шаг к переходу фабрик и заводов в собственность пролетарского государства.

Однако суть революционных преобразований заключалась не только в отмене капиталистической частной собственности на средства производства, — надо было построить новые социалистические производственные отношения, основой которых является общественная социалистическая собственность. Этим и отличается пролетарская революция от буржуазной, которая «начинается обычно при наличии более или менее готовых форм капиталистического уклада, выросших и созревших еще до открытой революции в недрах феодального общества»².

В то время, когда задача буржуазной революции исчерпывается обычно захватом власти, основная задача пролетарской революции сводится к тому, чтобы, «захватив власть, построить новую социалистическую экономику»³. Это коренное отличие определяет собой особую активную роль пролетарского государ-

ства и своеобразие соотношения экономики и политики в переходный период, определяет также трудности социалистического строительства. Экономика Страны советов в начале переходного от капитализма к коммунизму периода представляла собой единство пяти укладов при преобладании мелко-товарного производства и ведущей роли социалистического сектора народного хозяйства. Основные экономические трудности заключались в том, что строить новые социалистические производственные отношения нам пришлось в стране, которая отличалась от передовых капиталистических стран своей большой отсталостью и мелкобуржуазностью¹. Трудности политического порядка определялись, прежде всего, ожесточенным сопротивлением эксплуататоров, обладавших известной силой и средствами на первом этапе революции, с другой стороны — задачей переделки мелко-товарного производства. Перестройка отсталой единоличной деревни осложнилась особыми специфическими чертами, которыми отличается среднее крестьянство как класс и которые приводили в прошлом к колебаниям, поворотам и неуверенности в психологии этого класса, занимавшего промежуточное положение между пролетариатом и буржуазией².

Совершенно естественно, что новые производственные отношения, базирующиеся на общественной социалистической собственности, могли быть созданы только в обстановке ожесточенной классовой борьбы, путем укрепления пролетарского государства, обеспечения в нем ведущей и направляющей роли партии Ленина-Сталина, — неуклонно осуществляя генеральную линию партии, обеспечивающую победу социализма в нашей стране.

Новая Конституция знаменует собой победу социалистических производственных отношений, победу общественной социалистической собственности. Уже на XVII съезде партии, сравнивая 1918 и 1933 годы, товарищ Сталин указывал, что уничтожены 5 укладов советской экономики, «... первый, третий и четвертый общественно-экономические уклады уже не существуют, второй общественно-экономический уклад оттеснен на второстепенные позиции, пятый общественно-экономический уклад — социалистический уклад является безраздельно господствующей и единственно командующей силой во всем народном хозяйстве»³.

Победа общественной собственности решила победу социализма в Стране советов: «Наше советское общество является социалистическим, потому, что частная собственность на фабрики, заводы, землю, банки, транспортные средства у нас отменена и заменена собственностью общественной»⁴.

Два вида общественной собственности созданы, как подчеркивает Сталинская Конституция, в нашей стране. «Социалистическая собствен-

¹ См. Ленин, том XXV, стр. 508.

² То же, стр. 514.

³ Сталин, Отчетный доклад на XVII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), Партиздат, 1934 г., стр. 23.

⁴ Из беседы товарища Сталина с Рой Годвардом.

¹ Проект Конституции, ст. 4.

² Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 196.

³ То же

ность в СССР имеет либо форму государственной собственности (всенародное достояние), либо форму кооперативно-колхозной собственности (собственность отдельных колхозов, собственность кооперативных объединений)¹.

Существование этих двух видов собственности свидетельствует о том, что не закончился еще процесс ликвидации классов в нашей стране, ибо различие между двумя этими видами собственности обуславливает еще сохранившееся различие между рабочим классом и крестьянством, которое все более и более стирается. Победа общественной собственности обусловила возможность дальнейшего развертывания советского демократизма и изменила в этом направлении Советскую Конституцию.

Будучи основой советского строя, общественная социалистическая собственность дает социалистическое содержание и советскому праву. Великой Октябрьской революцией было создано новое право — советское социалистическое право. По мере развития пролетарской революции советское право наполнялось все более и более социалистическим содержанием. Наиболее яркое свое выражение советское право получило в законе от 7 августа 1932 года «Об охране общественной социалистической собственности». Именно в этом законе совершенно отчетливо была выражена роль советского социалистического права, как орудия подавления новых враждебных нам попыток со стороны классово чуждых элементов и как орудия воспитания к новой дисциплине; именно в нем нашла свое выражение организующая роль советского права, которое на основе этого закона помогает укреплению и дальнейшему развитию общественной социалистической собственности. Само издание закона явилось прямым выражением успехов и побед социализма в нашей стране. «Наша страна коренным образом перестроилась, в своей социально-экономической основе преобразовалась в страну социалистическую. Только поэтому стало возможным издание в 1932 году известного закона, провозгласившего, что общественная собственность — государственная, колхозная, кооперативная — является основой советского строя, она священна и неприкосновенна, и люди, покушающиеся на общественную собственность, должны быть рассматриваемы как враги народа» (Молотов).

Закон 7 августа 1932 г., четырехлетие которого наступило в этом году, сыграл огромную роль в деле разгрома новых форм вылазок классового врага и его агентуры, в деле укрепления новой социалистической дисциплины.

В результате успехов социализма в нашей стране, осуществленного на основе закона 7 августа 1932 г. разгрома воровских махинаций классово враждебных элементов, значительно сократилось число хищений общественной социалистической собственности. Так, в РСФСР было осуждено за хищения общественной социалистической собственности, если принять I полугодие 1933 года за 100%, в I полугодии 1934 г. — 27,5%, в I полугодии 1935 г. — 9,6%, во II полугодии 1935 г. — 8%. В УССР за это время число осужденных по закону 7 августа 1932 г. сократилось примерно в 20 раз. Сократилось также и число более мелких хищений общественной собственности, квалифицируемых по статьям Уголовного кодекса непосред-

ственно. Особо нужно подчеркнуть снижение удельного веса осужденных за хищения общественной социалистической собственности в колхозах.

Общее снижение числа осужденных за хищения общественной социалистической собственности не снимает ни в коей мере вопроса об их остроте и дальнейшей решительной борьбе с хищениями общественной собственности на основе закона 7 августа 1932 года. По своему удельному весу хищения общественной собственности в общей массе преступлений стоят на одном из первых мест — от 20 до 22%; с другой стороны мы имеем рост хищений в отдельных отраслях нашего народного хозяйства и по отдельным районам, в частности — в торговых, снабженческих и финансовых организациях. Наряду с этим надо отметить новые замаскированные формы хищений, к которым прибегают враги народа и которые требуют большого труда для своего разоблачения. Еще совершенно недостаточная массовая предупредительная работа, развернутая органами юстиции в связи с охраной общественной собственности, — если она и имеет место, то только в связи с делами, квалифицированными по закону 7 августа 1932 г. Неудивительно поэтому, что борьба с хищениями общественной собственности, в частности — растратами, в ряде случаев не эффективна, ибо, с одной стороны, применяемые к растратчикам меры наказания очень часто недостаточны, а с другой — массовая политическая работа вокруг этих дел почти не развернута. Борьба с хищениями общественной собственности приобретает на данном этапе особое значение в свете указаний товарища Ленина о роли учета и контроля, как решающей задачи низшей фазы коммунизма. «Учет и контроль — вот главное, что требуется для «налажения», для правильного функционирования первой фазы коммунистического общества», — писал Ленин (т. XXI, стр. 440).

Критикуя рецензию Бухарина, написанную им на работу Ленина «Государство и революция», и сравнивая эту рецензию с позицией, которую занимали «левые коммунисты» в 1918 году, Ленин, характеризуя задачи учета и контроля, писал: «Учет и контроль... надо наладить не только за «ничтожным меньшинством капиталистов, за господчиками, желающими сохранить капиталистические замашки», но и за теми из рабочих, которые «глубоко развращены капитализмом» ... и за «туеядцами, баричами, мошенниками и тому подобными хранителями традиций капитализма»... знаменательно, что этого Бухарин не подчеркнул» (Ленин, т. XXII, стр. 528).

Направленный против всевозможных форм уклонения от государственного учета и контроля, против расхищения общественной собственности, закон 7 августа 1932 г. выполняет свою величайшую историческую роль основы социалистической законности на данном этапе.

Сталинская Конституция в главе X, подчеркивая основные права и обязанности граждан, особо выделяет обязанность беречь и укреплять общественную социалистическую собственность.

«Каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся.

¹ Ст. 5 проекта Конституции Союза ССР.

Лица, покушающиеся на общественную, социалистическую собственность, являются врагами народа» (ст. 131).

На основе Сталинской Конституции мы должны выковывать новое коммунистическое сознание, характеризующееся отношением к общественной собственности как «священной и неприкосновенной», уважением к правилам социалистического общежития.

А. ВЫШИНСКИЙ

Сталинская Конституция и задачи органов юстиции¹

Товарищи, подавляющее большинство приглашенных на сегодняшнее совещание товарищей налицо. Я думаю, что мы можем приступить к работе. Я полагаю, что мы не будем конструировать специального президиума, ибо это не съезд, а оперативное совещание, а руководство совещанием поручим руководству Прокуратуры Союза с участием прокуроров союзных республик.

В порядке дня у нас два вопроса: мой доклад о проекте новой Конституции и наших задачах и второй вопрос—доклад т. Рогинского о прохождении службы в органах прокуратуры, положение о Союзной прокуратуре и дисциплинарный устав.

Этих двух вопросов достаточно для того, чтобы исчерпать весь круг тех важнейших вопросов, которые нам предстоит обсудить накануне Съезда советов, которому будет предложен на утверждение проект новой Конституции.

Разрешите перейти к докладу. (Аплодисменты).

Мой доклад посвящен проекту новой Конституции и задачам органов юстиции. Ясно, что в этом докладе важнейшее место займет вопрос о задачах органов прокуратуры. Одним этим вопросом я бы ограничиться не мог, ибо ограничить работу прокуратуры от работы суда и всей судебной системы и ряда вопросов, связанных с организацией этой судебной системы, было бы невозможно и неправильно.

Проект новой Конституции, который на июньском пленуме ЦК нашей партии товарищ Сталин охарактеризовал, как кодекс наших завоеваний, как кодекс наших достижений, действительно ставит перед нами ряд чрезвычайно серьезных и важных вопросов. Это объясняется раньше всего самым историческим значением проекта Конституции. Историческое значение проекта Конституции, как Конституции победившего социализма, огромно. Новая Конституция являет собой яркое свидетельство неисчерпаемых творческих сил пролетариата, пролетарской революции, шествующей семимильными шагами по пути своего исторического развития, по пути построения бесклассового социалистического общества.

Новая Конституция — это новая величайшая веха на историческом пути советского государства, превратившегося под руководством нашей великой коммунистической партии и нашего

Это указание Сталинской Конституции означает необходимость и сейчас, после 4-летнего действия закона 7 августа 1932 г. усилить борьбу с хищениями общественной собственности с тем, чтобы, как говорил товарищ Сталин на январском пленуме ЦК и ЦКК в 1933 году, «развезть в прах последние остатки умирающих классов и разбить их воровские махинации».

великого вождя и учителя товарища Сталина в итоге блестящих побед, одержанных на протяжении всего времени нашей пролетарской революции, начатой еще под водительством Ленина, в подлинное социалистическое государство.

5 лет тому назад товарищ Сталин, указывая на нашу отсталость от передовых стран на 50—100 лет, говорил:

«Мы должны пробежать это расстояние в 10 лет. Либо мы это сделаем, либо нас сомнут».

С тех пор прошло 5 лет, и нас не смяли. За эти 5 лет мы пробежали столетний путь своего государственного развития. Мы выполнили ту величайшую программу преобразования нашей отсталой страны в передовое социалистическое государство рабочих и крестьян, выполнили задачу, которая была поставлена перед нами самой Октябрьской революцией.

Нас не смяли потому, что, выполняя требования и план, начертанный волей рабочего класса, мы имели во главе всего нашего победоносного движения нашу партию, наш Центральный комитет партии, нашего великого Сталина.

Новая Конституция является свидетельством великой мощи пролетарского государства, как особой формы диктатуры пролетариата.

... Делают громадную ошибку те, кто представляет себе, что проект новой Конституции говорит не об укреплении, не о дальнейшем развитии мощи и силы советского государства, именно, как государства пролетарской диктатуры, те которые представляют себе, что принципы пролетарской демократии, нашедшие себе в проекте Конституции свое величайшее выражение, в какой бы то ни было степени ограничивают принцип пролетарской диктатуры, какой бы то ни было мере находятся с этим принципом в противоречии. Ведь только на основе победы пролетарской диктатуры оказалось возможным внести в нашу ныне действующую Конституцию такие изменения, какие предполагается внести в нее утвержденным Президиумом ЦИК Союза для внесения на Всесоюзный съезд советов проектом Конституции. Диктатура пролетариата и ничто иное обеспечило Советской стране победы, породившие проект новой Конституции, дающие нам самую демократическую конституцию в мире. В беседе с Рой Говардом товарищ Сталин так и оценивал проект новой Конституции, говоря: «наша новая Советская Конституция будет, по-моему, самой демократической конституцией из всех существующих в мире». И это абсолютно верно. Проект Конституции представляет собой выражение наиболь-

¹ Переработанная стенограмма доклада на Всесоюзном прокурорском совещании 13 июля 1936 г.

шего развития пролетарского демократизма. Величайший и подлинный демократизм, выраженный в проекте Конституции, явился результатом тех крупнейших, гигантских, имеющих всемирно-историческое значение изменений, которые произошли в нашей экономике, в наших общественных и политических отношениях, в соотношении в нашей стране классовых сил. Эти классовые отношения разрешились окончательно победой социализма, предрешившей исчезновение не только эксплуататорских классов, но классов вообще, классов, как таковых. Победа пролетарского демократизма это и есть победа пролетарской диктатуры. Пролетарской диктатуре удалось при поддержке трудящегося крестьянства осуществить то, что предвидел товарищ Ленин — развить мощь социалистического хозяйства и новые производительные силы и доказать «всякому и каждому наглядно, воочию, что социализм таит в себе гигантские силы и что человечество перешло теперь к новой, несущей необыкновенно блестящие возможности стадии развития».

Вот какова историческая роль, каково историческое предназначение пролетарской диктатуры, обеспечившей те всемирно-исторического значения блестящие, гигантские победы, которые поставили на очередь вопрос об изменении нашей Конституции в целях приведения ее содержания в полное соответствие со всеми этими изменениями.

Совершенно естественно, что и государственное устройство нашей страны должно было подвергнуться изменениям: его необходимо было привести в соответствие с нынешним соотношением классовых сил, с новой социалистической экономикой, с новыми, созданными на этой основе общественными отношениями. Совершенно правильно было высказано («Большевик» № 13, статья т. Стецкого), что и «диктатура пролетариата, изменяя общественные отношения, сама не оставалась неизменной: она укрепила свою базу построения социализма, сделала союз рабочих и крестьян нерушимым, открыв для трудящегося крестьянства новый путь подъема на основе коллективизации, на основе ликвидации кулачества».

Вот предпосылки, вот вся та общественно-политическая обстановка, которая обусловила необходимость внесения в Конституцию тех изменений, какими характеризуется сейчас проект Сталинской Конституции. Вот те исторические обстоятельства, которые обусловили неизбежность и закономерность перехода на данном уровне развития социализма в нашей стране к новой Сталинской Конституции победившего бесклассового социалистического общества. Это, конечно, не означает, что у нас уже совершенно исчезли классы, что у нас исчезли следы влияния классовых отношений, что грань классов в нашей стране окончательно стерлась. Этого мы еще не достигли. Но мы в основном решили все те задачи, которые позволяют характеризовать наше общество в Стране советов, как бесклассовое социалистическое общество, как социалистическое государство рабочих и крестьян.

За предшествующее время решены пролетарской революцией на основе пролетарской диктатуры и советской власти задачи крупнейшего, выдающегося общественно-экономического и политического значения.

Организован и построен, как неприступная твердыня социализма, Союз советских социали-

стических республик. Проект новой Конституции, принятый Президиумом ЦИК Союза ССР для внесения на обсуждение Съезда советов, подтверждает незыблемость и нерушимость, неприкосновенность и непоколебимость Союза советских социалистических республик, созданного единодушно выраженной волей народов советских союзных республик, охраняющего национальное равноправие, являющееся одним из величайших завоеваний и достижений пролетарской революции. Навсегда уничтожена частная собственность на средства производства, уничтожена эксплуатация, безработица. Это само по себе представляется явлением громадного исторического значения. Это определяет собой и политический характер тех изменений, которые вносятся в проект Конституции. Уничтожены паразитические остатки классов эксплуататоров — помещиков, фабрикантов, кулачества. Создана, организованная по последнему слову мировой научной техники, социалистическая промышленность и коллективизированное сельское хозяйство. Поднято на недостижимый для капиталистических стран уровень и высоту материальное и культурное благосостояние трудящихся масс. Выражением этого громаднейшего подъема культурно-материального благосостояния трудящихся, широчайших народных масс нашей страны является историческая формула товарища Сталина: «Жить стало лучше, товарищи, жить стало веселее». Это не просто историческая формула, лозунг, это не программное задание, это уже реально воплощенный в жизнь один из основных принципов нашей партийной программы. Стираются грани между классами. Все больше и больше укрепляется и растет бесклассовое социалистическое общество.

Вот, по крайней мере, пять основных предпосылок, которые объясняют необходимость и неизбежность принятия новой Конституции, невозможность дальше удовлетворяться Конституцией 1918 г. или даже 1924 г. Вот предпосылки новой Конституции, полностью отвечающей особенностям нашей эпохи и особенностям нашего социалистического общества. «Наше социалистическое общество, — говорил товарищ Сталин в беседе с Рой Говардом, — является социалистическим потому, что частная собственность на фабрики, заводы, землю, банки, транспортные средства у нас отменена и заменена собственностью общественной». Но замена частной собственности на средства производства общественной собственностью возможна лишь на основе пролетарской диктатуры...

Новая Конституция и является выражением той новой «искомой» и найденной формы пролетарской диктатуры, которая, поднявшись на высшую ступень своего могущества, своего укрепления, находит свое реальное выражение в осуществляемых этой Конституцией принципах.

Ничего не поняли, ничего не понимают или не хотят понять в том, что совершается у них перед глазами, наши враги, пытающиеся истолковывать сейчас новую Конституцию, как показатель нашего попятного движения, движения назад к капитализму, к буржуазной демократии.

Можно было бы назвать целый ряд буржуазных газет, которые, касаясь вопросов, связанных с проектом новой Конституции, склонны уверять, по крайней мере своих читателей, что

проект новой Конституции вызван, якобы, тем процессом внутреннего перерождения, которым-де болеет в настоящее время советская власть, и что этот процесс выражается в неизбежном попятном движении назад, к капитализму, к буржуазной демократии.

Больше того, товарищи. Не все и среди нас достаточно ясно себе представляют соотношение между пролетарской диктатурой и пролетарской демократией в нашей новой Конституции. Об этом можно судить хотя бы по тем многочисленным вопросам, которые сплошь и рядом задаются на разных совещаниях людьми, не всегда, очевидно, ясно себе представляющими, что установление тех ограничений, которыми характеризуется Конституция 1918 г. и 1924 г. в отношении отдельных категорий наших граждан, вовсе не носило характера каких-то незыблемых принципов, таких устойчивых и твердых, которых никогда нельзя изменить, от которых никогда нельзя отказаться.

Неправильно представление, что пролетарская демократия всегда, во всех условиях, при всех условиях своего развития должна характеризоваться теми ограничениями, которые в отношении избирательных и гражданских прав отдельных категорий граждан были установлены Конституцией начала нашей революции. Думающие так не понимают, что эти ограничения были вызваны тогдашними условиями, характером и особенностями классовой борьбы. Проект новой Конституции отменяет эти ограничения, как потерявшие всякий политический смысл в новых условиях, в бесклассовом социалистическом обществе. Некоторые товарищи склонны рассматривать эти ограничения, как признак, как особенность пролетарской диктатуры. Поэтому-то отмену этих ограничений они готовы рассматривать как ограничение самой пролетарской диктатуры. Это происходит из непонимания соотношения между пролетарской демократией и пролетарской диктатурой. Напомню, что мы имеем в высказываниях по этому поводу наших учителей — Ленина и Сталина.

В беседе с первой американской рабочей делегацией в декабре 1927 г. товарищ Сталин, излагая марксистско-ленинское понимание вопроса о диктатуре пролетариата, подчеркнул, что «основную идею диктатуры пролетариата, как политического господства пролетариата и как метода свержения власти капитала путем насилия, дали Маркс и Энгельс. Новое у Ленина состоит в этой области в том, что: а) он открыл советскую власть, как государственную форму диктатуры пролетариата, используя для этого опыт Парижской коммуны и русской революции; б) он раскрыл скобки в формуле диктатуры пролетариата под углом зрения проблемы о союзниках пролетариата, определив диктатуру пролетариата, как особую форму классового союза пролетариата, являющегося руководителем, с эксплуатируемыми массами непролетарских классов (крестьянства и пр.), являющимися руководимыми; в) он подчеркнул с особой силой тот факт, что диктатура пролетариата является высшим типом демократии при классовом обществе, формой пролетарской демократии, выражающей интересы большинства (эксплуатируемых), — в противовес демократии капиталистической, выражающей интересы меньшинства (эксплуататоров)» (И. Сталин, Беседа с первой американской рабочей делегацией 9 сент. 1927 г. «Вопросы ленинизма», стр. 170).

Таким образом, диктатура пролетариата не только не противоречит пролетарской демократии, но, наоборот, в известных исторических условиях она является высшей формой демократии.

Ту мысль, что диктатура пролетариата является формой пролетарской демократии, выражающей волю большинства, в противовес демократии капиталистической, выражающей волю меньшинства, — подчеркнул Ленин в своей статье «О задачах III Интернационала». Разоблачая лже-социализм Каутского и Макдональда, в действительности этих подлинных лейтенантов капитала и подголосков капитализма, Ленин говорил: «Пролетариату нужно уничтожение классов — вот реальное содержание пролетарской демократии, пролетарской свободы (свободы от капиталиста, от товарообмена), пролетарского равенства (не равенства классов — на эту пошлость сбиваются Каутские и Вандервельды, и Макдональды, — а равенства трудящихся, которые свергают капитализм и капитализм). Пока есть классы, свобода и равенство классов есть буржуазный обман. Пролетариат берет власть, становится господствующим классом, ломает буржуазный парламентаризм и буржуазную демократию, подавляет буржуазию, подавляет все попытки всех других классов вернуться к капитализму, дает настоящую свободу и равенство трудящимся (что осуществимо лишь при отмене частной собственности на средства производства), дает им не «права» только, а реальное пользование тем, что отнято у буржуазии.

Кто не понял этого содержания диктатуры пролетариата (или, что то же, Советской власти или демократии пролетарской), тот всуе приемлет это слово». (В. Ленин, О задачах III Интернационала, т. XXIV, стр. 398—399).

Таким образом, Ленин ставит знак равенства между диктатурой пролетариата и пролетарской демократией. То, что мы имеем в целом ряде высказываний Ленина, где он говорит об ограничениях в избирательных правах буржуазии, показывает, что эти ограничения вовсе не являются обязательным и необходимым, неизбежным при всех исторических условиях признаком пролетарской диктатуры.

«Как я уже указывал, — говорил выше Ленин, — лишение буржуазии избирательных прав не составляет обязательного и необходимого признака диктатуры пролетариата. И в России большевики, задолго до Октября выставившие лозунг такой диктатуры, не говорили заранее о лишении эксплуататоров избирательных прав. Эта составная часть диктатуры явилась на свет не «по плану» какой-либо партии, а выросла сама собой в ходе борьбы. Историк Каутский этого, конечно, не заметил. Он не понял, что буржуазия, еще при господстве меньшевиков (соглашателей с буржуазией) в советах, сама отделила себя от советов, бойкотировала их, противопоставляла себя им, интриговала против них. Советы возникли без всякой конституции и больше года (с весны 1917 до лета 1918) жили без всякой конституции. Озлобление буржуазии против самостоятельной и всемогущей (ибо всех охватывающей) организации угнетенных, борьба — притом самая беззастенчивая, корыстная, грязная — борьба буржуазии против советов, наконец, явное участие буржуазии (от кадетов до правых эсеров, от Милюкова до Керенского) в корниловщине, — вот что подготовило

формальное исключение буржуазии из Советов» (Ленин, т. XXIII, стр. 369—370).

Таким образом, ограничение в избирательных правах или полное лишение избирательных прав отдельных категорий населения для пролетариата, осуществляющего свою диктатуру, является исторической необходимостью, а не принципом *sine qua non* (абсолютным условием). Меняется историческая обстановка, меняются исторические условия, меняется и решение этого вопроса. Разгром эксплуататорских классов, ликвидация буржуазии, кулачества и т. д., резко меняет постановку вопроса о гражданских правах всех групп и слоев населения. Буржуазии в Союзе ССР уже нет. Это просто «бывшие люди», которые разгромлены как класс, лишены всякой экономической почвы, уходят как класс в вечность. В таких условиях нет необходимости устанавливать ограничения, которые могли бы помешать этим людям стать в ряды трудящихся, строящих новое социалистическое общество.

Вот именно эта новая обстановка и обуславливает необходимость по-новому разрешать этот вопрос, однако, в полном соответствии с принципами Маркса и Ленина, с принципами учения Ленина—Сталина относительно построения в советском государстве государственных учреждений, всего государственного строя, построения и наполнения реальным историческим содержанием самой пролетарской диктатуры. Поэтому проект новой Конституции не противопоставляет диктатуру пролетариата пролетарской демократии. Наоборот, в проекте новой Конституции отражается синтез диктатуры пролетариата и пролетарской демократии, как особой формы пролетарского государства.

В настоящее время мы создали все условия для окончательного торжества принципов пролетарской демократии. Но когда говорят о том, что вот это развитие принципов пролетарской демократии нас ведет прямым путем к капитализму, толкает к буржуазной демократии, то в этом утверждении допускается явно клеветническая фальсификация понятий и истории. Явно клеветническим утверждением является утверждение о том, что принципы пролетарской демократии и сама пролетарская демократия напоминают собой или могут в какой-нибудь части или в каком-нибудь отношении быть приведены к так называемой буржуазной демократии.

В действительности, между пролетарской демократией и между буржуазной демократией лежит такая же пропасть, какая лежит между диктатурой пролетариата и буржуазной диктатурой. Как одна диктатура совершенно не похожа на другую, так не похожи одна на другую и эти две демократии, хотя они и называются одним именем.

Для того чтобы ответить на вопрос, в какой же мере в действительности принципы нашей демократии отличаются от принципов буржуазной демократии, не плохо вернуться к тому, что же такое действительно буржуазная демократия.

Возьмем несколько образцов. Возьмем американскую демократию и американскую конституцию. Из того, что собой представляет американская конституция, легко можно увидеть, что собой представляет американская демократия, потому что едва ли американская конституция не является самой демократической конституцией из всех буржуазных конституций мира.

Один из историков американской конституции, известный ученый Брайс говорит, что американская конституция образовалась «в результате благоразумного компромисса между разнообразными интересами и стремлениями». Вот это именно обстоятельство и исключает раньше всего всякую возможность проводить какую бы то ни было аналогию между нашими конституциями 1918 года и 1924 года, тем более между проектом Сталинской Конституции, с одной стороны, и самой демократической буржуазной конституцией, с другой. Буржуазные конституции представляют собою результат компромисса между разнообразными противоречивыми интересами, между тем как наши конституции никогда не были ни в какой мере результатом компромисса. Большевицкая конституция, созданная рабочим классом, под руководством партии большевиков, всегда была выражением непримиримой борьбы, исключавшей какой бы то ни было компромисс с другими классами, не допускающей никакого компромисса с какими бы то ни было классовыми интересами, противоположными интересам рабочего класса.

Первое и основное отличие и особенность всякой буржуазной конституции заключается в том, что буржуазные конституции являются результатом «благоразумного» компромисса, ищущего равнодействующую, которая должна привести буржуазию к спокойному осуществлению своей деятельности. Недаром буржуазные государствоведы говорят, что основной вопрос всякой конституции это найти противовесы, т. е. так организовать государственный строй, чтобы создать равновесие отдельных частей для обеспечения устойчивости всего общественного строя, который позволил бы буржуазии осуществлять эксплуатацию рабочего класса.

О том, что представляет собой американская демократия, можно судить по словам Гамильтона, откровенно писавшего буквально следующее:

«Все общества делятся на немногих и многих. Первые являются богатыми и людьми хорошего происхождения, вторые — массами народа... Народ беспокоен и непостоянен: он редко рассуждает правильно. Поэтому надо предоставить первым (богатым) определенное и постоянное участие в правительстве. Они будут удерживать вторых (массы) от шатаний, и, так как изменения не сулят первым никаких выгод, они всегда будут сохранять хорошее правительство».

Эта концепция находит полное подтверждение в так называемом «принципе равновесия» между исполнительной, судебной и законодательной властями, лежащем в основании каждой буржуазно-демократической республики. Цитированный выше Брайс пишет: «Составители американской конституции не скрывали своего намерения сделать ее орудием задержек и противовесов. Каждая отрасль национального управления должна была сдерживать все другие и поддерживать общее равновесие». По существу, это «равновесие» сводится к сведению на нет прав народного представительства, хотя бы и полностью обработанного буржуазными партиями с помощью утонченной системы насилия и обмана. Именно борьбой против народа и боязнью народа объясняются и громадные полномочия президента, выбираемого косвенным голосованием. «Президент является главой неотвечественных перед парламентом министров или, как их более упро-

щенно называют в США, секретарей, главой армии и флота, руководителем внешней политики; он обладает правом накладывать вето на законопроекты парламента — правом, которое, несмотря на существенные ограничения, все же является весьма эффективным. С момента вступления США в мировую войну фактическая власть президента еще более усиливается (один из американских правоведов характеризует это как — демократический цезаризм. — М. Т.)»¹.

Возьмите Брайса и Гамильтона и поставьте перед собою вопрос, что же характеризует конституцию одной из самых демократических буржуазных стран в мире, и вы должны будете дать ответ, который покажет, что между буржуазной конституцией и буржуазной демократией и нашей конституцией и нашей демократией нет ничего общего. Буржуазная конституция, как выражение буржуазной демократии, раньше всего есть выражение компромисса между различными борющимися силами. Пролетарская революция является результатом победы рабочего класса в классовой борьбе. Ленин именно в этом видел сущность конституции, как результата реального соотношения сил в классовой борьбе.

Совершенно исключительное место в американской конституции занимает верховный суд, который, по выражению Джефферсона, представляет собой коршуна, приставленного к конгрессу, чтобы «держат курятник в порядке». Верховный суд состоит из назначаемых президентом, с одобрения сената, девяти несменяемых пожизненных судей. Компетенция верховного суда американской конституцией определена чрезвычайно широко и, главное, так расплывчато, что на практике это привело к праву верховного суда объявлять неугодные командующей верхушке законы противоречащими конституции и фактически их аннулировать.

Реакционный американский правовед Джемс Т. Юнг вполне откровенно пишет:

«Конституция переполнена мерами безопасности против крайнего радикализма; суд должен защищать эти защитные валы консерватизма, в противном случае государственная жизнь могла бы быть дезорганизована вследствие злоумышленного каприза случайного (парламентского) большинства».

В этих словах полностью отражается ничтожество американской демократии и бессилие американского парламента, этого «курятника», отданного под судейский надзор.

Бессильному парламенту противостоит всемогущий президент, избираемый выборщиками по отдельным штатам. Насколько ничтожной является роль этих выборщиков, можно судить по замечанию Брайса, что «на избирательных бюллетенях, на которых печатаются имена выборщиков, печатаются и имена тех кандидатов, за которых они должны подавать голоса».

Возьмите другую конституцию, тоже хваленую «демократическую» конституцию — английскую. «Английская демократия, — говорил Энгельс, — демократия наподобие России», т. е. России царского времени. Вы представляете себе, что это за демократия, если она похожа на царскую Россию. Верхнюю палату с наследственными законодателями Энгельс называет «инвалидным домом для отживших депутатов». Английский парламент, все больше и больше

превращается в формально действующее учреждение. В настоящее время внепарламентское законодательство выросло до громадных размеров. Это развязывает руки министрам и делает их бесконтрольными, сводит на нет все принципы буржуазно-демократической конституции. В 1918 г. выборы парламента в Англии производились в условиях, позволивших окрестить эти выборы, как «хаки выборы», т. е. выборы по военной команде. Знаменитый «Габеас корпус акт» 1679 г. — тот самый «Габеас корпус акт», который считается библией, евангелием личной свободы англичанина, — этот «Габеас корпус акт» был, однако, ограничен в своем действии путем простого парламентского постановления в 1926 г. в связи со знаменитой английской забастовкой углекопов. Хваленый демократический английский суд, суд присяжных — это суд лавочников. «Свобода слова, — по выражению одного отнюдь не марксистского писателя, по выражению знаменитого буржуазного юриста Дайси, — есть не более, как право говорить и писать только то, что какие-нибудь 12 лавочников сочтут удобным». Вот что такое свобода слова, как и свобода печати и свобода собраний в Англии.

Из приведенных мною примеров вы видите, что представляет собою английский демократизм и хваленая английская конституция.

Наконец, возьмите французскую демократию, не знающую до сих пор избирательных прав женщин, лишаящую избирательных прав моряков и граждан, проживших менее 6 месяцев в том избирательном округе, в котором они должны избирать. Во Франции президент также назначает министров. Ст. 5 конституционного закона 25 февраля 1875 г. дает праву президенту Франции по согласованию с сенатом распустить палату до срока и без всякой мотивировки, без объяснения причин.

Я здесь на ряде примеров показал, что собою представляет американская конституция и американская демократия, что собою представляет хваленая английская демократия и английская конституция, что собою представляет французская конституция и французская демократия.

И после этого кто посмеет говорить, что наш новый проект Конституции в чем-нибудь напоминает буржуазные конституции, что мы возвращаемся к буржуазной демократии?!

Советский демократизм новой Конституции характерен раньше всего отсутствием каких-либо ограничений, исходящих из расовых, национальных признаков, из вероисповедания, социального происхождения, образовательного ценза, прошлой деятельности, имущественного положения. Прочитайте ст. 136 проекта нашей Конституции и вы увидите, с какой полнотой осуществляется этот принцип в проекте Конституции. Всеобщее, прямое, равное и тайное голосование — это действительно всеобщее, это действительно прямое, это действительно равное, это действительно тайное голосование. Некоторые товарищи не без трудностей усваивают эти величайшие изменения, которые наша партия вносит в организацию нашей государственной жизни. Кое-кто сомневается, можно ли действительно дать избирательные права «бывшим людям», не будет ли это ущербом для блага советского государства. Кое-кто изыскивает средства, чтобы как-нибудь приспособить этот принцип к своим старым представлениям, примирить его со своими старыми

¹ Цитирую по «Конституции буржуазных стран» кн. 1.

понятиями, отнюдь не отличающимися, однако, марксистско-ленинско-сталинской теоретической выдержанностью. Когда мы говорим о всеобщем избирательном праве, то мы имеем в виду, что это право должно быть предоставлено всем гражданам, достигшим 18-летнего возраста, за исключением умалишенных и лиц, осужденных судом к наказаниям, соединенным с лишением прав. Конституция говорит об этом совершенно точно, не допуская никаких кривотолков. Однако некоторые товарищи сомневаются, ставят целый ряд вопросов: а будут ли пользоваться по Конституции избирательным правом попы, а будут ли пользоваться избирательным правом бывшие люди, бывшие купцы, бывшие торговцы, спекулянты и т. д.

Эти товарищи не хотят вдуматься в проект Конституции. Они не хотят понять сущности происходящих в нашей жизни изменений. Они считают, очевидно, что законы, изложенные в проекте Конституции, имеют лишь «примерное значение», «общий смысл» и что каждому дано толковать эти законы, как ему кажется лучше, вносить в них свои «дополнения» и «разъяснения», словом, приспособлять Конституцию к своим политическим вкусам, к своему рассудку и к своим предрассудкам. Один товарищ меня спросил, нельзя ли, несмотря на принцип всеобщего избирательного права, лишить избирательного права полов на том основании, что Конституция не дает избирательных прав умалишенным. Ведь нельзя допустить, что человек, посвящающий себя священнослужению, сохранил здравый смысл! — рассуждает этот товарищ. — Всякий поп, — говорит этот товарищ, — должен быть признан умалишенным и как умалишенный должен быть лишен избирательного права. Этот товарищ не сообразил, однако, что в таком случае пришлось бы лишить избирательных прав всех верующих, только потому, что они верующие, ходят в церковь и верят своим «духовным» наставникам. Вот до каких вредных чудачеств можно дойти! Проект Конституции говорит о всеобщем избирательном праве, и никаких ухищрений, никакого чиновничьего крючкотворства, направленного на извращение этого принципа, мы не потерпим. Обязанность прокуроров протестовать против всяких подобных «художеств», направленных против принципов новой Конституции, против самой Конституции.

Некоторые неправильно представляют себе и указание Конституции на лишение избирательных прав по суду. Некоторые полагают, что это надо понимать в том смысле, что можно определенные категории граждан лишать избирательных прав, независимо от того, совершили они или нет какое-либо преступление. Такое понимание Конституции неправильно. Конституция лишает права участвовать в выборах и быть избранными лиц, осужденных судом с лишением избирательных прав. Следовательно, речь идет о тех, кто совершил какое-либо преступление и осужден за это преступление к какому-то наказанию с лишением избирательных прав. Это «с» играет решающую роль. Проект закона не имеет в виду присуждения к лишению избирательных прав, а присуждение к наказанию с лишением избирательных прав. Лишение избирательного права является лишь дополнительной мерой, дополнительной к какому-то другому наказанию. Если человек никакого другого преступления не совершил, тот факт, что он был священнослужителем или купцом, не дает еще оснований

для предания его суду, а следовательно и для лишения его избирательных прав. В противоположность буржуазной демократии, лживой и лицемерной, которая говорит на словах одно, а на деле поступает по-другому, да и на словах не то говорит, что соответствует подлинному всеобщему избирательному праву, потому что в ряде буржуазных стран избирательное право не распространяется на громадную массу населения, — наша Конституция, говоря о всеобщем избирательном праве, имеет в виду действительно всеобщее избирательное право, действительно равное, действительно тайное, действительно прямое избирательное право. Это — глубоко принципиальная постановка вопроса о всеобщем избирательном праве.

Лишение известных категорий населения избирательных прав было вызвано в свое время исторической обстановкой, историческими условиями. Это мероприятие было продиктовано не каким-то отвлеченным принципом, а логикой классовой борьбы.

Ленин писал: «Но если буржуазию, как класс, подавлять необходимо, то лишать ее избирательных прав и равенства не необходимо» (т. XXIV, стр. 146).

Ленин говорил: «Буржуазию до Октябрьской революции и после нее никто из Советов не изгонял. Буржуазия сама ушла от Советов». ... «Наша конституция, как мы указываем, вынуждена была внести это неравенство, потому что культурный уровень слаб, потому что организация у нас слаба. Но мы не превращаем этого в идеал, а, напротив, по программе партия обязуется систематически работать над уничтожением этого неравенства более организованного пролетариата с крестьянством, неравенства, которое нам придется отвергнуть, как только нам удастся поднять культурный уровень. Тогда мы сможем обойтись без таких ограничений» (т. XXIV, стр. 147).

Прошло меньше 20 лет со времени VIII съезда нашей партии в 1918 г., на котором тов. Ленин произнес эти замечательные исторические слова, определявшие по существу весь путь развития пролетарской демократии, до тех грандиозных всемирного исторического значения высот и завоеваний, которыми характеризуется наше время, которые нашли свое подлинное отражение в великом Сталинском проекте Конституции. Прошло 20 лет — срок ничтожный в развитии общества, и мы под гениальным руководством и благодаря этому гениальному руководству Ленина и Сталина выполнили это требование нашей партийной программы. Благодаря изменившейся вследствие победы социализма объективной материально-хозяйственной и политической обстановке, благодаря изменениям, созданным победой диктатуры пролетариата под руководством нашей партии во главе с великим Сталиным, мы смогли осуществить этот великий принцип нашей партийной программы.

Величайшей особенностью Сталинского проекта Конституции является принцип подлинного верховенства советского народа. Об этом говорит весь строй государственных и общественных отношений по проекту Сталинской Конституции. Первое, что говорит о подлинном принципе верховенства советского народа, это принцип сосредоточения законодательной власти в руках Верховного Совета Союза и Верховных Советов союзных республик. Ни один орган власти не обладает законодательными функциями — ни Президиум Верховного Сове-

та, ни Совнарком, ни тем более отдельные наркомы. Президиум Верховного Совета имеет право лишь толковать законы, издавая указы, толковать действующие законы, но никаких новых законов Президиум Верховного Совета издавать не может. Совнарком Союза и СНК союзных республик по будущей Конституции не имеют даже права толковать законы. Они имеют право лишь издавать постановления и распоряжения на основе и во исполнение действующих законов и в соответствии с действующими законами. Наркомы имеют право издавать приказы и инструкции в пределах своего ведомства и тем самым лишаются полномочий, которые могли бы напоминать законодательные функции. Это — особенность для юристов в высокой степени важная, над ней необходимо юристу серьезно задуматься. В этом отношении проект Сталинской Конституции представляет собою громадное новшество по сравнению с конституциями прошлых лет. В проекте новой Конституции мы имеем не «разделение властей», а распределение или разделение функций государственного строительства. Единственным законодательным органом, которому принадлежит право издавать законы, является Верховный Совет и в пределах их компетенции — Верховные советы союзных республик. Самое введение в Конституцию термина «указ» рядом с термином «закон», введение терминов «постановление», «приказ» и «инструкция» много говорит о стремлении внести полный порядок в государственное хозяйство, в дело государственного строительства, ввести размежевание отдельных функций, характерное для новой Конституции. Законы издает Верховный Совет, Президиум Верховного Совета издает указы, Совнарком — постановления и распоряжения, отдельные наркомы в пределах своего ведомства издают приказы и инструкции, — вот новое и в высшей степени важное деление, отличающее проект Конституции с точки зрения принципов организации основных рычагов государственного строительства.

Второй принцип — равноправие палат. Здесь нет ничего похожего на то, что мы имеем в отношениях между верхней и нижней палатами в капиталистических странах. В нашей Конституции нет ни верхней, ни нижней палаты. Одна палата — Совет Союза, другая палата — Совет национальностей, совершенно равноправные палаты, пользующиеся одинаковыми правами. На совместных заседаниях каждая палата голосует раздельно, чем полностью обеспечивается национальный суверенитет, права национальных меньшинств. Этот принцип имеет величайшее значение, является прямым завоеванием Великой пролетарской революции.

Право роспуска — тяжелый вопрос для буржуазных конституций, неразрешимый с точки зрения буржуазной демократии. Я уже цитировал закон 1875 года Французской республики, который предоставляет президенту право без объяснения причин до срока распустить палату депутатов. Право роспуска в проекте нашей Конституции предусматривается ст. 47. В каком случае может иметь место роспуск, как право роспуска мотивируется, как гарантируется право национальных меньшинств при роспуске? В ст. 47 говорится: «В случае разногласия между Советом Союза и Советом Национальностей вопрос передается на разрешение согласительной комиссии, образованной на паритетных началах. Если согласительная комиссия не приходит к согласному решению

или если ее решение не удовлетворяет одну из палат, вопрос рассматривается вторично в палатах. При отсутствии согласного решения двух палат, Президиум Верховного Совета СССР распускает Верховный Совет СССР и назначает новые выборы».

Нужно прямо сказать, что ст. 47 дает полную гарантию, что роспуск нашего советского парламента, роспуск Верховного совета будет иметь место в исключительных случаях, в таких случаях, которые действительно обоснованы и оправдывают этот роспуск.

Я уже сказал, что новый проект Конституции не знает разделения властей, хотя с внешней стороны мы такое разделение увидеть можем: мы имеем законодательную власть, исполнительную власть и судебную.

Законодательная власть принадлежит только Верховному Совету, исполнительная власть принадлежит только Совнаркому и исполнительным органам на местах. И, наконец, судебная власть принадлежит суду. Это однако несколько не похоже на знаменитую теорию Монтеスキё о разделении властей, развитую в его сочинении «О духе законов».

И можно прямо сказать, что в нашем проекте Конституции нет и духа разделения властей. Здесь есть простое техническое разделение определенных государственных функций.

Буржуазная теория разделения властей — ведь это только теория. Никогда в действительности, в жизни, ни в одной буржуазной стране на практике эта теория осуществлена не была. Даже буржуазные теоретики в сущности никогда не отвергали, что эта теория создана для успокоения общественного мнения. В интереснейшей книге Сидней-Лоу о государственном строе Англии, мы находим места, которые прямо разоблачают иллюзорность, эфемерность этой теории. «Можно сказать, пишет Сидней-Лоу, что кабинет в его теперешней форме является комитетом не парламента, а лишь одной партии парламента, который, пока она находится у власти, ведает и законодательством и администрацией, и политикой и финансами».

Куда же дальше идти в «разделении» властей, если в одних руках сосредоточено ведение и законодательством, и администрацией, и политикой и финансами. Все, оказывается, вопреки этой теории, находится в руках этого кабинета в Англии, который в действительности есть ни что иное, как комитет господствующей партии парламента.

Вот почему совершенно правильным будет утверждение, что теория разделения властей служит лишь тонким, хитрым прикрытием эксплуатации, прикрытием угнетательского характера государственного механизма, который в капиталистических странах, в буржуазном обществе является механизмом угнетения, эксплуатации пролетариата.

«Если присмотреться поближе к механизму капиталистической демократии, — писал Ленин, — то мы увидим везде и повсюду, и в «мелких», якобы мелких, подробностях избирательного права (ценз, оседлости, исключение женщин и т. д.), и в технике представительных учреждений и в фактических препонах праву собраний (общественные здания не для «нищих»!), и в чисто капиталистической организации ежедневной прессы и так далее, и так далее, мы увидим ограничения, да, ограничения демократизма»¹.

¹ Ленин т. XXI, стр. 430.

Этой задаче — обмануть широкие народные массы, запорошить глаза всякого рода либеральными теориями, отвести эти глаза от действительного положения вещей — и служит эта так называемая теория разделения властей. Было бы грубейшей ошибкой в нашей системе организации государственных органов, отделившей функции законодательства от функций исполнения, а тем более, от судебных функций, усматривать какой бы то ни было признак возрождения, или перехода, или скачивания на рельсы теории Монтеスキе.

Наконец, что самое важное, на что я хотел бы обратить ваше внимание, говоря о нашей Конституции, это — реальность нашей Конституции и реальность прав граждан. Возьмите главу X этой Конституции и вы увидите, что каждая строчка, каждый параграф, — это целая эпоха, это целая история. «Настоящая свобода, — говорит т. Сталин, — имеется только там, где уничтожена эксплуатация, где нет угнетения одних людей другими, где нет безработицы и нищенства, где человек не дрожит за то, что завтра он может потерять работу, жилище, хлеб, только в таком обществе возможна настоящая, а не бумажная, личная и всякая другая свобода»¹.

Вот что представляет собой в кратких чертах проект новой Сталинской Конституции, являющийся действительным, подлинным выражением торжества и могущества диктатуры пролетариата, находящего на данном этапе развития свое выражение в великих принципах пролетарского демократизма, отраженных в проекте новой Конституции.

Но эта Конституция представляет для нас интерес еще с одной стороны. Ни одна Конституция, не говоря уже о конституциях капиталистических стран, ни одна из Конституций, ранее существовавших в нашем советском государстве, не ставит так вопроса о роли и месте советского закона. — а следовательно, в известной мере это касается и нас, как носителей идеи советского закона, как хранителей этих советских законов, — как это мы встречаем в проекте Сталинской Конституции.

В ряде мест, особенно ответственных мест, проект Конституции прямо ссылается на силу законов, как бы в подтверждение, в доказательство реальности, исторической закономерности и неизбежности тех или иных устанавливаемых Конституцией принципов.

Я хотел бы вам напомнить ст. 9 проекта Конституции:

«Наряду с социалистической системой хозяйства, являющейся господствующей формой хозяйства в СССР, допускается законом мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей, основанное на личном труде и исключаящее эксплуатацию чужого труда».

Может быть, с первого взгляда эта статья и не привлечет к себе особенного внимания. Но, с той точки зрения, с которой я хотел бы сейчас привлечь ваше внимание к проекту Конституции, эта статья играет громадную роль.

Разве нельзя было сформулировать эту статью таким образом, чтобы здесь не было упоминания о законе? Можно было. Однако, она сформулирована так, что не просто наряду с социалистической системой хозяйства

допускается мелкое частное хозяйство единоличных крестьян и кустарей; она подчеркивает, что хозяйство это допускается законом. Это не случайно. Во-первых, это ставит законные пределы действию права частного хозяйства. Это означает, что мелкое частное хозяйство можно иметь лишь при наличии условий или в пределах, которые очерчиваются законом, в свою очередь опирающимся на выраженный в этой статье принцип личного труда, исключаящего эксплуатацию чужого труда.

Следовательно, первое, что мы извлекаем из этой статьи, это прямое указание на то, что допускается законом, как определяющим, организующим общественные отношения фактором. Законом поднимаются на новую высоту силы, определяющие общественные отношения, допускающие в этих общественных отношениях те или иные моменты и явления. Это первое. Второе, что мы извлекаем из этой статьи, это указание на необходимость установления в законе ответственности за нарушение этих условий или пределов.

Из ст. 9 вытекает, что те лица, которые имеют мелкие частные хозяйства, основанные не на личном труде, а организованные с целью эксплуатации, или допускающие эксплуатацию, теряют право на защиту со стороны Конституции, со стороны советского закона, и должны быть признаны противоречащими принципам Конституции. Отсюда должны вытекать все уголовные и политические последствия, которые могут заключаться в предании суду, в наказании, а главное, в конфискации этих хозяйств.

Ст. 9 сразу ставит вопрос о законе, как о силе громадного общественного и политического и организующего значения. Это обстоятельство само по себе имеет громадное значение.

Ст. 20 говорит о силе общесоюзного закона, о том, как при известных условиях действует общесоюзный закон. Ст.ст. 39 и 40 говорят о порядке утверждения законов.

Ст.ст. 66, 73, 97 касаются деятельности Советов народных комиссаров, Советов депутатов трудящихся.

Во всех этих статьях компетенция высших органов государственного управления определяется с точки зрения действующего закона: «Совет Народных Комиссаров СССР издает постановления и распоряжения на основе и во исполнение действующих законов и проверяет исполнение» (ст. 66). О действующем законе, как основе всей деятельности различных органов государственной власти, говорит и ряд других статей Конституции.

Не в праве ли мы сказать, что уже это свидетельствует о том, что закону в новой Конституции отводится громадная роль, как организующей, регулирующей общественные отношения силе, как силе, которая является одним из важнейших рычагов государственного строительства, организации общественных и политических отношений.

В главе X, самой замечательной главе проекта, которая свидетельствует о величайших наших победах, обеспечивающих провозглашение каждой из этих статей права и обязанности советского гражданина и человека, мы имеем, как и всюду в Конституции, дело с законом, вступающим уже в свою роль охран-

¹ Беседа товарища Сталина с Рой Говардом.

теля и защитника интересов государства, прав и интересов отдельных граждан.

Ст. 123 говорит о равноправии граждан СССР, независимо от их национальности и расы, во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни, о равноправии, являющемся непреложным законом. Это замечательное указание. Можно было прямо сказать: в СССР все граждане имеют равные права. Но творец и вдохновитель новой Конституции, величайший стратег пролетарской революции товарищ Сталин, он дает именно такую форму этой статье, которая еще раз подчеркивает силу и значение советского закона. Равноправие граждан СССР, добытое пролетарской революцией, это есть непреложный закон. «Какое бы то ни было прямое или косвенное ограничение прав или, наоборот, установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой и национальной принадлежности, равно как всякая проповедь расовой или национальной исключительности, или ненависти и пренебрежения — карается законом». Вот какова роль советского закона в борьбе за равноправие граждан СССР!

Ст. 130, говорящая об обязанности каждого гражданина соблюдать Конституцию, напоминает и о необходимости одновременно исполнять законы.

Ст. 131, наконец, воспроизводит по существу идею закона от 7 августа об охране общественной социалистической собственности. Здесь говорится о том, что каждый гражданин обязан беречь и укреплять общественную собственность и что лица, покушающиеся на общественную социалистическую собственность, являются врагами народа.

Наконец, ст. 132, объявляющая всеобщую воинскую повинность законом, и ст. 133, карающая измену родине по всей строгости закона, как за самое тяжкое злодеяние, — говорят о громадном значении советского закона, в частности уголовного закона, поставленного на охрану основных прав советского гражданина и социалистического государства и получающего в свою очередь новую, небывалую силу, гарантируемую советскому закону новой Советской Конституцией.

Новая Конституция является свидетельством полной победы принципа непоколебимости, неизыблемости и единства советского закона, новая Конституция есть доказательство блестящей мощи советского социалистического права, стоящего на страже нового социалистического общества. Поэтому вполне понятно то особое значение, которое приобретает суд и прокуратура в борьбе за законность, за социалистическое правосознание. Все это достаточно ярко подчеркивается всем духом, всем контекстом Конституции, в частности и особенно это подчеркивается всем вам известной главой IX о суде и прокуратуре.

Вот почему перед нами, перед органами прокуратуры во весь рост встают задачи правильной организации своей работы в соответствии с требованиями, которые предъявляются сейчас и которые через несколько месяцев превратятся уже в действующий основной закон Советской страны.

Перед лицом этих задач необходимо предупредить об одной опасности, унаследованной нами от прошлого, — об опасности упрощения

и недооценки значения и роли не только принципов, выраженных в проекте Конституции, но и каждого отдельного требования, выраженного в том или другом параграфе, в той или другой статье этой Конституции. Эта недооценка является громадной опасностью. Не меньшей опасностью представляется недооценка роли советского права, советского закона, как носителей и хранителей советского социалистического правосознания. Вот почему мы сейчас должны особенно энергично бороться и давать беспощадный отпор всяким попыткам возродить у нас сейчас старые ошибки и старые извращения, которые имели место в прошлом. В 1923 году проф. Гойхбарг, тогда член коллегии Наркомюста РСФСР, в своей книге «Основы частного имущественного права» в главе «Несколько замечаний о праве» пытался поставить несколько принципиальных вопросов о праве. К сожалению, его постановка этих вопросов явно извращала марксистско-ленинское учение о праве и представление о роли и значении права, о характере советского права. «Феодальное государство, — писал проф. Гойхбарг в этой книге, — было государством божьей милостью, государством религиозным. Буржуазия назвала свое государство государством правовым. Религия и право — идеологии угнетающих классов, постепенно сменяющие одна другую. И если нам еще в настоящее время приходится ожесточенно бороться с религиозной идеологией, то в гораздо большей степени нам придется бороться с правовой идеологией. Всякий сознательный пролетарий знает в настоящее время или по крайней мере сотни раз слышал, что религия — опиум для народа. Но редко кто, мне кажется, сознает, что право еще более отравляющий и дурманный опиум для того же народа».

И дальше: «право моложе религии и потому бороться с идеей права, которая служит интересам эксплуататорского класса, гораздо труднее, чем с религиозными идеями. Гораздо более трудной и, пожалуй, гораздо более настоящей задачей, чем антирелигиозная пропаганда, должна явиться для нас пропаганда антиправовая. Право — следующее убежище для эксплуататорских классов после убежища религии».

Это писалось в журнале «Советское право», — здесь пропагандировалась борьба с «правовой идеологией». Если бы здесь имелась в виду буржуазная правовая идеология, то можно было бы обеими руками подписаться под этим положением. Но никакой оговорки в этом смысле Гойхбаргом сделано не было.

По Гойхбаргу выходит так, что право вообще, всякое право, и значит и советское право, служит интересам эксплуататорских классов. Это абсурд.

Проф. Гойхбарг говорит: «Гораздо более трудной и, пожалуй, гораздо более настоящей задачей, чем антирелигиозная пропаганда, должна явиться для нас пропаганда антиправовая». Удивительное явление! Член коллегии Наркомата юстиции — в роли пропагандиста против права!...

В этом рассуждении мы встречаемся с полным смешением понятий и отличий права буржуазного от права советского. Утверждение, что право вообще является убежищем для эксплуататоров и в силу этого необходимо бороться с идеей права и с правом вообще, в этой всеобщей форме ошибочно и политиче-

ски вредно. Это конечно чепуха, против которой нужно решительнейшим образом возражать. Это утверждение дает основание для извращенного представления о советском праве, о том, что собой представляет советский социалистический закон, оно вызывает и неправильное отношение к советскому праву и к советскому закону — отношение наплевательства и нигилизма к требованиям закона, в нашей практике — игнорирование требований уголовно-процессуальных и уголовных законов. Неправильное понимание роли и значения советского права, непонимание отличия права советского от права буржуазного, недооценка роли советского права и советского закона, как силы революционизирующей, как силы творческой, это непонимание и недооценка влекут за собой ряд тяжелых последствий. П. И. Стучка в свое время доказывал необходимость борьбы за идею революционной роли советского права, за идею революционной роли советского закона. Это совершенно правильная установка, но наряду с этим мы встречаем в нашей юридической литературе и такие взгляды, как, например, у Гойхбарга или у Архипова в его книге «Закон в советском государстве». В этой книжке Архипов, взявшись за трактовку понятия советского закона, начинает с утверждения, что закон является не чем иным, как основной идеологической формой буржуазных экономических отношений. Проф. Архипов не делает при этом никаких оговорок насчет советского закона, и следовательно, по Архипову, и советский закон является выражением буржуазных экономических отношений.

Подчеркивая, что «проблема смычки с крестьянством... выдвигает ряд других первоочередных проблем, — национальной, экономической и т. п. — проблему юридическую, проблему законности», проф. Архипов продолжает: «Разумеется, в советском государстве закон, как абстрактная норма, не может иметь того значения, какое, как мы видели, он имеет в классическом буржуазном обществе эпохи торгового капитала. Разумеется, в этом государстве не могут потерять первенствующее значение те формы управления, которые свойственны социалистическому государству, государству с единым центром, управляющему народным хозяйством и ставящему в основу этого управления начало плана». Развенчав, хотя и в завуалированном виде, роль советского закона, лишив советский закон «первенствующего значения», проф. Архипов приходит к заключению, что «господство закона — это автономия собственников» и что «на знаменах Октябрьской революции было начертано: вся власть советам, т. е. органам прежде всего управления и организации государственного аппарата».

Таким образом, по Архипову, советы — это «прежде всего» — не органы законодательные, а органы управления. В этом якобы и состоит особенность советского государства, отстраняющего закон (ведь «закон — автономия собственников»!) на последнее место, предпочитаящего закону «управление» и «организацию государственного аппарата». Неправильно и извращенно представляя себе природу закона вообще, проф. Архипов извращает и природу советского закона, сводя его к абстракции, к «обобщению отношений». В силу этой основной своей ошибки проф. Архипов неправильно утверждает, что «в пролетарском государстве не должно быть органа, который бы только

законодательствовал», и приходит к неправильному утверждению, что: «Наоборот, и советские конституции и советская практика всеми своими принципами противоречат монополизации нормотворческой функции».

Достаточно указать на ст. 32 и ст. 59 проекта Конституции, чтобы стала очевидной ошибочность этого утверждения.

Но и конституции прошлых лет не дают никаких оснований для такого утверждения. Уступая проекту новой Конституции в смысле четкости и категоричности в деле разграничения законодательных и управленческих функций, Конституции союзных республик предшествовавшего периода (например Конституция РСФСР 1925 г.) всю полноту государственной власти всегда сосредоточивали в руках республиканских съездов советов, а Конституция Союза ССР 1924 г. — в руках Союзного съезда, по полномочию и в пределах полномочия которых все другие органы вправе были осуществлять законодательные функции.

Но это еще не самое главное в «теоретике» проф. Архипова. Самое главное в том, что он вообще отрицает за законом право гражданства в советском государстве.

Проф. Архипов пишет: «Не надо быть особенно внимательным и чутким, чтобы признать, что закон и законность не составляли и не составляют одну из патетических нот режима пролетарской диктатуры — иные начала составляют его *essentiale*, иные принципы вдохновляют его творчество. Закон и законность в управлении играют свою роль в рабочем государстве, но это роль инструмента, а отнюдь не идеала или боевого лозунга». Вот против подобной точки зрения нужно решительно предостеречь, нужно было бы предостеречь и 10 лет тому назад. Архипов грубо извращает учение Маркса-Ленина-Сталина по вопросу о государстве. Архипов совершенно не понимает, что управление экономикой осуществляется и через законы и при помощи законов, что закон как орган, как инструмент, как орудие управления играет громадную роль, в особенности в таком сложном хозяйстве, каким является наше хозяйство, в такой огромной стране, какой является наша страна. Ленин говорит, что простому рабочему и крестьянину мы свое представление о политике даем в форме декретов. Ленин подчеркивал громадное значение законов; Ленин подчеркивал, что декреты являются проводником, средством пропаганды и агитации за политику советской власти. А в это же время ученый профессор поучает, что для нас закон — это второстепенное дело, что *essentiale* нашего государства не в законе, что иные патетические ноты звучат в симфонии социалистического строительства.

По Архипову, «акты вышестоящих органов отнюдь не должны пониматься нижестоящими органами, как предел, — «его же не преи-деши». Верховным мерилом является революционная целесообразность. Нижестоящие органы не обязаны их выполнять, если признают, что данная норма не предусматривает данного случая. Отсюда проф. Архипов приходит к абсолютно неправильному заключению, что «законы в советском государстве это — все общего характера юридические правила, независимо от какого органа они исходят».

Нужно ли особо подчеркивать всю ненаучность и ошибочность этих рассуждений, в

корне извращающих марксистско-ленинское учение о законе, дискредитирующих понятие советской законности и ее роли в советском государстве. Правда, рассуждения проф. Архипова имеют уже 10-летнюю давность. В условиях нынешней нашей эпохи, может быть, сам Архипов трижды отрекся бы от этих взглядов. В 1926 г. и даже позже в кое-каких «юридических» кругах ходило этакое поветрие «правового нигилизма». О проф. Архипове я напомнил именно как об одном из наиболее ярких выразителей этого поветрия, не мало повредившего делу укрепления нашей юстиции, нашего правового фронта. Я напомнил о работе Архипова вовсе не потому, что хотел обратить ваше внимание на этого профессора. Я остановился на нем только потому, что, к сожалению, те взгляды, которые нашли свое отражение в 1926 г. в книге Архипова, взгляды о том, что «гибкость» и «зыбкость» характеризуют советские законы, отличая их от буржуазных, — не только были в ходу в прошлом, но и до сих пор еще в ходу. И сейчас, в наши дни, мы можем указать на целый ряд выступлений и высказываний, которые по сути дела воспроизводят точку зрения, отражающую недооценку роли и значения нашего закона, как одного из рычагов борьбы за социализм. Ведь до сих пор еще спорят о соотношении между законом и так называемой «революционной целесообразностью», до сих пор еще кое-кто — и их, к сожалению, не мало — думают, что революционная целесообразность — это все, закон — ничто. Конечно, так откровенно сейчас никто не рискует ставить вопрос о законе, но в контрабандном порядке такая точка зрения протаскивается нередко и в выступлениях, и, что еще хуже, в решении отдельных судебных дел.

Это — старая болезнь, унаследованная от нашего отрицательного отношения к законам в прошлом, в дореволюционное время. Но то, что было правильно тогда, неправильно сейчас. Нельзя к вопросу о законе подходить по-архиповски: закон — абстракция, закон — автономия собственников, закон — не дело пролетарской революции. Нельзя пропагандировать в советском обществе подобную ересь, как нельзя расшатывать уважение к советскому закону, внедряя мысль о его «гибкости», отсутствии абсолютной его обязательности и т. д. и т. п. Отрицание абсолютной силы закона обычно маскируется указанием на невозможность руководствоваться «буквой закона». «Буква закона» — это очень удобный ход к тому, чтобы не подчиняться требованиям закона.

Было бы, конечно, неправильным требование соблюдать законы сводить к требованию подчиняться «букве закона». Буквоедство было и остается вреднейшей затеей бюрократов. Борьба с буквоедством — это священный долг каждого из нас, в особенности же — это долг советских юристов. Но ничего общего не имеет с буквоедством то, о чем мы говорим, требуя точного и безусловного исполнения советских законов, выражающих волю пролетариата, строящего новое социалистическое общество. Борьба за советский закон, за беспрекословное его исполнение — это борьба против бюрократических извращений в применении наших законов. А этих извращений бывает больше всего там, где начинается «правотворчество», революционная «целесообразность», «толкования» и борьба с «буквой закона»...

Товарищи иногда забывают, что советский закон — революционный закон, что революционный закон — это революционно целесообразный закон, т. е. закон, направленный на революционные цели, и что, следовательно, не может быть никакого противопоставления революционной целесообразности революционному закону. Больше того. Революционная или социалистическая целесообразность — это и есть подлинная сущность, подлинное содержание советской законности.

Неправильное представление о соотношении между социалистическим законом и судебским убеждением, о социалистическом законе и социалистическом правосознании является источником путаницы в головах очень многих людей. Эта путаница приводит к наплевательскому отношению к закону, которое оправдывает возможные нарушения законов тем, якобы, что этот закон не выдерживает критики с точки зрения революционной целесообразности.

Между тем, советское право отличается именно тем, что в советском праве достигнут величайший синтез этих трех начал: социалистического закона, социалистической целесообразности и социалистического правосознания.

В советском праве не может быть противоречия между законом и целесообразностью, потому что советский закон и выражает то, что целесообразно с точки зрения строительства социализма, с точки зрения борьбы за социализм. Следовательно, тут никакого противоречия быть не может, и зря, разумеется, некоторые товарищи борьбой против «буквы закона» пытаются прикрыть свое нежелание точно и последовательно исполнять требования закона.

Никто не станет защищать «буквы закона». Дело идет о борьбе с игнорированием закона, а тем более с извращением закона. Ссылкой на борьбу с «буквой закона» прикрываются всевозможные нарушения закона, которые мы имеем в нашей практике и в нашей правовой теории. Эти извращения говорят нам, что не совсем ладно у нас с представлением о советском законе и о соотношении между нашим законом и социалистической целесообразностью и социалистическим правосознанием.

Наше советское право в настоящее время является уже не просто правом переходного периода. Советское право — это есть право уже социалистического государства рабочих и крестьян. Это есть уже право эпохи социализма, эпохи построения основ социалистического общества. Советское право, следовательно, и должно отражать собою все те принципиальные особенности, которыми отличается наше нынешнее социалистическое общество, наше социалистическое государство рабочих и крестьян.

Маркс и Энгельс неоднократно указывали, и в этом заключается сущность марксистско-ленинского учения об идеологии вообще и о праве, как одной из форм идеологии — в частности, что право всегда отражает собой сущность общественно-производственных отношений, что право не имеет своей собственной истории и что господствующие производственные отношения определяют и господствующие юридические принципы. У нас сейчас господствует социалистическая система хозяйства; в основе ее лежит общественная социалистическая собственность. Наше право является социалистическим по своим задачам, — задачам охра-

ны интересов социалистического государства, интересов социалистического хозяйства, интересов общественной социалистической собственности. Едва ли может быть какое-нибудь сомнение в том, что социалистическое право является грозной, могучей организующей силой, громадным фактором не только регулирования, но и организации общественных отношений. Право есть не только регулятор общественных отношений, но это — фактор, организующий эти общественные отношения, это — сила, которая оформляет эти общественные отношения на основе господствующих экономических производственных отношений.

В этом смысле советское право сейчас является социалистическим правом. В этом смысле советскому праву предстоит громадная роль в деле дальнейшего его развития, в целях охраны советского государства, социалистического государства рабочих и крестьян, в целях охраны интересов наших граждан, строителей социалистического общества.

На нашем правовом фронте, в связи с новой Конституцией, встает ряд совершенно новых, важных и серьезных задач. Перед нашими органами и в области теории права и в области судебной практики встает ряд таких серьезных задач, которые, в сущности говоря, только теперь получают достаточное основание для своего полного и исчерпывающего решения. Можно сказать, что у нас теперь непочатый край работы и раньше всего — на участке общей теории советского права. Теория советского права еще не только нами не создана, но мы еще к проработке общей теории социалистического права по-настоящему и не подошли. Надо прямо сказать, что основная проблема закона и законности в социалистическом государстве до сих пор еще нами — ни нашим институтом, ни нашими кафедрами права — по-настоящему не поставлена. В свете новой Конституции эта проблема закона, проблема законодательства, проблема природы советских органов законодательной власти, исполнительной и судебной, должна быть разработана по-новому. Подобно буржуазной науке, создавшей свою теорию разделения власти, как основную теорию, конституционную теорию, мы должны разработать свою конституционную теорию.

В области общей теории права сейчас перед нами стоят крупные задачи, и разработка этих задач имеет колоссальное значение и для наших практиков — и криминалистов, и цивилистов, и прокуроров, и следователей, и судей. Общая теория права еще по сути дела не начата разработкой. Нам предоставляется полная возможность начать эту работу и довести ее до конца.

Перед нами стоит громадная задача и в области уголовного права — задача, связанная с пересмотром уголовного кодекса. Много времени мы трудимся над новым уголовным кодексом. Надо сказать, что нельзя пожалеть, что мы до сих пор эту работу не закончили. Наоборот, было бы очень жаль, если бы мы эту работу закончили до того, как вышел в свет новый проект Конституции, потому что тогда нам пришлось бы вновь заниматься пересмотром этого нового уголовного кодекса, который в одну ночь превратился бы в старый уголовный кодекс. (С места: — Все действительно — разумно). Я бы не сказал, что все действительно разумно, но я бы сказал, что было бы неразумно издавать кодекс, который

был бы недействительным. Я думаю, что именно на основе новой Конституции мы разрешим эту задачу наиболее быстро и успешно.

Что главным образом нам мешало создать новый уголовный кодекс? Нам мешало отсутствие единой точки зрения на основные задачи и принципы построения этого кодекса. Поэтому мы столько времени потратили на бесконечные прения в наших комиссиях, а возбыл «и ныне там». У нас не было отправных точек зрения, которые помогли бы нам решать споры и преодолеть препятствия, и легко и свободно создать этот кодекс. Эти препятствия, мне кажется, проект новой Конституции устраняет до конца. Самый проект Конституции создает те общие точки зрения, которые позволяют нам оформить целый ряд новых положений, без всяких, сравнительно серьезных, споров, если не считать некоторых второстепенных оттенков. Работа по составлению нового уголовного кодекса закончена и вероятно в ближайшее время уголовный кодекс увидит свет. Насколько велико влияние новой Конституции на советское уголовное право, насколько это влияние сказывается на проекте уголовного кодекса, видно из ст. 5 проекта уголовного кодекса Союза ССР, определяющей сущность преступления: «Преступлением, — говорится здесь, — признается предусмотренное настоящим кодексом действие или бездействие, направленное против социалистического государства, препятствующее социалистическому строительству, дезорганизующее социалистический правопорядок или нарушающее неприкосновенность личности или права граждан». Обратите внимание: преступлением признается... предусмотренное настоящим кодексом действие или бездействие и т. д., а не вообще всякое общественно-опасное действие, направленное и т. д. — как это говорилось в прежних уголовных кодексах. Это определение само по себе с точки зрения развития принципов нашего уголовного права, с точки зрения развития советской уголовно-правовой теории является громадным шагом вперед по пути наиболее правильного определения тех задач, которые должен сформулировать уголовный кодекс. Перед нами стоит задача — дать новые формулировки и понятия о наказании, дать ряд новых статей, новых составов уголовного преступления, предусматриваемых особенной частью. Статьи главы X Конституции выдвигают ряд задач, которые относятся непосредственно к особенной части. Если Конституция провозглашает неприкосновенность личности, то надо, чтобы в уголовном кодексе было сказано гораздо тверже и решительнее о тех нормах, которые защищают неприкосновенность личности в советском государстве, которые карают за нарушения этого конституционного закона, которые ставят вопрос об ответственности за нарушение этого принципа неприкосновенности личности. Если мы говорим о провозглашаемом Конституцией праве на образование или о праве на труд, или о праве на отдых, то и это влечет за собой неизбежную обязанность сказать в уголовном кодексе о тех мерах, которые охраняют эти права, иначе эти права могут оказаться лишь номинальными, хотя, конечно, основой этих прав является не юридическая норма, а весь советский строй, вся структура советской власти, вся организация советского общественного устройства, обеспечивающая всей силой государственных запасов и средств осуществление

прав, провозглашенных главой X проекта Конституции. Если мы говорим в главе X Конституции о неприкосновенности жилища, то это требует внесения в уголовный кодекс тех статей, которые бы обеспечили на деле, которые защитили бы этот принцип.

Таким образом, перед нами громаднейшее поле деятельности с точки зрения мобилизации сил и средств на охрану и защиту принципов, провозглашаемых нашей Конституцией, на охрану прав и интересов граждан нашей великой страны.

Несомненно проект новой Конституции, в частности ст. 14 этой Конституции, которая относит к ведению Верховного Совета Союза вопросы уголовного и гражданского права и процесса и вопросы судеустройства, ставит сейчас вопрос не только о едином, общесоюзном уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, но и вопрос о едином для всего Союза ССР гражданском кодексе. Ставится вопрос о коренном пересмотре ряда принципиальных вопросов и в области гражданского материального и процессуального права. Нельзя согласиться, чтобы при новой Конституции оставались в действии гражданские кодексы 1922 г.—1923 г. со всеми архаизмами эпохи нэпа и несколько более поздней эпохи, совершенно несозвучными требованиям нынешней эпохи. Не останавливаясь на отдельных вопросах, укажу для примера на такие статьи, как ст. 5 Гражданского процессуального кодекса РСФСР, как ст.ст. 54 и 57 Гражданского кодекса. Все это, следуя вольтеровскому принципу, надо поскорее сжечь и создать новый кодекс, который отражал бы новизну отношений, характеризующих наше социалистическое государство.

В области уголовного процесса перед нами также стоит целый ряд вопросов. Вопрос о праве на защиту, поставленный в Конституции в общей форме, ставит вопрос о праве на защиту и в досудебный период, т. е. до того момента, когда дело переходит в суд. Я ставлю этот вопрос очень осторожно, в силу понятных и естественных причин. Но при этой осторожности законно поставить сейчас вопрос о праве на защиту не только в том смысле, что обвиняемый может защищаться собственными силами, но в том смысле, что он может пригласить для защиты своих интересов защитника и в стадии досудебной, по крайней мере в стадии предания суду. Я не исключаю возможности поставить в ближайшее время вопрос о допущении защиты на предварительном следствии. Это может показаться еретическим, опасным, рискованным, но я готов взять на себя риск утверждения, что не исключена целесообразность, необходимость уже теперь подготовиться к тому, что в ближайшее время защита должна быть допущена, по крайней мере по определенной категории дел, или вернее по всем делам за исключением определенной категории, к участию и в предварительном следствии. Во всяком случае здесь целый ряд вопросов надо ставить иначе, чем это было до сих пор. Сейчас уже нельзя считать абсолютно приемлемой такую постановку вопроса, когда следствие допускает экспертизу по делу тайне от обвиняемого, оставляя его в неведении по этому вопросу, преподнося ему только конечные результаты, которые сплошь и рядом требуют последующей проверки, после которой иногда не остается камня на камне от этой экспертизы, действовавшей изолированно от

обвиняемого и тем более от его защитника.

Гражданский процесс, — мне кажется, что и здесь должны быть в гораздо большей степени раздвинуты рамки принципа публичности, чем это имеет место сейчас. Надо установить в целом ряде дел обязательное участие прокурора в целях защиты интересов нашего общества, в целях защиты интересов советского государства и принципов социализма.

Таким образом, проект Конституции ставит перед нами целый ряд громадных вопросов, подлежащих самой безотлагательной разработке. К сожалению, мы представляем достаточно инертную, неинициативную, малоподвижную, я бы даже сказал, застывшую массу. Вот возьмите: как ни странно, за месяц, который прошел со дня опубликования проекта Конституции, мы с периферии (я особенно имею в виду РСФСР и Украину) не получили ни одного предложения от органов прокуратуры, ни одного дополнения к Конституции или на основе этой Конституции к нашим процессуальным и уголовным законам. Прокуроры, следовательно, судьи проявляют, по моему мнению, величайшую пассивность — пассивность, которая граничит, — если можно так выразиться, — даже с отсталостью. Именно отсталость творческой мысли мы имеем, и это находит свое выражение в том, что наши работники на местах молчат и не вносят никаких предложений, которые со всей неизбежностью вытекают из проекта Конституции. Между тем думать, что кто-нибудь это сделает за нас, не приходится рассчитывать на это нельзя. Несомненно, что нам нужно было бы проявить здесь больше инициативы, больше активности. А как раз эта активность и инициатива отсутствуют. И тут нельзя не послать упрека по адресу и наших институтов, и в частности Института уголовной политики, который, очевидно, в связи с наступившим летом серьезно-таки раскис, так раскис, что не проявляет никакой инициативы. (С места: — Уехали в отпуск). Даже не уехали в отпуск — директор сидит здесь за столом в голубой куртке, а его заместитель — в первом ряду в белой куртке... (смех). Институт не проявляет должной инициативы, а между тем он мог бы очень нам помочь в целом ряде вопросов, имеющих первостепенное значение.

Перед нами стоят громадные практические вопросы и задачи. Одной из самых важных задач, на мой взгляд, является задача обеспечить авторитет нашего советского суда, судебных приговоров, судебных решений. Эта задача является наиболее важной именно потому, что глава IX начинается с указания на советское правосудие, и мы обязаны поэтому приложить все свои силы, чтобы правосудие в Союзе ССР было действительно таким, каким оно должно быть в Советской стране и каким не может быть ни в одной капиталистической стране. Правосудие у нас должно крепко стоять на прочных ногах. Это обеспечит ему всеобщее уважение, это обеспечит авторитет нашего суда и его решений. А в этом отношении у нас дело обстоит все еще не вполне благополучно.

Авторитет судебный у нас еще не очень высок. Судебные решения и приговоры пользуются часто малым авторитетом и не только в публике, в массе, — там они, пожалуй, пользуются большим авторитетом, чем в нашей собственной среде. Именно этим можно объяснить сравнительно легкое отношение к судебным приговорам и решениям и бесконеч-

ные обжалования и бесконечные протесты, свидетельствующие о том, что к суду и к его работе в настоящее время еще нет должного уважения.

Следовательно, первая и основная задача — построить свою работу так, чтобы поднять авторитет и уважение к нашему советскому суду.

Народный суд, избираемый на основе всеобщего избирательного права, сам по себе обеспечит самым способом своего образования тот авторитет, которого мы должны добиваться. Но от прокуратуры, от нашего отношения к народному судье и к суду вообще, от нашего участия в работе народного суда будет зависеть очень многое в деле дальнейшего и еще большего укрепления его авторитета.

Вот почему я считаю, что это является важнейшей задачей органов прокуратуры. И наша прокуратура должна поставить перед собой задачу — поднять авторитет народного судьи, всячески бороться за авторитет суда и авторитет судьи, за авторитет судебных приговоров и решений и в глазах собственных работников, и в глазах всего населения — широчайших масс нашей страны.

В связи с организацией народного суда на началах всеобщего, равного, прямого и тайного избирательного права, естественно, встанет вопрос о тех условиях, которым должен удовлетворять народный судья и народный заседатель. Если мы для народных заседателей никаких не выставляем условий, и если можно считать, что установление каких бы то ни было условий было бы вредным и политически ошибочным, то этого нельзя сказать в отношении народного судьи.

Для избрания народного судьи необходимо установление каких-то предварительных условий. Какие же должны быть эти условия? Вы знаете, что в печати у нас по этому поводу пробежала небольшая дискуссия. Тов. Нахимсон, член Верховного суда СССР, выступил с предложениями двоякого рода. Во-первых, он считает, что народный судья должен избираться из лиц, имеющих юридическую квалификацию. Во-вторых, — что народный судья должен избираться не на какой-то срок, хотя бы на три года, а должен избираться бессрочно.

Мне кажется, что оба эти предложения совершенно неправильны. Неправильно требовать, чтобы народный судья обязательно обладал юридическим образованием. Это означает попытку совершенно искусственно сузить круг тех лиц, из которых должны формироваться народные судьи и которые должны своим талантом и своим опытом внести в органы юстиции ту живую творческую струю, которой мы ждем от них.

Мы должны, однако, сказать, что народным судьей может быть всякий гражданин СССР, если он удовлетворяет по крайней мере следующим требованиям. Первое требование — это грамотность. Не может быть народный судья неграмотным хотя бы потому, что народному судье придется, конечно, писать и подписывать приговоры. Мы должны далее требовать, чтобы народный судья обладал известным общественно-политическим опытом. Впрочем это может играть скорее роль пожелания, чем требования, потому что мы можем допустить, что избранный народным судьей приобретет этот опыт в будущем.

При организации народных судов необходимо исходить из того, что всеобщее, равное, пря-

мое и тайное избирательное право как активное, так и пассивное, должно быть реализовано полностью, без каких либо поправок и ограничений.

Что касается второго предложения относительно бессрочности, то и это предложение необходимо отвергнуть, хотя бы из соображений установления максимальной связи народного судьи с массами своих избирателей, что возможно только тогда, когда судья будет периодически переизбираться, когда он пробудет в этой должности по крайней мере такой срок, который необходим для того, чтобы он мог проявить себя как судья и овладеть той работой, которая обеспечит ему и необходимое качество этой работы. Конечно, плохо, если народный судья часто меняется. Но не менее плохо, если он не будет переизбираться через определенный период времени потому, что в таком случае он потеряет связь со своими избирателями.

В организации судебной системы надо исходить из принципа двухстепенности нашей системы: из наличия первой и второй инстанций. Отсюда вытекает требование ликвидировать в краях и областях, в автономных республиках и в союзных республиках так называемые президиумы и пленумы краевых, областных и верховных судов. В том виде, как эти президиумы и пленумы существуют сейчас, они не нужны, их нужно ликвидировать. Ликвидация их должна быть всеми решительно одобрена. Кому как не прокуратуре известно, что означают президиум и пленум этих судов, постоянно вмешивающиеся в судебную работу, подменяющие первую и кассационную инстанции, присваивающие себе судебные функции, создающие множественность судебных инстанций и порождаемую этим невероятную волокиту.

Если президиумы и пленумы верховных союзных и автономных республик, краевых и областных судов лишить этих судебных функций и свести к роли административных органов, то это означало бы лишить эти президиумы и пленумы всякого права на существование.

Конституция совершенно отчетливо передает функции судебного управления народным комиссариатам юстиции Союза и союзных республик. В этой области судам ничего делать не остается. Их роль, как органов судебного управления, исчерпана.

Поэтому вопрос о президиумах и пленумах судом должен, по моему мнению, быть решен в отрицательном для них смысле. Эта точка зрения вызывает возражения со стороны ряда товарищей. Они тут выступают, в частности выступают члены Верховного суда. Я думаю, что этот вопрос должен влечь за собой решение судьбы и так называемой судебно-надзорной коллегии Верховного суда Союза. Верховный суд должен ликвидировать эту судебно-надзорную коллегию. Мы имеем уголовную коллегию по судебным делам, мы имеем гражданскую коллегию по судебным делам, мы имеем специальную коллегию по судебным делам и, наконец, судебно-надзорную коллегию.

Из кого состоит эта судебно-надзорная коллегия? Судебно-надзорная коллегия, по существу, является кассационной, проверочной инстанцией по всем решительно вопросам, которые возникают где бы то ни было и как бы то ни было. Она, в сущности говоря, рассматривает дела по заключениям своих коллегий. Поэтому

судебная коллегия Верховного суда играет роль аппарата, обслуживающего судебно-надзорную коллегия. Гражданская коллегия играет роль аппарата судебно-надзорной коллегии. Но это никак не предусмотрено никаким законом. Не лучше ли в таком случае надзорные функции передать как раз тем коллегиям, которые сейчас играют роль обслуживающего судебно-надзорную коллегия аппарата?

Поэтому мы в правительственной комиссии по пересмотру положения о судеустройстве стали на такой путь: судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР должна быть ликвидирована; наоборот, коллегии уголовная по судебным делам, гражданская по судебным делам должны быть укреплены. Они должны иметь право надзора и работать в качестве кассационной инстанции по отношению к делам, которые прошли через кассационные коллегии верховных судов союзных республик.

В краях кассационная коллегия — это кассационная коллегия краевого суда, и кончено. Если председатель краевого суда или прокурор края не довольны решениями краевого суда, они благоволят поставить вопрос перед вышестоящими органами — перед Кассколлегией Верховсуда Республики.

Таким образом, мы предлагаем в свете новой Конституции два основных мероприятия: первое — твердо блюсти 2-инстанционную нашу судебную систему; второе — в порядке надзора переносить дела на рассмотрение не особых надзорных коллегий, а на рассмотрение соответствующих кассационных инстанций. Несколько слов об отношениях между Наркомюстом, Прокуратурой и Верховным судом Союза ССР.

Я хотел бы использовать наше совещание для того, чтобы подвергнуть некоторому обсуждению те точки зрения, которые были высказаны в печати; во-первых, проверить точку зрения, выдвинутую т. Антоновым-Саратовским относительно наркомсуда или Наркомюста. Мысль, которую он защищает в своей статье в «Правде», я считаю абсолютно неправильной, — мысль, которая исходит из необходимости включить в состав Народного комиссариата юстиции Прокуратуру Союза ССР. Мысль эта противоречит проекту Конституции. Если принять предложение т. Антонова-Саратовского, тогда оказалось бы так, что Прокуратура Союза включена в Народный комиссариат юстиции Союза. В качестве кого же? Ясно, что при таком положении прокурор Союза должен являться одним из заместителей народного комиссара юстиции Союза ССР. Значит, тогда мы восстанавливаем тот старый порядок, от которого мы ушли, который осужден нашей партией, порядок, опирающийся на принцип двойного подчинения. По Конституции прокурор Союза осуществляет высший надзор за законностью действий наркоматов и подведомственных им органов. Если Народный комиссариат юстиции есть наркомат, то следовательно прокурор Союза осуществляет высший надзор и по отношению к Наркомату юстиции.

В таком случае получается положение, когда входящий в систему Наркомюста прокурор Союза, являющийся заместителем наркома юстиции Союза ССР, осуществляет высший надзор за этим наркомом юстиции. Ясное дело, что эта концепция не выдерживает никакой критики. В конституционной комиссии т. Крыленко попытался поставить вопрос о том, чтобы

выбросить из проекта одно слово «высший» в отношении надзора, осуществляемого прокурором Союза. Это очень маленькое предложение, на первый взгляд безобидное, но оно могло повлечь за собой чрезвычайно серьезные последствия. После ряда возражений, представленных некоторыми членами конституционной комиссии, это предложение было отклонено, и Н. В. Крыленко из этого сделал соответствующий вывод: раз конституционная комиссия отвергла поправку об исключении слова «высший», то уже с этого момента стало ясно, что, следовательно, прокурор Союза осуществляет высший надзор и по отношению к Наркомату юстиции Союза ССР, а это предreshает по существу вопрос о месте нахождения Прокуратуры Союза. Последняя статья проекта Конституции говорит о том, что прокуроры на местах не подчиняются никому, кроме как прокурору Союза; прокуроры республик назначаются прокурором Союза. И надо сказать, что когда один из членов конституционной комиссии поставил вопрос о сохранении старого положения о том, что прокуроры союзных республик назначаются прокурором Союза по согласованию с ЦИК союзных республик, — это предложение также было единодушно отвергнуто.

Мы имеем полное основание говорить, что нынешняя Прокуратура Союза строится, как единая самостоятельная система прокурорских органов, сугубо централизованная, — то, что французы называют «*unie et indivisible*», т. е. единая и нераздельная, построенная по единому принципу, руководимая прокурором Союза, которому здесь предоставлены громадные права: прокурор Союза назначает прокуроров республик, прокурор Союза назначает краевых и областных прокуроров, даже без согласования с прокурорами республик. Районных прокуроров назначают прокуроры республик, но с утверждения прокурора Союза. Все это исходит из единого принципа — принципа строгой централизации, принципа единого руководства со стороны прокурора Союза всеми органами прокуратуры. Только при этих условиях можно сделать из прокуратуры боеспособный оперативный орган, который действительно будет блюсти единство социалистической законности, не подчиняясь никаким местным влияниям. Иная постановка вопроса была бы грубой ошибкой и политической и юридической.

Я в течение ряда лет пропагандировал и в своих лекциях, и в печати тезис о выделении прокуратуры из системы наркоматов юстиции. о построении органов прокуратуры как самостоятельной, независимой от НКЮ системы.

Из всего проекта Конституции и всех организационных отношений, которые строятся между Прокуратурой Союза и прокуратурами союзных республик и районными прокуратурами, ясно вытекает, что это — самостоятельная система, которая не может и не должна быть включена в Наркомюст Союза и наркомюсты союзных республик¹.

Перехожу к вопросу об отношении между Верховным судом и Наркомюстом Союза ССР. Наркомюст Союза ССР нами мыслится, как орган судебного руководства и судебного управления. Это означает, что Наркомюст ве-

¹ Пост. ЦИК и СНК Союза ССР от 19 июля, как известно, разрешило этот вопрос именно в указанном выше направлении.

дает целым рядом вопросов, связанных с организацией работы органов суда. Это значит, что Наркомюст получает право давать судам общие инструктивные указания, производить ревизии, проверять состояние судебных органов, давать установки по вопросам судебной политики, контролировать правильность осуществления этих установок, именно как орган высшего судебного управления. Надо прямо сказать, что с моей точки зрения Верховный суд Союза ССР и верховные суды республик по отношению к своим судам теряют функции управления полностью. Верховный суд Союза — высший судебный орган. Он имеет право судебного надзора за всеми судебными органами, но судебный надзор нельзя смешивать с административным надзором. Административные полномочия отходят от Верховного суда Союза ССР к НКЮ Союза ССР.

Вот основные вехи реорганизации, перестройки нашей системы, всей системы юстиции в свете проекта новой Конституции.

Переходя к основным задачам органов прокуратуры, я должен остановиться на двух разделах нашей работы: на вопросах, связанных с общим надзором, и на вопросах так называемого судебного надзора и участия прокуратуры в работе судебных органов. К этому вопросу относятся и вопросы следствия. Надо прямо сказать, что вопросы общего надзора в свете новой Конституции приобретают еще большее значение, чем они имели до сих пор. Уже как предвосхищение этого положения, которое вытекает из проекта новой Конституции, СНК Союза ССР в прошлом году издал специальное постановление об усилении общего надзора. В частности, вы помните дело с выпуском бонн и денежных суррогатов. Пострадавшие от этого дела находятся на сегодняшнем заседании. (Голоса: — Пора снять выговора). Это в зависимости от дальнейшей успешной работы по общему надзору. Это обстоятельство влечет за собой важнейшую перестройку, оно обязывает Прокуратуру Союза и прокуратуры союзных республик, краев и областей организовать специальные отделы по общему надзору. Пройдя путь 3-летних испытаний, надлежит перейти к организации общего надзора, вернуться к этому вопросу, хотя и на новой основе.

Задачи общего надзора прокуратуры прямо предусмотрены ст. 113 проекта Конституции, возлагающей эти обязанности на прокурора Союза ССР, а следовательно, и на всю прокуратуру в целом. Мы предлагаем в той структуре, проект которой вам будет завтра предложен, вместо отделов по судебным делам в области промышленности, в области сельского хозяйства, в области материально-бытовой и т. д. создать отдел общего надзора, сконцентрировав таким образом все это дело в одном центре, превратив его в боевой штаб по руководству всем делом надзора за законностью в руках специального органа.

Одновременно должны быть созданы следственный отдел и уголовно-судебный отдел.

Есть кое-какие противники такого рода реорганизации, но мне кажется, что эти противники должны остаться в меньшинстве, в подавляющем меньшинстве. Мы должны создать боевой оперативный штаб по руководству нашими местными органами в деле общего надзора, должны создать отдел общего надзора, который это дело нам и обеспечит. Это первое.

Вторая по порядку, но не по значению задача заключается в том, чтобы перестроить работу прокуратуры в области судебной и кассационной деятельности. Здесь возникает вопрос: не следует ли изъять следственный аппарат из ведения прокуратуры, как предлагает т. Антонов-Саратовский, и передать его в ведение Наркомюста или, как предлагает А. Н. Виноградов, в ведение суда. (С места: — Ничего из этого не выйдет).

(Леплевский: — Есть такие предложения).

Мне кажется, достаточно поставить этот вопрос, чтобы высказаться против него. И это я говорю вовсе не с точки зрения ведомственного прокурорского самолюбия. Такое отрицательное отношение к этому вопросу вытекает из логики вещей. Ведь ясно, что изъавши из прокуратуры следственный аппарат, мы обезоруживаем прокуратуру.

Предлагающие это мероприятие мотивируют его тем, что за время пребывания в органах прокуратуры состояние следствия не улучшилось. Во-первых, это нужно доказать, что не улучшилось. По тем данным, которые имеются у меня в распоряжении, за последние 3—5 лет дело несомненно улучшилось. (С места: — Конечно, улучшилось). Особенно улучшилось там, где прокуроры серьезно занимаются следствием, — там оно действительно улучшилось.

Но где гарантия, что суд лучше поставит следственный аппарат? Такой гарантии нет и не может быть. Поэтому не приходится говорить о том, что следственный аппарат нужно передать судебным органам, и что прокуратура с этим делом не справилась. К сожалению, в этом деле мы до сих пор несем на себе тяжесть ошибок прошлого, когда НКЮ союзных республик не только не создали мощного следственного аппарата, но растеряли следовательские кадры, свели на-нет их роль и значение в системе юстиции, не обеспечили их даже элементарными техническими средствами, не говоря уже об их материальном и культурном обеспечении. По-настоящему мы стали заниматься следствием лишь в последние годы и кое-что в этом деле сделали, хотя и чрезвычайно, крайне, к сожалению, недостаточно.

Перейдем к вопросу о том, не передать ли следственный аппарат Наркомюсту. Что тогда получится? В этом случае мы Наркомюсту должны придать новую функцию, имеющую непосредственное отношение к прокурорской деятельности. Это будет означать, что Наркомюст является не органом управления судами, а органом управления судами плюс органом управления части аппарата, осуществляющего уголовное преследование, т. е. прокуратуры. По-моему, это было бы неправильно, и я думаю, что так вопрос ставить не следует. Если быть последовательными, то тогда нужно было бы ставить вопрос о передаче следственного аппарата не Наркомюсту, а судебным органам, как это мы имеем во Франции, как это мы имеем в Англии, — где мировые судьи являются по существу органами предварительного расследования и решения вопроса о дальнейшем направлении дела на рассмотрение по существу. Тогда было бы другое дело. Но так у нас вопрос не ставится. Я считаю, что наша задача сейчас заключается в том, чтобы превратить следственные органы в авторитетный аппарат, и из этого мы должны исходить. Сейчас перед нами стоит целый ряд новых громадных задач в связи с проектом новой Конституции. Нужна всемерно укрепить след-

ственный аппарат, повысив качество руководства его работой со стороны прокуратуры. И вот, подходя с такой точки зрения к этому вопросу, мне кажется, следственный аппарат надо оставить в составе прокуратуры... (Голоса с места: — Правильно, правильно!).

Но нужно перестроить всю работу по-новому. То, что мы имеем сейчас, — это никуда не годится. И вот для иллюстрации разрешите привести несколько цифр статистического порядка. Вот сведения о следственной работе наших прокуроров за I и II полугодия 1935 года и за I квартал 1936 года. По РСФСР расследовано следственными органами прокуратуры 16,2% в I полугодии 1935 года, во II полугодии — 16,7% и в I квартале 1936 г. 18,5%, другими следственными органами соответственно — 83,8%, 83,3% и 72,5%. Вот первая ненормальность, которая требует решительного устранения. Нельзя допускать такого положения, чтобы подавляющая масса следственных дел находилась в органах милиции, а не в органах прокуратуры. Это требует коренной переделки, коренного перелома. Никуда не годится, если мы имеем такое положение, что 18 или 20% расследований производятся органами следствия прокуратуры и 78—80% другими следственными органами. Это абсолютно неправильно. Это вытекает из двух обстоятельств. Во-первых, это вытекает из того, что мы не применяем уголовно-процессуального кодекса, хотя он не отменен. (С места: — Статья не гласит). Нет, печальная действительность такова, что статья не только не гласит, но не действует вообще. Статья числится по штату, а вы знаете, что не все, что числится по штату, блесит.

Это объясняется смешением понятий, где кончаются функции следователя, а где — органов милиции.

Мы наметили разграничение компетенции по подсудности органов следствия и органов милиции по простому принципу исчерпывающего перечня в законе тех преступлений, которые могут расследоваться теми или иными органами.

Мы пытались провести это разграничение по такому принципу: расследование, связанное с розыскными функциями, — милиции; расследование без розыскных функций — следователю. Но тогда мы встали втупик перед вопросом — а что такое розыскные функции? Поэтому мы перешли к принципу составления исчерпывающего перечня дел. Я думаю, что это не безынтересно будет вам прослушать. Этот перечень составлен применительно к особенной части нового Уголовного кодекса (т. Вышинский оглашает перечень дел, отнесенных к компетенции следователей и милиции).

Это мероприятие несомненно поставит перед органами прокуратуры ряд вопросов, связанных с улучшением следствия, и потребует гораздо большего напряжения внимания и гораздо больших усилий в деле руководства следствием, чем мы осуществляем это по отношению к следственным органам в настоящее время. Нужно поднять следственный аппарат на надлежащую высоту, нужно обеспечить этот аппарат высококвалифицированными кадрами. А что у нас в этом отношении наблюдается сейчас?

Один военный следователь в постановлении по делу об убийстве пишет: «Устюжинов чувствовал тяжелое состояние грусти, большой наплыв мыслей, от которых не мог избавиться».

Некоторые следователи не отличаются грамотностью. Часто следователи пишут: «каррека-тура», «ударил рукой по носу, который сразу рассердился». У меня имеется документ, подписанный прокурором и нарследователем одного района Азово-Черноморского края. Обвиняется некий Кужелев, который систематически растлевал свою приемную дочь-воспитанницу.

Вот что пишется в документе: «Кужелев — мужчина физически крепкий, по характеру неустойчив, грубый, сексуально возбудимый, о чем свидетельствуют его многочисленные сближения с женщинами, большое количество разводов с женой (6 раз) (!?)». Позорнейший документ, где все поставлено вверх ногами. Несчастный прокурор Гладилов и не менее несчастный нарследователь Жуковская оказались в плену «психологии», которой наделил их какой-то эксперт.

А по существу дела, что же они выяснили, к каким выводам пришли?

В постановлении сказано: «Пребывание Кужелева на свободе безусловно влияет на ход следствия и задерживает ход следствия по делу», но «изолировать Кужелева не удалось из-за отсутствия лимитов». Вот тебе бабушка и Юрьев день! Не хватило, видите ли, лимитов для изоляции наглого преступника! Вот бессилие прокурорского надзора! Но это не все. В этом постановлении говорится буквально следующее: «а) несомненно доказано, что Кужелев избивал Дусю; б) с почти абсолютной уверенностью можно предположить, что Кужелев фактически жил половой жизнью с Дусей; в) не совсем доказано, что отец побоями заставлял Дусю жить с ним... Из материалов дела можно установить, что Кужелев бил Дусю за ее лень, неустойчивость в работе, за ее бесхозяйственность...» и т. д. и т. п.

Что это за чудовищный документ! Что это за иезуитское крючкотворство! «Несомненно доказано», «с почти абсолютной уверенностью можно предположить», «не совсем доказано»... Разве это не настоящее издевательство над следствием! Следователь и прокурор копаются в вопросе — доказано ли, что отец побоями заставлял жить с ним свою дочь, хотя доказано, что он бил ее и что он жил с ней! Так нет! Прокурор и следователь нашли доказательства, что этот изверг бил Дусю за... бесхозяйственность, лень и неустойчивость в работе! А в результате — Кужелев на свободе, Кужелев продолжает, очевидно, избивать Дусю, насиловать ее... И посадить его нельзя — мешают лимиты! Какой позор для нас такие документы, такие прокуроры и следователи. Как можно терпеть таких прокуроров и таких следователей? Это возможно лишь при том условии, когда своих кадров мы конкретно не знаем, когда конкретно мы следователями и районными прокурорами не руководим, когда для нас следствие — это такая же абстракция, как закон для почтенного профессора Архипова. У нас имеется масса материалов, которые свидетельствуют о неудовлетворительном положении следствия. При такого рода положении вещей нам не поможет ни перераспределение дел между следователями и органами милиции, не помогут никакие новые принципы, никакие новые методы работы, если мы по-настоящему не возьмемся за наши кадры, за наших людей, если мы не рассмотрим каждого человека вместе и под руководством ваших местных партийных организаций, под руководством нашего Центрального комитета партии

здесь в Москве, если мы не поставим перед собой задачу в течение ближайших 3—4 месяцев — полугодия просмотреть буквально каждого работника и не выкинем из аппарата всей этой швали, всей этой нечисти, всех этих полуграмотных дураков или чрезмерно умных философов, — ничего хорошего не выйдет из нашей работы. У нас иногда говорят так: мы видим, что он не подходит, что он — путаник, но заменить его нечем, и мы его держим. А надо поставить вопрос иначе: если видишь, что он — не годится, что он — лодырь, что он политический бездельник, болтун, надо его устранить, не считаясь с тем, что у тебя будет оголен участок. Иначе мы следственную работу не поднимем. Следствие это — краеугольный камень судебной работы. Если мы таким образом заблаговременно не предъявим самых жестких требований в отношении улучшения следственной работы и нашей работы по руководству следствием, то мы никогда не обеспечим того положения, которое должен занять наш народный суд в свете и на основе новой Сталинской Конституции. Основа основ — это следствие, а значит — и следственный аппарат. Если мы хотим по-настоящему поднять работу суда на должную высоту, обеспечить ему необходимый авторитет, нужно покончить с тем неправильным в настоящих условиях положением, что следствие распылено по множеству отделов — между промышленным отделом, сельско-хозяйственным отделом, кооперативным и т. д. Изменились условия — надо уметь по-большевистски отказаться от старого и перейти к новому, отказаться от старых отделов, которые, как путы, связывают, тормозят наше движение вперед, и на их место поставить следственный отдел, который должен руководить всей следственной работой, должен контролировать следствие, помогать следователям и не только следователям, но и прокуратуре помогать выполнять свою важнейшую следственную обязанность, свою важнейшую задачу.

Я сказал уже об отделе общего надзора. Сейчас я должен буду сказать об отделе судебно-уголовном. Этот отдел необходимо организовать подобно тому, как у нас имеется уже сейчас отдел по гражданским делам. Я не думаю, чтобы товарищи с мест сказали, что это наше мероприятие не оправдало себя. Но надо сводить концы с концами. Создавши гражданский отдел, поняв, что центр нашей работы заключается в качестве судебной работы, мы должны так же поступить и по отношению к уголовным делам. Мы должны создать уголовно-судебный отдел, который будет руководить работой прокуратуры по выступлениям в судах первой инстанции, будет осуществлять надзор за судебной работой и будет направлять кассационную практику прокуратуры. Для нас неважно — касается ли это вопроса финансового, вопроса об убийстве или грабеже: с точки зрения овладения техникой нашего дела для нас важны те методы работы, те приемы, которые помогут установить безошибочно виновника, установить безошибочно условия совершения преступления, сигнализировать или принять меры к тому, чтобы эти преступления не повторялись. Это может сделать только тот аппарат, который будет специально этими делами заниматься, систематически изучая по отдельным краям и областям судебные дела, изучая, как прокуроры участвуют в прохождении дел, начиная от подготовительного заседания и кончая кассацион-

ной инстанцией.

Изучение судебного опыта и опыта судебной работы нашей прокуратуры и на основе изучения этого опыта дача указаний местам, конкретное оперативное руководство деятельностью нашей прокурорской системы в судах, — так стоит эта задача.

Наше производство — это суд и следствие, наше производство — наблюдение и надзор за законностью мероприятий и распоряжений различных государственных органов, должностных лиц и отдельных граждан. В эту сторону нужно направить все наше внимание.

Вопрос о жалобах. Мы перестраиваем эту нашу работу в связи и в свете проекта Конституции, в связи и в свете решений 3 пленума КСК. Вопрос о жалобах должен быть поставлен по-настоящему, по-серьезному. Кто будет отрицать, что жалобному делу уделяется у нас все еще жалкое внимание? На жалобы сажают самых плохих прокуроров, наименее подготовленных людей, тех, кого нельзя посадить на оперативную работу. Мы в Союзной прокуратуре отказались от этого принципа. Мы собрали в отдел жалоб лучших работников, они помогли нам исправить целый ряд грубых наших недостатков. Вам нужно пойти по пути, который мы указали в циркулярном письме по организации работы с жалобами, требуя организации отделов жалоб. В новой структуре отдел жалоб должен занять солидное место, одно из важных. Я считаю этот отдел важным не только с точки зрения охраны интересов советского гражданина, и этого было бы достаточно для характеристики его значения, — но также и с точки зрения осведомления самих себя о том, как работают места, с точки зрения руководства местами. Максимум того, что я узнаю о периферии, о нашей работе, я почерпаю из жалоб, которые приходят ко мне. К нам приходит не столько жалоб, сколько к вам, но их достаточно, чтобы хорошо изучить, где хорошо, где плохо, чтобы иметь возможность во-время и активно прийти на помощь периферии.

Вот в кратких чертах те задачи, которые стоят перед нами, задачи коренной перестройки всей работы, перестройки всех методов работы снизу до-верху, кончая руководством, которое должно быть более живым, оперативным, боевым, опирающимся на закон, пропагандирующим уважение к закону, внушающим необходимость всякому и каждому строить свою деятельность на точном и строгом исполнении законов. Эта наша деятельность вплотную соприкасается с деятельностью смежных с нами органов, советского суда, органа более ответственного потому, что советский суд — это не только орган непосредственного подавления, советский суд — это орган воспитания масс в социалистической дисциплине, в уважении к новым правилам социалистического общежития.

Я глубоко уверен, что это совещание поможет Союзной прокуратуре наметить и уточнить ряд новых задач в связи и на основе вашей практики, вашего опыта, который вы принесли с мест, поможет поднять качество работы органов прокуратуры на ту высоту, которая должна быть достойна нашей великой эпохи, которая должна быть достойна нашего великого отечества, нашей великой партии, во главе которой идет наш Центральный комитет с великим, гениальным учителем, вождем и товарищем Сталиным.

К НОВЫМ ПОБЕДАМ¹

Товарищи, я хочу свое выступление построить, исходя из некоторой общей характеристики переживаемой эпохи и задач этой эпохи, отраженных в ее основном документе — проекте Конституции СССР.

Мне кажется, что основным является вопрос о роли закона и права в нашу эпоху, в эпоху социализма, и вопрос о тех конкретных формах государственного бытия, в которое облекается наше государство по проекту новой Конституции — вот из чего надо исходить.

Какова роль революционного закона и права в нашу эпоху?

Энгельс в «Анти-Дюринге» говорил о том, что главная ошибка, которая допускалась буржуазными философами и теоретиками, в особенности юристами и политиками по профессии, заключалась в том, что они ставили общественные отношения с ног на голову, ибо считали эти правоотношения первичными факторами общественной стройки и общественного развития в то время, когда они всегда были зависимыми производными от экономических отношений. Энгельс говорил — иное положение может наступить лишь в том отдаленном будущем, когда люди осознают и поймут необходимость изменения общественных отношений в определенном направлении и когда люди сознательно пожелают их изменить именно в этом направлении. Только тогда настанет такой момент, который Энгельс относит к отдаленному будущему, когда идеи, — как говорил Энгельс, — получают гораздо большую, творческую преобразующую силу и значение. Тогда разумная деятельность людей, направляемая пониманием законов общественного развития, получит значение именно как преобразующий, творческий революционный фактор. Это указание Энгельса и должно сейчас явиться основным исходным пунктом.

Ибо мы с вами живем в эпоху, когда этот момент наступил. Мы живем в эпоху, когда десятки миллионов людей, руководимые передовым классом общества — рабочим классом и его авангардом — коммунистической партией, осознали, как и куда идет общественное развитие, и сознательно пожелали двигать общественное развитие именно в таком направлении. В этих условиях творческая сила коллективно направленной воли миллионов людей получила исключительное значение. Этот момент наступил уже с момента Октябрьской революции, когда рабочий класс и его партия начали переделывать старый общественный порядок, разрушать старый капиталистический строй и строить новое общество.

А сегодня этот момент характеризуется сверх того тем, что труднейшие задачи разрушительной работы, уничтожения основных препятствий, стоящих на дороге в этом общественном строительстве, разрешены, сопротивление эксплуататорских классов как политической силы сломлено.

В связи с этим перспективы для творческой переделки, для положительного созидания

открываются неизмеримо шире, и осуществление их гораздо легче.

Именно поэтому товарищ Сталин на XVII съезде нашей партии говорил, что сейчас, когда фундамент социалистического общества создан, остается лишь увенчать его надстройкой, что является делом гораздо более легким, чем создание фундамента.

Вот исходный пункт. Разрушительная работа по уничтожению основного препятствия — сопротивления эксплуататорских классов — сделана. Созидательная работа по созданию фундамента нашего социалистического общества также сделана. Остается развертывание до конца новых форм общежития, новых форм общественной стройки, общественного быта выросших культурно и политически, гигантски выросших многомиллионных масс. В итоге 18 лет борьбы мы получили возможность с еще большей энергией, более концентрированно идти по пути социалистической стройки.

Вот что характеризует сейчас нашу эпоху, и именно поэтому так велика в наши дни творческая роль социалистического права и социалистического закона, а, следовательно, и носителей этого социалистического права и закона — суда и прокурорского аппарата. Из этого и должно исходить.

Как конкретно ставятся однако сейчас задачи судебно-прокурорской работы? Как конкретно ставятся вопросы судебно-прокурорской работы в области организационной? На какие области должно быть направлено в первую очередь наше творчество?

Прежде всего, пару слов о самом термине «социалистическое право». Тов. Вышинский цитировал слова Гойхбарга о том, что право осталось последним убежищем для буржуазии и поэтому необходимо поднять борьбу против самой идеи права. Тов. Вышинский говорил, что это — непонимание творческой роли социалистического права и гигантской грандиозности задач, которые перед нами стоят. В этом т. Вышинский совершенно прав. Однако это вовсе не значит, что термин «социалистическое право» мы можем употреблять без глубокого и вдумчивого анализа содержания этого понятия. Ленин, анализируя «Критику Готской программы», сказал, что Маркс не случайно всунул кусочек буржуазного права в социалистическое общество. Не случайно у Маркса, не случайно у Ленина имеется указание на то, когда можно будет окончательно превзойти «узкие горизонты буржуазного права». Следовательно, трактовка понятия социалистического права требует вдумчивого отношения к себе и не так-то легко разрешить трудную проблему — на каких основаниях мы можем все же трактовать наше право как социалистическое право, и в то же самое время ни на йоту не отказываться от ленинских и марксовых формулировок о роли буржуазного права в эпоху социалистического общества.

Я не вижу никакого противоречия между обоими этими утверждениями. Не вижу никакого противоречия, ибо усматривать в них противоречия — значит отказаться от основного подхода марксизма к анализу общественной жизни. Марксизм нас учит, что общественные

¹ Речь на Всесоюзном прокурорском совещании 15 июля 1936 г.

отношения не могут быть никогда нами отрываемы, изолированы от всего процесса развития общества. Поэтому право в нашу эпоху, сегодня, включает в себе всегда часть того, что было вчера, и того, что будет завтра. Это и есть закон диалектики — единства противоположностей вчера и завтра. Диалектическое единство и ответ на то, что есть сегодня, заключаются именно в сочетании этих двух начал — вчера и завтра.

Маркс и Ленин исходили из того, что «всякое право есть право неравенства», в силу чего и равное право всех в эпоху социализма тоже есть неравное право. Это выраженное правом неравенство не может быть сразу изжито в эпоху социалистических отношений. Разница социалистических отношений от капиталистических заключается в том, что при капиталистических отношениях наличие собственности на средства производства рождает возможность эксплуатации, чего нет при социалистических отношениях.

Что у нас есть еще сегодня в смысле неравенства? Принцип вознаграждения — каждому по труду, в зависимости от количества и качества этого труда — сам по себе создает это неравенство и в этом смысле и наше право, санкционирующее неравенство, похоже на буржуазное право. Именно поэтому Маркс в «Критике Готской программы» писал, что узкий горизонт буржуазного права будет превзойден лишь тогда, когда источники общественного богатства польются неисчерпаемым потоком, и мы сможем написать на своем знамени: каждому по его потребностям, от каждого по его способностям, исчерпав этим самым факт экономического неравенства.

Таким образом только тогда, когда мы на своем знамени сумеем написать «каждому по потребностям и от каждого по способностям», будет превзойден узкий горизонт буржуазного права. Это не мешает, однако, нашему праву уже быть правом социалистическим потому, что, во-первых, оно не освящает источников эксплуатации, не освящает частной собственности на средства производства и не охраняет ничего связанного с этого рода частной собственностью. Во-вторых, оно все в потенции направлено на уничтожение самого себя как буржуазного права неравенства. Вот почему наше социалистическое право как преобразующий фактор уничтожения остатков капиталистических отношений содержит в себе все то, что мы требуем от социалистического права, что дает основание называть его социалистическим правом. Какие же нормы права мы сейчас должны относить к нормам социалистического права в первую очередь?

Первая громадная категория этих норм социалистического права — это те нормы права, которые действуют как орудие борьбы со всеми противодействующими нам моментами. Хотя нет уже эксплуататорских классов, но есть еще остатки этих классов и для борьбы с ними необходима еще эта категория норм социалистического права. Сюда входит наш Уголовный кодекс — мощный рычаг борьбы со всем тем, что мешает нашему коммунистическому строительству.

Вторая категория норм социалистического права регулирует направление хозяйственной деятельности всей страны в целях максимального развертывания ее производительных сил для подготовки условий перехода к коммуни-

стическому обществу. Причем эта категория включает не только нормы, регулирующие организацию и структуру промышленных предприятий и т. д., но и нормы, касающиеся регулирования труда, дающие возможность каждому работнику максимально приложить свою энергию на том участке работы, куда он поставлен для тех же целей — подготовки условий для перехода к коммунистическому обществу.

Следующая категория норм права касается охраны правоотношений, вытекающих из прав и обязанностей отдельных граждан при применении к ним социалистического принципа распределения — от каждого по его труду. Сюда же относятся вопросы охраны собственности личной и охраны прав на пользование тем, что принадлежит каждому из выработанной продукции. Сюда также относится вся совокупность гражданских правоотношений, касающихся данного гражданина, во-первых, как труженика социалистического общества и, во-вторых, как гражданина социалистического государства.

К третьей же категории норм социалистического права относятся нормы, регулирующие поведение человека в быту, регулирующие его отношения друг к другу, его отношения в социалистическом общежитии. Эта категория норм права очень тесно соприкасается с этическими нормами, с нормами социалистической морали.

Каждая из этих категорий норм получает сейчас особое значение.

Во-первых, нормы, касающиеся борьбы с остатками классового врага.

Затем, нормы, касающиеся определенного порядка общественного хозяйственного и государственного управления.

Но исключительное, особо важное значение приобретает сейчас реализация указаний XVII партийной конференции об искоренении капиталистических пережитков из сознания людей — задача воспитания нового человека во всех тех основных категориях, которые этого человека образуют.

Как же подходит к этой задаче конкретный исторический документ — проект Советской Конституции?

В области уголовного права мы имеем в проекте Конституции прямые указания, вплоть до квалификации состава преступлений. Сюда относятся измена родине и целый ряд других таких норм.

Сюда относятся указания об охране общественной собственности с объявлением врагом народа всякого покушающегося на эту собственность. Сюда относится указание на пределы и лимиты, в каких законах охраняется частное хозяйство и частные средства производства, которые еще имеются у единоличных крестьян и, наконец, глава X Конституции, трактующая о политических и основных обязанностях и правах гражданина СССР.

Вот видите, как конкретно ставятся вопросы. И наша с вами задача сейчас заключается в том, чтобы во всей нашей дальнейшей работе дать развернутые указания по каждой из этих категорий, по каждой из этих практических линий, которые намечает проект Конституции.

В связи с этим проект Конституции ставит и вытекающие отсюда организационные вопросы.

Наши органы — суды — проект Конституции перестраивает весьма коренным образом: судьи будут выборные на основе всеобщего

равного, прямого и тайного голосования — на 3 года. Это на нас с вами возлагает исключительные задачи, это нас с вами обязывает подготовить такую организацию аппарата суда, чтобы ни в малейшей степени не пострадала и не потерпела никакого ущерба основная линия — линия партии, линия социалистического строительства.

Наша задача заключается в том, чтобы уметь построить новый судебный аппарат так, чтобы он отвечал принципам Конституции целиком и полностью и обеспечивал бы цели нашего социалистического строительства согласно указаниям партии и правительства.

Как это сделать?

Суд, народный суд, как вам известно, будет строиться на основе всеобщих выборов. По проекту новой Конституции организуется Наркомюст Союза как руководящий орган, который будет отвечать за всю судебную политику. От трудящегося населения, от общественных организаций, от партийных организаций, на плечи которых падает, вместе с нами, эта работа, будет зависеть подготовка соответствующих кандидатов. Эту работу надо начать уже сегодня, прежде всего путем очень тщательной и точной проверки нашего нынешнего состава всех народных судей, Прокурорский аппарат должен помочь нам в этом максимально.

Какие категории дел должен будет разрешать этот новый народный суд?

Наметки, по новому УПК, заключаются в следующем.

Мы не суживаем подсудность народного суда. Мы изымаем из народного суда дела по закону 7 августа, причем новый уголовный кодекс даст четкие признаки, какие дела должны быть квалифицированы по закону 7 августа.

Высшая мера наказания также целиком является компетенцией краевого, областного суда. Зато все дела, разрешающие вопросы быта, общественных отношений, хозяйственного строительства, сохраняются целиком в компетенции народного суда как органа воспитания широких масс, в области укрепления правил социалистического общежития, в области укрепления дисциплины труда, в области воспитания бережного отношения к социалистической собственности.

Вот как конкретно намечается подсудность народного суда. Эти мероприятия подымут народный суд на должную высоту.

Как в соответствии с этим будет строиться прокурорский аппарат?

Тов. Вышинский об этом говорил совершенно правильно. Прокуратура выделяется в самостоятельную колонку и отделяется от суда. Будут два самостоятельных аппарата, а отсюда вытекают и новые формы их отношений — отношение **взаимоконтроля и взаимной помощи**. Прокуратура должна будет построить свою работу так, чтобы прокурор знал о всех судебных делах, более или менее важных и существенных, которые проходят в народном суде.

При разделении обоих аппаратов мы получили возможность обеспечить лучше этот взаимный контроль.

Как должна прокуратура строить свои взаимоотношения с судом? Я думаю, что тут мы не разойдемся с т. Вышинским. Форма взаимоотношений должна быть одна: указанная в процессуальном законе и только. Я целиком

присоединяюсь к той мысли, которую высказал т. Вышинский в одном из своих предыдущих докладов о том, что нужно в случаях, когда подготовительное заседание суда отвергнет состав преступления, предоставить прокурору право под его личную ответственность все же настаивать на направлении дела в суд. Ничего неприемлемого в этом я не вижу, но пусть и прокурор в этих случаях отвечает за свое выступление, вплоть до уголовной ответственности.

Вам, товарищи прокуроры, Конституция дает в ваши руки исключительное право. Без вас никто не может быть лишен свободы и предан суду. Вы имеете возможность прекращать определенные категории дел. Потрудитесь же нести и определенную ответственность, вытекающую целиком и полностью из политических условий сегодняшнего дня, из уважения к гражданам, к их правам и интересам.

Повторяю, судебный надзор должен получить исключительную роль в прокурорской работе, но судебный надзор должен строго регламентироваться и протекать в строго установленных рамках.

У нас до сих пор зачастую было такое положение: к народному судье приходит прокурор и говорит: «здравствуй, Петя, покажи, какие у тебя есть дела?» Просматривает эти дела. Всему этому должен быть конец, — никакого Вани, никакого Пети. Вы должны помнить твердо, что народный судья — это крупная политическая фигура, облеченная доверием. Будьте добры поэтому держаться в определенных рамках. У нас есть определенные политические обязанности и потрудитесь эти обязанности нести.

Тов. Вышинский уже говорил, что у районных прокуроров мы отнимаем право требовать дела в порядке надзора. Это право остается за краевыми прокурорами. Здесь мы исходим из принципа, который мы хотим особо подчеркнуть, уважения к судебному решению и борьбы за максимальную его устойчивость. Мы не смотрим на приговор как на фетиш, исправлять его мы будем, но он должен быть по возможности устойчивым. Отсюда вытекает реорганизация президиумов краевых и областных судов. Президиумы областных и краевых судов как судебное место, разрешающие дела, мы хотим ликвидировать. Этот вопрос, очевидно, вызовет больше всего возражений на съезде судей, который будет в 20-х числах. Мы не должны здесь идти по линии наименьшего сопротивления, исправления отдельных решений и приговоров. Мы должны идти по линии борьбы за качество нашей работы, за качество судебных решений, по линии борьбы за кадры. Опыт нашей работы по Верховному суду РСФСР показывает, что надзорные дела, составляют половину и больше всех дел. Чем объясняется исключительный рост жалоб? Это объясняется тем, что в сознании широчайших масс существует убеждение, что надзорных инстанций много: если не вышло дело в одной, то пойду в другую, по всем бесконечным инстанциям, где имеются вывески бюро жалоб. Мы должны встать на путь сокращения и сжатия надзорных инстанций. Мне думается, что этот путь правильный.

Как будет управлять наркомат?

Я лично полагаю, что это будет производиться путем ревизии, отчетов и инструктажа. Ревизию и инструктаж будут осуществлять наркоматы республик через членов верхов судов,

краевые и областные суды. Они будут делать, это и непосредственно, но крайне желательно делать это через членов верховных судов, так как это лучше и дешевле.

Каковы будут сейчас функции прокурорского надзора по отношению к краевому суду? Опять-таки те же, что и в отношении народных судов. Те же функции в смысле участия в кассационной работе. Удастся ли нам добиться того, чтобы прокуроры участвовали на все 100% в кассационных инстанциях? Это является крайне желательным.

Вторая функция — это следственная часть. Я не стою за превращение и построение самостоятельных следственных судов, независимых от общих судов. Но я думаю, что предложение, чтобы следственная часть Прокуратуры Союза взяла на себя и конкретное руководство следственным делом, является едва ли правильным. Это не будет руководством, ибо вы ограничиваетесь лишь общими указаниями, а конкретное дело такого отношения к себе не терпит. Фактически руководство сведется к учету кадров, предложений, к учету номенклатуры, к изучению качественных особенностей того или иного следователя. Но это не есть руководство следственной частью, это есть общее руководство.

Третья часть, получающая особое значение в прокурорской работе, — это то, что называется сейчас общим надзором. Эту функцию надо четким образом определить. Я уже на одном из совещаний говорил о попытках, которые кое-где имеют место, — вернуться к общему надзору «за всем и вся». Нужно четко установить объекты этого надзора. Иными словами, общий надзор должен быть строго определен.

Пара слов о правах Верховного суда Союза. Верховный суд Союза мы тоже мыслим как верховный орган, который будет прежде всего судом, задачей которого будет справиться как следует (количественно и качественно) с громадной массой поступающих к нему уголов-

ных и гражданских дел. Именно тогда, когда количество дел сократится, можно будет серьезно поставить вопрос о качестве работы.

По инициативе и предложению НКЮ, Верховный суд будет исполнять функции и задания по ревизиям, инструктаж с помощью аппарата и членов коллегии Верховного суда. Здесь создается положение приблизительно аналогичное положение до 1928 г.

Верховный суд и его кассационная коллегия будут надзорной инстанцией для дел любого суда Союза и союзных республик.

Верховный суд СССР при новой структуре получает громадное значение как орган судебного надзора. Через коллегии уголовную, гражданскую и специальную он будет исправлять ошибки кассационных коллегий верховных судов. В Верховном суде Союза сохраняется пленум, в который входят прокурор Союза и народный комиссар юстиции Союза. Пленум будет обсуждать вопросы судебной политики и ставить их перед НКЮ для дачи конкретных указаний судам. Отсюда вытекает та громадная роль, которую приобретает Верховный суд Союза.

Так приблизительно проектируется нами структура этих органов. НКЮ есть член правительства, отвечающий за политику суда. Верховный суд есть суд, который решает вопросы судебного надзора.

Выводы.

Перед нами гигантская работа, работа, которая требует максимального напряжения сил и исключительной политической ответственности.

126-я статья проекта Конституции говорит о членах партии, что они являются наиболее активными и сознательными работниками социалистического общества.

Разрешите быть уверенным, что в этот трудный и ответственный момент вы оправдаете себя как наиболее активные, наиболее сознательные труженики и строители бесклассового социалистического общества. Под руководством ЦК нашей партии и любимого вождя товарища Сталина мы пойдем вперед к новым победам.

Организационные вопросы перестройки работы органов прокуратуры в свете проекта Сталинской Конституции¹

Товарищи, совершенно естественно и понятно, что и т. Вышинский в своем большом и весьма интересном докладе о задачах органов прокуратуры в связи с проектом новой Сталинской Конституции Союза, а затем и все выступавшие в прениях по этому докладу товарищи огромное внимание уделили вопросу о наших прокурорских и следовательских кадрах.

Это и не могло быть иначе, ибо, читая и изучая проект Сталинской Конституции, проникаясь сознанием огромной ответственности, которая ложится на всю прокурорскую систему в целом и на каждого отдельного прокурорского и следовательского работника, естественно является вопрос, какие кадры, какой человеческий материал мы имеем в своем распоряжении для того, чтобы эти задачи выполнить. Имеем ли мы возможность с этим человеческим материалом подняться на высоту тех требований, которые предъявляются к нам проектом Конституции? Сможем ли мы с нашими кадрами выполнить те задачи, которые возлагает на нас Конституция?

Товарищи, выступившие здесь, пришли к малоутешительному выводу, и это верно, ибо повседневная практика нашей работы, неудовлетворительное качество этой работы, отдельные, но весьма существенные провалы и грубейшие ошибки, которые мы имеем в том или ином звене, в том или ином нашем аппарате, свидетельствуют о том, что у нас еще значительное число малоквалифицированных работников, мало работников, действительно овладевших техникой своего дела.

Однако, дать ответ в такой общей форме, мне кажется недостаточным и неполным. Я думаю, что товарищи дали ответ о наших кадрах в такой общей форме не случайно. Это является результатом того, что до настоящего времени они своих кадров по-настоящему не изучили и этих кадров не знают. До настоящего времени мы еще не приступили к тому, чтобы регулярно, систематически и планомерно изучать и знать каждого из наших работников так, чтобы дать ответ на вопрос о том, куда надлежит поставить того или другого работника, какую работу можно и должно ему поручить, чтобы он лучше выполнил свою работу, чтобы эта работа соответствовала его характеру, его способностям, его настроению, чтобы он мог на этой работе дать значительно больше того, чем он дает на той работе, которую он выполняет сейчас.

Наша работа по изучению кадров до настоящего времени носит еще случайный, эпизодический, кустарный характер, она носит характер кампанейщины. Ведь не случайно, что несколько времени тому назад группа краевых прокуроров, принимавших участие на широком оперативном совещании при прокуроре Союза по вопросу о результатах проведенного конкурса на лучшее следовательское де-

ло, достижением считала то, что этот конкурс дал им возможность приблизиться непосредственно к следовательскому аппарату, более или менее узнать, изучить следовательские кадры. А до этого времени, до конца 1935 г., этим вопросом, как они добросовестно сами признавались, они не занимались, не знали следовательских кадров, не знали своих следователей.

Яркой иллюстрацией того, о чем я сейчас говорю, является и выступление здесь одного из наших старейших прокуроров — прокурора Северокавказского края т. Гарина, который с удивительной легкостью, с таким веселым кокетством повествовал о том, что он сейчас, в середине 1936 г., проведя кустовое совещание следователей, обнаружил, что у него имеются следователи, которые не читают газет, что у него имеются следователи, которые не принимают никакого участия в политической жизни нашей страны. Следственный аппарат выполняет сугубо важные политические задачи, и каждый работник нашего следственного аппарата должен гореть политической жизнью нашей страны, а Гарин говорит, что в его следственном аппарате есть люди, которые являются обывателями, которые являются пошехонцами, которые ничем не интересуются и даже не читают газет.

Совершенно естественно возникает вопрос: а где же был т. Гарин — красной прокурор, как случилось, что он узнал об этом только в июне 1936 г.? Ведь эти люди в аппарате работают давно, они не пришли только вчера, они работают длительный период времени. Каждому ясно, что если работник не читает газет, если он ничем не интересуется, то либо этот человек требует к себе особого внимания в направлении его воспитания, выращивания, квалификации его, либо ему в этом аппарате нет места.

То, о чем здесь говорил т. Гарин, является тем более тревожным, что т. Гарин как раз по вопросу о своих кадрах несколько месяцев тому назад на Бюро Комиссии советского контроля заверял Комиссию советского контроля, Прокуратуру РСФСР и Прокуратуру Союза, что теперь, когда Комиссия советского контроля выявила недостатки в его работе с кадрами, недостатки в работе по воспитанию и выращиванию людей, вот теперь он, засучив рукава, возьмется за это дело.

А через несколько месяцев т. Гарин снова демонстрирует свою бездеятельность и беспомощность. Он здесь опять демонстрировал то, что он не знает своих людей, не знает того, что у него делается в аппарате. Стоило ему только созвать совещание следователей, как уже анкетным даже порядком он выявил, что у него в аппарате имеются люди, сидящие на ответственной политической работе, но совершенно не интересующиеся тем, что происходит в стране. Совершенно очевидно, что одной из важнейших задач, которая сейчас стоит перед нами, для того чтобы мы могли дать правильный ответ на вопрос о том, какие же кадры

¹ Переработанная стенограмма доклада на II всесоюзном прокурорском совещании.

мы в действительности имеем, каким человеческим материалом мы располагаем, — является задача действительного изучения наших людей, изучения каждого человека. Повторяю, к этой работе мы еще не приступили, эту работу мы еще не проделали. Вы слышали, что с этой трибуны т. Вышинский совершенно добросовестно сказал, что мы в центре не знаем еще передовиков, не знаем передовиков нашего аппарата, не знаем тех людей, опыт которых, лучшие образцы работы которых мы могли бы передать всей нашей периферии, распространить на весь аппарат прокуратуры.

Однако надо указать, что ни один из краевых, областных или республиканских прокуроров нам ни разу не указал тех работников своего аппарата, которые показали действительные образцы социалистической работы, которые настолько овладели техникой своего дела, что могут быть названы передовиками и служить примером для всего нашего аппарата.

И здесь, на этом совещании, ни один из выступавших краевых, областных или республиканских прокуроров, в том числе и краевой прокурор Восточной Сибири т. Фридберг, упрекавший т. Вышинского, что он не назвал ни одного передовика нашего аппарата, сам не назвал и, видимо, не мог назвать ни одного из тех своих работников прокуратуры или следствия, которые могут быть названы передовиками, и тот упрек, который он бросил т. Вышинскому, прежде всего и раньше всего должен быть отнесен к нему самому. Он, как и большинство других краевых, областных прокуроров, своих работников не знает. И совершенно понятно поэтому, что когда мы сейчас в свете новой Сталинской Конституции ставим перед собой вопрос, с какими кадрами мы выйдем, для того чтобы выполнить те огромные, почетные и ответственные задачи, которые перед нами ставит Конституция, совершенно естественно, что перед нами в первую очередь стоит задача изучения нашего аппарата, изучения наших кадров сверху донизу, изучения каждого работника в отдельности.

В связи с этим стоит и второй вопрос — вопрос о том, как у нас выращиваются и воспитываются кадры. И здесь мне кажется, что тот общий ответ, который был дан на вопрос о наших кадрах, сигнализировал и о том, что наши краевые (областные) прокуроры недостаточно занимались и этим вопросом — вопросом выращивания, воспитания кадров. Ибо совершенно понятно, если людей не знают, их не изучили, если неясен состав аппарата, то о каком выращивании людей можно говорить! Если бы т. Гарин знал своих людей, он бы достиг того, что у него следователи были бы включены в общий темп нашей политической жизни и работы, или он бы уже давно со всей серьезностью провел пересмотр этих кадров.

Нам представили данные о том, что огромное количество наших работников сдали юрминимум на «отлично», сдали юрминимум на «хорошо» и только единицы, очень небольшой процент работников, сдали юрминимум неудовлетворительно. Одно из двух: либо юридический минимум проводился бюрократически, по чиновному, и те данные, которые нам представили, не соответствуют действительному положению вещей, либо выступления здесь и указания о том, что вы имеете такой прорыв в кадрах, о котором говорил т. Гарин и другие, свиде-

тельствуют лишний раз о том, что вы не знаете своих кадров.

Мы в Прокуратуре Союза решили провести несколько конференций отличников. Хотим посмотреть, хотим ознакомиться с этими людьми и тем самым проверить работу, которая проводилась на местах. Но совершенно ясно сейчас, что товарищи, которые давали нам сведения, вплотную по-настоящему этими вопросами не занимались.

Возьмите и другое. Мы имеем в своих руках очень серьезный и могучий рычаг поднятия квалификации наших работников — заочное образование. Кто из краевых прокуроров может сказать, какое количество у него заочников, кто может сообщить сейчас, какое количество из этих заочников действительно работает, сдали зачеты, по-настоящему ведут занятия? Я уверен, что 1—2 товарища смогут на этот вопрос ответить, а громадное большинство наших работников на этот вопрос не ответят, ибо этим вопросом не занимались. У нас имеется очень большая сеть курсов по подготовке и переподготовке наших работников. А как поставлена учеба на этих курсах, чему там обучают?—никто не скажет.

Нужно со всей остротой поставить этот вопрос и изучить по-настоящему и, если надо, пересмотреть всю систему подготовки и переподготовки наших кадров, для того чтобы получить те темпы и те результаты роста усовершенствования наших людей, которые нам сейчас необходимы, для того чтобы подняться на высоту тех задач, которые ставит перед нами проект новой Сталинской Конституции. А между тем об этом здесь не было сказано ни одного слова, и это не случайно,—видимо, товарищи не занимаются этими вопросами. В большинстве случаев дело сводится к тому, чтобы побольше получить людей, кончающих эти курсы, и побольше их набрать для того, чтобы послать на ту или иную практическую работу. Этого мало. Для того чтобы я получил того человека, который мне нужен, и для того чтобы я не имел с этими людьми таких конфузов, о которых здесь рассказывали,—надо, чтобы я лично занимался выращиванием, воспитанием, переквалификацией наших работников так, как учит это делать нас наш вождь товарищ Сталин, учит нас наша партия.

Какие же кадры мы имеем? Мы попытались в Прокуратуре Союза подвести некоторые итоги. Если мы можем дать более или менее точные данные по вопросу о количественном составе, то мы не можем представить точных данных о качестве наших людей, не имеем даже точных анкетных данных, потому что товарищи с мест не могли нам этих сведений сообщить, — видимо, они не имели этих сведений и, видимо, они настолько оторваны от своих работников, что не могли даже таких сведений собрать. Мы имеем недокомплект в нашем оперативном составе, примерно, в 28%. В одних краях, в одних республиках дело обстоит благополучно, недокомплекта нет, но в среднем мы имеем недокомплект в 28%.

Чрезвычайно разительна и тревожна цифра текучести наших работников. Я это ставлю в связи с теми вопросами, о которых я уже говорил: текучесть нашего состава определяется не только тем или вернее не столько тем, что наш краевой или областной или республиканский прокурор отказывается от того или другого работника в силу того, что он, его изучив, узнал и решил, что этот работник не со-

ответствует своему назначению, что он не справится с той работой, которая ему поручена и что воспитать его, вырастить его будет чрезвычайно трудно и поэтому лучше от него отказаться. Нет, у нас текучесть характеризуется тем, что товарищи на местах не умеют удерживать работника, не умеют стабилизировать кадры работников, хотя это в основном люди, которые вполне могли бы справиться с работой, которых легко можно было воспитать, поднять на определенный уровень знаний, соответствующий тому месту, на которое мы их ставим.

У нас в среднем за 1935 г. переменилась половина нашего оперативного состава. Причем по несоответствию был изменен состав только на 12%. Следовательно, остальные работники от нас ушли или потому, что руководители не могли их удержать на работе, или потому, что им не дали необходимых условий для работы, или потому, что не смогли заинтересовать работой, либо, наконец, в силу того, что эти товарищи, придя на работу, не смогли сразу же получить необходимой помощи, которая могла бы закрепить их на работе. Но, товарищи, 50% текучести нашего состава — это очень грозная и тревожная цифра. Если в дальнейшем мы будем иметь такое же положение, то все наши разговоры о кадрах, совершенно естественно, будут впустую, ибо такой текущий состав, конечно, не приведет ни к чему положительному, ни к чему хорошему. И если ряд товарищей, здесь выступая, спрашивали, откуда же мы будем пополнять наши кадры, где источники, из которых мы будем черпать людей, — в частности так поставил вопрос и т. Драгунский — то я должен сказать, что прежде всего надо говорить о закреплении работников, о стабилизации нашего оперативного состава, о решительном изживании текучести работников в аппарате. Стабилизация работников в аппарате и будет тем основным источником, который поможет укрепить и укомплектовать наш аппарат. В самом деле, какой у т. Драгунского процент текучести работников. (Драгунский: — Не меньший). В том-то и дело, что не меньший. Я по каждому краю и области могу дать ответ по вопросу о текучести работников. У т. Драгунского процент текучести также доходит до 50%. Почему, т. Драгунский, у вас такая текучесть? Надо дать ответ на этот вопрос. Неужели все дело сводится к тому, что наши следователи или наши прокуроры получают на энное количество десятков рублей меньше, чем рядом работающие работники других учреждений? Неверная будет такая постановка вопроса. Дать такой ответ на этот вопрос о текучести наших работников будет неверно, будет означать замазывание ряда крупнейших ошибок в нашей работе по кадрам.

Если взять стаж работы наших работников, то мы имеем значительное количество товарищей, которые работают у нас свыше 5 лет. Однако та текучесть, о которой я сейчас говорю, не дает возможности закрепить наши кадры так, как это нужно.

Интересно и следующее — возрастной состав. В нашем проекте положения о прохождении службы возраст для прокурора и следователя определяется не меньше, чем в 23 года. Как у нас обстоит дело сейчас в отношении возраста? Преобладающий возраст прокурора — 30—34 года в среднем. Следователи

имеют более молодой возраст — 24—27 лет в среднем.

Таким образом, вы видите, что возраст, который мы определили в нашем проекте положения о прохождении службы, он, примерно, соответствует тому возрасту работников, который мы имеем сейчас в нашем аппарате.

Очень слабо обстоит дело с теоретической подготовкой наших работников, причем я уже указал, что мы по этому вопросу получили чрезвычайно неточные данные. Нам представлены данные о тех, которые получили то или иное юридическое образование, но не представлены данные о работниках, которые проходят заочное образование или кончили иные учебные заведения. Поэтому я думаю, что те данные об образовании наших работников, которые мы имеем сейчас, они чрезвычайно неточные и подлежат еще значительному уточнению.

Я привел эти данные об учебе наших кадров для того чтобы сказать, что и эти данные, как и общие данные о составе работников, который мы имеем сейчас в нашем аппарате, говорят о том, что необходимо самое внимательное изучение каждого работника, тем более, что этот кадр работников, во всяком случае на ближайший период времени, будет тем основным костяком, с которым нам придется нашу работу проводить. Нам придется проводить работу, опираясь на ту массу работников, которых мы сейчас имеем в своем распоряжении. Это ведь совершенно ясно, даже при том условии, если мы получим известный приток новых людей. Здесь кстати следует ответить т. Драгунскому: вопрос этот — о новых людях — поставлен, и я думаю, что в самом недалеком будущем мы будем иметь ответ на этот поставленный нами вопрос. Мы просим дать нам значительное количество крепких и выдержанных работников, заменить негодных, вернуть на работу всех, ушедших из нашего аппарата. Такой вопрос поставлен, но проведение его в жизнь требует известного времени, требует известных мероприятий и очень серьезных. Поэтому на ближайший период времени нам в основном придется опираться на тот костяк людей, который мы сейчас имеем в нашем аппарате.

Поэтому совершенно необходимо по-настоящему узнать наших людей, изучить наших работников; узнать каждого работника, уметь правильно расставить силы. Это является сейчас первоочередной задачей. Лозунг нашего вождя, лозунг товарища Сталина «Кадры решают все» в приложении к прокурорскому аппарату означает создание условий, которые бы обеспечили такой рост, такое совершенствование наших работников, которые дали бы нам возможность выполнить те задачи, которые сейчас перед нами стоят. Но для того чтобы мы этот рост и это совершенствование двинули вперед гигантскими шагами, для этого нам нужно узнать каждого из наших работников и правильно поставить их выращивание, их учебу.

Каждый из наших прокуроров, которому поручено руководство тем или иным звеном нашей прокурорской системы, должен твердо воспринять слова товарища Сталина о необходимости заботливо выращивать людей, выковывать новые кадры специалистов, овладевших нашей наукой, ибо «чтобы строить, надо знать, надо овладеть наукой, для того чтобы знать, надо учиться, учиться упорно, терпеливо».

Эти сталинские слова, ставшие лозунгом нашей социалистической родины, лозунгом нашего советского народа, должны пронизать всю нашу работу с нашими кадрами. Надо внедрить в сознание каждого прокурора и следователя, что ему надо учиться, учиться упорно, терпеливо для того, чтобы овладеть наукой, овладеть техникой своего дела. Но для того чтобы каждый прокурор и следователь это понял, по-настоящему учился, для этого надо, чтобы вы, руководители отдельных звеньев прокурорской системы, вплотную занялись этим делом, занялись по-настоящему, действительно, по-боевому, по-большевистски.

Тот документ, который мы вам роздали, документ, который регламентирует порядок прохождения службы в органах прокуратуры, по нашему мнению, по мнению руководства Прокуратуры Союза, должен явиться одним из условий, которое обеспечило бы нам действительное изучение наших работников и дало бы нам возможность знать весь наш состав, вплотную приблизиться к нашим работникам и, наконец, обеспечило бы нам более быстрый темп роста и совершенствования наших кадров.

Что даст нам принятие закона о порядке прохождения службы в органах прокуратуры? Прежде всего то, что тот оперативный состав, который работает в нашем аппарате, получает определенную перспективу в своей работе, получает твердый порядок продвижения вперед, движения по службе. Ведь если учесть то положение, которое мы имеем сейчас, то что получается? Народный следователь или районный прокурор — они по сути дела не имеют перед собой никаких перспектив, они не знают, что же дальше будет с ними, куда их могут продвинуть, как это будет сделано, когда, какие необходимы для этого условия, как они должны работать для того, чтобы продвигаться дальше, на высшую ступень в своей работе. Я думаю, что это значительно влияло и на текучесть нашего состава, и на настроения, и на работоспособность наших работников. И нам кажется, что с этим положением надлежит покончить. Второе. Мы считаем, что каждый оперативный работник, работающий в нашем аппарате, должен быть у нас на таком учете, который дал бы нам возможность знать, что собой представляет этот работник. Ответить на этот вопрос должно нам помочь положение о порядке службы в органах прокуратуры. Конечно, в этом документе есть много еще неточностей, придется внести ряд поправок. Поэтому мы решили этот документ, как документ в достаточной мере серьезный, как первый шаг по пути регламентирования порядка прохождения службы, пропустить через дискуссию настоящего ответственного совещания.

Мы устанавливаем для следователей 8 **номенклатурных должностей**, причем точно определяем порядок того, как следователь может переходить из одной ступени на другую, что для этого нужно, каким требованиям он должен отвечать и кто может эту передвижку проводить. Мы здесь запроектировали ряд новых должностей: кандидат на должность народного следователя, старший народный следователь и т. д. До сих пор у нас все было обезличено: были только народные следователи, причем вне зависимости от квалификации все они были уравнины во всем (в жаловании, в правах и т. д.). Мы думаем, что от этой

обезлички нужно отказаться. Мы вводим определенную градацию следователей. Самой низшей ступенью в работе следовательского аппарата является кандидат на должность следователя. Однако зачислить в кандидаты на должность следователя можно не всякого, — должны быть соблюдены определенные требования. Мы требуем, чтобы кандидат на должность следователя имел определенное юридическое образование или же выдержал испытание по той программе, которая будет предложена в общесоюзном порядке Прокуратурой Союза. Поэтому набирать следователей, лишь бы заполнить вакансии, как это у нас часто практикуется, после того как будет принято это положение, нельзя будет уже. Кандидатом на должность следователя может быть зачислен только тот, кто имеет определенное образование или сдал испытание по той программе, которую мы для этой категории работников разработаем в Прокуратуре Союза. Совершенно естественно, что это есть только начало его следовательской работы. Следующим звеном является народный следователь. На эту должность могут быть зачислены лишь имеющие уже стаж работы в должности кандидата в следователи не меньше года, мы обуславливаем это еще положительной аттестацией. О том, как надлежит аттестовать, я дальше скажу.

Следующая ступень — это старший народный следователь (в положении указано неправильное наименование «районный следователь», ибо в проекте положения о судеустройстве мы оставили наименование «народный следователь»). Поэтому у нас будут: кандидат на должность народного следователя, народный следователь и старший народный следователь. Последний — это уже более квалифицированная, более мощная в смысле следовательской подготовки следовательская фигура. Совершенно естественно, что параллельно этому должны быть разработаны и мероприятия процессуального характера — разные процессуальные права этих следователей. А затем должны быть разработаны и финансовые мероприятия в том направлении, чтобы каждый из этих следователей, в зависимости от того, на какой следовательской должности он находится, получал и иную зарплату. Поэтому то положение, которое мы сейчас обсуждаем, естественно потребует еще целый ряд серьезных мероприятий со стороны Прокуратуры Союза.

Я думаю, что это мероприятие о различной категории следователей в районе даст в руки наших руководителей на местах очень мощное орудие в смысле большей гибкости в оперировании своим следственным составом, потому что, когда у него будут нарастать кадры народных следователей и старших народных следователей, то этот руководитель сможет их наиболее правильно расставить, для того чтобы на наиболее ответственных участках были поставлены именно те следователи, которые выросли уже до высшей ступени следовательской подготовки.

В краевом, областном и республиканском аппарате мы равным образом устанавливаем разные номенклатуры следователей: следователь краевой, областной прокуратуры или прокуратуры автономной республики и затем старший следователь. Если вы будете иметь возможность передвигать по определенной лестнице людей следовательского состава из района непосредственно в край, то и здесь надо ликви-

дировать ту обезличку, которую мы имеем сейчас, и здесь должна быть известная переходная ступень, которая бы определяла после известного стажа работы квалификацию этого следственного работника. Надо сказать, что те товарищи, которые помогали мне в составлении проекта, считали это излишним, считали, что не надо в краевом аппарате, где имеется 2—3 следователя, дифференцировать этих следователей, и оставить такое положение, какое было до сих пор, и, чтобы руководитель краевого, областного аппарата прокуратуры, выбирая после аттестации и определенного утверждения следователей из состава старших народных следователей, сразу же зачислял их на должность старших следователей при себе. Я думаю, что это неверно, что правильно установить градацию, постепенность и в краевом аппарате, для того чтобы сам краевой, областной прокурор в течение определенного периода времени мог убедиться, насколько его выбор удачен и насколько тот следователь, которого он взял к себе в аппарат, в состоянии проводить большие, серьезные дела, насколько он соответствует тому назначению, которое он получил.

Дальше идут следователи при прокуратурах союзных республик. Здесь у нас нет дифференциации. Здесь мы имеем только следователей по важнейшим делам при прокуроре Республики. И, наконец, следователи по особо важным делам при прокуроре Союза.

Передвижение по всей следовательской «лестнице», за исключением следователей по особо важным делам при прокуроре Союза, у нас точно регламентировано в том положении, которое вам роздано. Так обстоит дело со следовательским аппаратом.

Прокурорский аппарат. Низшей ступенью у нас является помощник районного прокурора, затем идут районные прокуроры и городские прокуроры городов, которые входят в систему районов. У нас имеются города, которые подчинены непосредственно районным исполкомам, как, например, Георгиевск на Северном Кавказе и целый ряд других. Поэтому мы считаем, что эти городские прокуроры по своей номенклатуре и квалификации должны быть приравнены к районным прокурорам. Затем идут помощники краевых и областных прокуроров и прокуроров автономных республик. Затем старшие помощники прокуроров, затем заместители краевых прокуроров и областных, затем прокуроры краев и областей, старшие помощники прокуроров союзных республик, их заместители, прокуроры союзных республик, старшие пом. прокурора Союза, заместители прокурора Союза. Включая прокурора Союза, у нас получается 14 наименований должностей по линии нашего прокурорского аппарата.

Здесь взят тот же принцип, о котором я говорил в отношении следовательского аппарата. Это постепенная передвигка с одной ступени прокурорской работы на другую, при условии положительной аттестации на той работе, на которой прокурорский работник ранее находился. И второе условие — это точно зафиксированный законом стаж работы на предыдущей должности. Мы считаем, что то положение, которое имеется сейчас, когда краевые, областные прокуроры или прокуроры республик или мы здесь в Прокуратуре Союза иногда по одним только внешним признакам, по одному только внешнему впечатлению передвигаем людей с одной работы на другую,

иногда на высшую, иногда на низшую, является совершенно ненормальным. С этим положением должно быть покончено. Каждый работник, работающий в нашей системе, должен твердо воспринять, что он, работая на определенной должности, если на этой работе будет совершенствоваться, если даст положительные результаты работы, если будет квалифицироваться, через определенный период времени может быть передвинут на высшую ступень. Но уже во всяком случае он не может быть передвинут на низшую ступень, если для этого не будет отрицательных показателей в его работе. Только при отрицательных показателях может быть допустима передвигка работника на низшую ступень. Поэтому, если сейчас помощник областного или краевого прокурора достиг определенной ступени квалификации и не знает при этом, что будет с ним завтра, — может быть, завтра он очутится на работе районного следователя или на другой более низкой должности, — то с принятием этого закона эта бесперспективность, естественно, отпадает. Третья графа относится к специальным прокуратурам — прокуратуре транспортной и прокуратуре водной. Мы здесь определили номенклатуру тех должностей, которые не укладываются в общие рамки должностей нашего прокурорского аппарата. В проекте обсуждаемого закона мы попробовали, например, определить равнозначные категории работников в нашем аппарате.

Здесь, естественно, возможны известные не-правильности. Но мне кажется, что определение должностей в основном дано правильно.

Я уже говорил о том, что мы устанавливаем возраст для прокурора или следователя не менее 23 лет. Я уже указывал, что это, примерно, соответствует тому возрасту, который мы имеем сейчас у наших работников.

Я должен указать, что мы в проекте предусматриваем возможность, мы даем право прокурору Союза выйти из рамок этого положения и назначить на ту или другую должность работника вне зависимости от условий, которые записаны в этом документе.

Я лично считаю, что это необходимо сейчас. Мы несомненно столкнемся с таким положением, когда тот или другой работник по качеству своей работы может быть назначен на более высокую должность, но в силу установленных нами правил не сможет быть оставлен на этой работе. Поэтому мы устанавливаем, что в этом случае может быть сделано исключение, но только с санкции прокурора Союза.

Мы в этом законе точно определяем порядок назначения на каждую из должностей. Причем совершенно естественно, что назначение районного прокурора, краевого, областного прокурора, прокурора союзной республики — все это будет проводиться в точном соответствии с требованиями Конституции. И совершенно естественно, что изменения здесь в порядке движения по службе возможны также только на точном основании требований Конституции.

Как видно из обсуждаемого положения, мы очень крепко сейчас централизуем назначение нашего оперативного состава. Мы очень мало оставляем в руках краевого, областного прокурора тех должностей, на которые он сам непосредственно назначает, а переносим это в республиканскую прокуратуру и Прокуратуру Союза.

Следующий очень важный вопрос — вопрос об аттестовании наших работников. Я должен сказать, что те материалы, которые имеются сейчас в нашем распоряжении, говорят о том, что к этому вопросу еще не приступили, за исключением отдельных прокуратур. Вот г. Пальгов в Ленинграде попытался это провести и даже представил нам материал того, что им было проделано в смысле аттестования своих работников. Но я должен сказать, что этот материал не может удовлетворить ни самого т. Пальгова, ни нас, потому что это по существу не является аттестованием работников. Работа, проделанная в Ленинграде, не дает представления о том, что действительно представляет собою каждый работник. Тов. Пальгов пишет: «Иванов Иван Иванович, такого-то возраста, такого-то социального происхождения, такой-то стаж работы, политически грамотен, политическую линию проводит правильно», — и все. Можно ли на основе такого аттестования считать, что мы изучили, узнали этого работника? Я думаю, что нельзя. И, конечно, это не является аттестованием работника, конечно, это не то, что мы должны дать, характеризуя каждого нашего работника, каждого нашего следователя и каждого прокурора. Мы должны будем по-настоящему поставить аттестование. Мы должны на каждого работника завести специальный паспорт, отдельное личное дело. Причем в этом личном деле должно найти свое отражение все производственное лицо этого работника. И поэтому, когда мы говорим, например, о следователе, то в личном деле следователя мы должны найти не только указания на то, что этот следователь по мнению того, кто составлял эту аттестацию, является хорошим следователем, мы должны здесь найти указания на то, какие следственные дела провел этот следователь, результаты этих следственных дел. В личном деле следователя должно быть отражено, какие методы он применял при проведении следственных дел, т. е. насколько он освоил свою работу, на какой ступени следственной работы он находится, сумеет ли он оперировать более сложными следственными процессами и т. д. Все это должно найти отражение в личном деле следователя, ибо только при наличии такого аттестования, такого наблюдения, такого изучения человека мы сможем дать себе совершенно ясный и отчетливый ответ на вопрос о том, можно ли продвинуть следователя, какова квалификация следователя и т. д.

Посмотрите сейчас, как обстоит дело с аттестованием наших следственных кадров.

Нам дают обычно такие показатели — следователь провел 12 дел, из этих 12 дел 6 дел направлены в суд с обвинительным заключением, 6 дел прекращены и т. д. Но по существу это ничего не говорит. Из такого рода данных делать вывод о квалификации следователя нельзя. Вот почему мы организуем аттестационные комиссии в том составе, как это указано в проекте закона о прохождении службы, и считаем, что аттестование должно быть конкретным и должно действительно отражать всю производственную сущность того оперативного работника, который подлежит аттестованию. Это очень большая и очень серьезная работа, но за нее надо взяться и ее надлежит по-настоящему провести. Если мы будем аттестовывать прокурора, то надлежит отразить, что собой представляет этот прокурор по существу. Нужно, чтобы в его личном

деле мы имели отражение того, сколько раз он выступал в прецессах, какие дела он провел. Должно быть отражено, почему он участвовал именно в этих делах, потому ли, что они имели особое общественное значение или это явилось результатом случайности и т. д. Должно быть отражено, как это прокурор ведет наблюдение за следователями, каково участие его в следствии, является ли это участие эпизодическим, самотечным или он планомерно, регулярно руководит работой следователей. Показать наиболее серьезные указания, которые он дает следователям. Одним словом, в личном деле районного прокурора или вообще прокурорского работника должны быть отражены вся его производственная деятельность, все его производственное лицо. И только, если мы так поставим эту работу, будет иметь смысл в принятии закона о порядке прохождения службы у нас, потому что, если мы этого не сделаем, то этот закон нам не нужен. Смысл этого закона в основном заключается в том, чтобы изучать людей, дать им определенную перспективу продвижения, но продвигать тогда, когда мы этих людей будем знать по-настоящему, что называется до самых косточек. Мы здесь определяем, как проходит аттестование работника. Я думаю, что каждый из вас читал документ и поэтому дальнейшие подробности излишни.

По-иному ставится вопрос — это последний вопрос, на котором я хочу остановиться, — вопрос учета. Значительно больше обязанностей по учету возлагается на Прокуратуру Союза и на прокуратуры союзных республик. Несомненно, что то, что требует положение, мы проведем, если по-настоящему за это возьмемся, а польза от этого дела, мне представляется, будет огромная, потому что мы вплотную приблизимся к прокурорскому аппарату и действительно по-настоящему, так как этого требует наша партия, как этого требует наш вождь товарищ Сталин, изучим наших прокуроров и наших следователей.

Следующий вопрос, который мне поручено доложить совещанию, это вопрос о дисциплинарном уставе. Если мы регламентируем совершенно точно и четко порядок прохождения у нас службы, то совершенно естественно, что мы должны дать составу наших работников совершенно точные указания, точный закон по вопросу о том, как же они должны вести себя на работе, что последует, если они дадут показ действительно социалистического отношения к труду, к работе, что последует, если они будут работать плохо, если они будут работать слабо, если они провалятся на данной работе. Проект того дисциплинарного устава, который мы вам предлагаем, и дает ответы на все эти вопросы. Я думаю, что говорить вам здесь о значении дисциплины в нашем аппарате, говорить о том, что при той централизации прокуратуры, которая намечается проектом новой конституции, железная дисциплина должна пронизать все поры и все звенья нашего аппарата, излишне. Но далеко не излишне использовать это совещание для того, чтобы продемонстрировать, как у нас обстоит дело с дисциплиной сейчас, насколько своевременно, насколько необходимо со всей остротой поставить вопрос о необходимости для нас закона, регламентирующего порядок наложения дисциплинарных взысканий и порядок поощрений. Не раз на наших совещаниях мы ставили вопрос о дисциплине, не раз на наших

совещаниях констатировалась слабость дисциплины, указывалось на то, что виною этому всякого рода бюрократические элементы, которые еще имеются в нашем аппарате. Каждый раз мы заканчивали все это заверениями в том, что, приехав на места или оставшись в центре, дело наладим таким образом, что изживем возможность разговоров о недисциплинированности. Но воз и ныне там. Я хочу здесь продемонстрировать некоторые примеры того, что даже в верхушке нашей прокурорской системы дело обстоит таким образом, что мы не имеем четкого и своевременного выполнения тех заданий, тех приказов и распоряжений, которые исходят из Прокуратуры Союза. Для меня является совершенно ясным, что если руководитель той или иной прокуратуры сам недисциплинированно относится к распоряжениям центра, то он никогда не воспитает свою периферию, чтобы она относилась к распоряжениям центра так, как должен относиться дисциплинированный работник, тот работник, от которого 134 статья Конституции требует беспрекословной дисциплины труда, и тогда впустую разговоры руководителей краевой (областной) прокуратуры о том, что они делают все, чтобы мобилизовать свой аппарат на безусловное, четкое и немедленное выполнение распоряжений центра. Такого рода заверения не имеют цены. К сожалению, нам в Прокуратуре Союза приходится нередко констатировать, что именно руководители нашего прокурорского аппарата до сих пор не уяснили, не осознали того значения, которое имеет централизованное руководство, идущее из Прокуратуры Союза, и значение немедленного и беспрекословного выполнения тех распоряжений и приказов, которые идут отсюда. Получаются какие-то странные явления, когда тот или иной прокурор республики, а я буду говорить именно о прокурорах республики, считает, что когда мы требуем немедленного и беспрекословного выполнения тех поручений, которые ему даются, что мы этим в какой-то мере урезаем его самостоятельность, его право на то, чтобы самому разобраться в этом деле. Такая постановка вопроса — гнилая, такая постановка вопроса никогда не даст нам возможности по-настоящему наладить руководство в нашем аппарате, мобилизовать его на выполнение тех задач, которые стоят перед нами (голоса: — Правильно), ибо централизованность руководства прежде всего и раньше всего требует железной дисциплины всех наших работников сверху донизу. А вот, товарищи, несколько примеров, как у нас обстоит с этим делом.

Выступал здесь зам. прокурора УССР т. Радченко, который предъявил целый ряд требований к Прокуратуре Союза, выдвинул целый ряд практических предложений о перестройке в руководстве прокуратурой и т. д. Но, т. Радченко, я думаю, что не мешало бы очень крепко задуматься над вопросом о том, как надлежит понимать дисциплину и как надлежит выполнять те распоряжения, которые дает прокурор Союза, и не является ли то, что мы имеем со стороны Прокуратуры Республики Украины, прямым выражением антигосударственного отношения к дисциплине. С Прокуратурой Республики Украины сейчас (это надо прямо сказать) мы находимся в положении убеждающих в необходимости выполнять предложения прокурора Союза, причем даже по отдельным конкретным делам когда прокурор

Союза непосредственно, лично дает определенное указание, поручение прокурору Украины, что надлежит сделать по делу, они считают, что для них это не обязательно. Мало того, что они не выполняют этого поручения, они не считают нужным сообщить прокурору Союза, что по тем или другим соображениям они считают нужным провести другое мероприятие, хотя я думаю, что дисциплина вряд ли допускает такую дискуссию. Дано распоряжение прокурором Союза, и только в том случае, когда выполнение этого поручения грозило бы нанесением определенного вреда интересам государства, тогда только и можно было бы поставить вопрос о пересмотре распоряжения. Но когда это распоряжение носит оперативный характер, о какой дискуссии тут может быть речь?

Я приведу несколько примеров. В Днепропетровске происходит спор между директором крупнейшего завода Бирманом и нашими судебными органами, которые восстановили на работе некоего Кириченко, уволенного с завода. Тов. Бирман обращается в Прокуратуру Союза и просит вмешаться в это дело, указывая, что Кириченко систематически нарушал трудовую дисциплину, разлагал рабочих и что трудовая сессия восстановила его на работе абсолютно неправильно. В декабре месяце мы затребовали дело сюда, и т. Вышинский 4 декабря 1935 г. лично пишет протест в Судебно-надзорную коллегия Верховного суда УССР, в котором он требует отмены решения трудовой сессии, считая, что это решение неправильно, что восстанавливать на работу Кириченко недопустимо и что приказ т. Бирмана об увольнении Кириченко совершенно правилен.

Это было в декабре 1935 г. Я думаю, что элементарное чувство такта, корректности и дисциплинированности должно было подсказать прокурору УССР, что если прокурор Союза подписывает протест, он обязан защитить его в Верховном суде и что он обязан проследить за тем, чтобы точка зрения, зафиксированная в протесте прокурора Союза, была реально проведена в жизнь, и только в том случае, если бы он не мог добиться утверждения в судах УССР точки зрения, он должен был обратиться к прокурору Союза и сказать: «Я сделал все, но суд самостоятелен, надо дело решать в Москве».

А получилось так. Протест приходит в Верховный суд УССР, Прокуратура УССР этим делом не занимается. Более того, мы не получаем даже ответа на многократные запросы о том, как же решено дело, как решен протест прокурора Союза (ведь не так уже много протестов. Прокурор Союза пишет непосредственно в Верховный суд Украины). Наконец, после долгих напоминаний и неоднократных звонков по телефону мы получаем ответ, что протест принят, решение трудовой сессии отменено (это мы получили в марте 1936 г.) и дело направлено на новое рассмотрение в тот же трудовой суд, но в ином составе. Обязан или не обязан был прокурор Украины проследить за решением этого дела в трудовом суде с тем, чтобы там отстоять точку зрения прокурора Союза. Я думаю, что это элементарно, я думаю, что это обязательно надо было сделать. А каков результат? Трудовая сессия Днепропетровского суда без участия представителя Прокуратуры Украины выносит опять то же решение, которое было вынесено раньше. Но этого

мало. Мы вторично требуем сюда дело, чтобы еще раз проверить нашу точку зрения по этому делу, тем более, что суд вторично подтвердил свое решение. Может быть, мы ошиблись, мы хотели бюрократически подойти к этому вопросу и затребовали вторично дело. Однако, и вторичный просмотр дела убедил нас в полной нашей правоте, и т. Вышинский дает следующее указание прокурору Украины т. Киселеву «Направляю вам дело Днепропетровского трудового суда о восстановлении на работу диспетчера мартеновского цеха завода им. Петровского — Кириченко. Прошу вас для действительного выяснения этого дела и правильного его разрешения немедленно командировать в Днепропетровск вашего помощника, который бы ознакомился на месте с существом этого дела, лично допросив Кириченко и всех лиц, в этом деле заинтересованных. В зависимости от этого, вашему помощнику нужно лично будет разрешить вопрос об удовлетворении просьбы директора завода Бирмана об опротестовании решения трудовой сессии». Четкое указание. Прокурор Союза считал необходимым поручить это дело прокурору из Прокуратуры Украинской республики, он хочет проверить все это дело аппаратом Прокуратуры республики. Может он это сделать или нет? Конечно, может. Итак, прокурором Союза было дано указание о необходимости заняться этим делом. Об этом было написано прокурору УССР т. Киселеву, и вот какой ответ мы получаем на это, опять-таки после ряда напоминаний. 2 июля мы получаем письмо за подписью врид. наркомюста Украины и пом. прокурора Украины Бенедиктова: «Дело Днепропетровского трудового суда о восстановлении на работу диспетчера мартеновского цеха завода им. Петровского Кириченко нами поручено лично Днепропетровскому прокурору Цвику». Я думаю, что комментарии здесь излишни. Это является лучшей иллюстрацией антигосударственного отношения к дисциплине со стороны работников украинской прокуратуры.

Я привожу примеры, иллюстрирующие положение у нас с дисциплиной, для того чтобы целый ряд других товарищей сделали необходимые выводы и для себя. Не только это одно дело характеризует подход к дисциплине со стороны прокурора Украины. Мне кажется, что здесь действительно надо очень серьезно задуматься и самим товарищам украинцам над этим вопросом. Обратился к нам в Прокуратуру Союза секретарь ЦК союза консервщиков т. Евреинов о привлечении к уголовной ответственности председателя союза консервщиков по Одесской области Внукова и еще группы работников за безобразное нарушение финансовой дисциплины. Если покопаться глубже, то здесь будет не только простое нарушение финансовой дисциплины, а похуже. Мы из Прокуратуры Союза даем поручение тов. Турину провести расследование и привлечь виновных к уголовной ответственности. Ясно, что уже за последствия этого указания ответственность несет прокурор Союза, который дал поручение на место. Мы от т. Турина получаем сообщение, что следствие проведено и виновность установлена. Подтвердились все факты, которые были нами указаны в распоряжении, но прокурор УССР т. Киселев стоит на точке зрения того, что предавать суду не нужно, какое предложение и дал т. Турину. Что это значит? Если т. Киселев, ознакомившись с материалом, при-

ходит к выводу, что нет оснований для привлечения к уголовной ответственности, то естественно, если есть указание прокурора Союза, он обязан снестись с ним, а не ставить его в ложное положение тем, что так, походя, отменяет его распоряжение. И не ставить в ложное положение прокурора Турина. Вот вам два примера. У меня много этих примеров по Украине. Я взял Украину для того, чтобы продемонстрировать, что даже в такой прокуратуре, которая является наиболее мощной прокуратурой, которая насыщена крепкими кадрами, и в ней не обеспечено дисциплинированное отношение к выполнению распоряжений центра. Только непонимание того, что такое дисциплина и как надлежит относиться к дисциплине, приводит к тому положению, о котором я говорил.

Возьмите дело народного судьи Куропаткина. Это дело совершенно исключительное. В Каховском районе Одесской области возникло дело по обвинению народного судьи Куропаткина во взяточничестве. Причем обвинение во взяточничестве было основано на показаниях только одной гражданки Приходько, которая показала, что она получила 300 руб. от одного обвиняемого, который должен был судиться в народном суде у Куропаткина, для того, чтобы эту сумму передать Куропаткину, как взятку. Куропаткин — член партии, длительное время работающий добросовестно народным судьей, немедленно отстраняется от работы. Проходит продолжительное время, пока дело это расследуется, разбирается, и, наконец, приказом народного комиссара юстиции и генерального прокурора УССР т. Киселева от 30 мая 1935 г. было объявлено, что против Куропаткина было возбуждено ложное обвинение, что Куропаткин восстанавливается в должности и дано распоряжение о расследовании обстоятельств и причин возбуждения дела против Куропаткина. Как будто, очень хорошо. Но дальше события разворачиваются совершенно иначе. Начинается новое следствие, которое поручается следователю по важнейшим делам т. Волковицкому, и дело начинается сначала — опять Куропаткин отстраняется от работы, опять все обвинения возникают наново, затем следствие поручается другому следователю по важнейшим делам тов. Чумало, которая опять ведет длительное время следствие, и затем оно заканчивается тем, что все-таки доказать виновность Куропаткина никак нельзя, ибо нет для этого никаких данных. Но дело тянется без конца. (Голос: — Как же суд допускает?). Как суд допускает — это вопрос другой, я говорю сейчас о наших прокурорских работниках. Тогда Куропаткин обращается в ЦК ВКП(б), обращается в редакцию «Правды», обращается к нам. Куропаткин все время настаивает: обвинение создано искусственно, меня довели до такого состояния, что я готов покончить самоубийством, прекратите травлю, тем более, что я больной человек (третья стадия туберкулеза). Мы потребовали это дело сюда.

Мы поручаем это дело квалифицированному товарищу, который тщательно изучает его и приходит к выводу, что дело основано на ложном обвинении, что дело это сфальсифицировано, что Куропаткин оклеветан и что совершенно правильным выводом является привлечение к строжайшей уголовной ответственности тех, кто создал против Куропаткина это дело. Мы делаем предложение т. Киселеву: «Восстановить Куропаткина в должности, привлечь к ответственности виновных и помочь материально

Куропаткину, который по вине прокурорских работников в течение целого ряда месяцев ходил без работы, с пятном взяточника». В ответ на это т. Киселев нам сообщает: «Прошу разрешить мне воздержаться от выполнения вашего приказа, ибо материалы, которые были в вашем распоряжении, неполны, у нас имеются дополнительные материалы, которые заставят вас изменить свою точку зрения». Я здесь повторяю сказанное т. Вышинским «Люди мы спокойные, и если прокурор республики нам сообщает, что имеются дополнительные материалы, то совершенно естественно, что надо эти дополнительные материалы посмотреть, ибо какие же у нас основания не доверять прокурору республики». Мы потребовали, чтобы прокурор УССР представил нам не только эти дополнительные материалы, но и прислал сюда и следователя, который этим делом занимался, который вел следствие. Прислали к нам следовательницу т. Чумало. Приехав сюда, эта следовательница ничего членораздельного нам сказать не могла. Но когда я поставил перед ней вопрос: «Будете ли вы писать обвинительное заключение по обвинению Куропаткина во взяточничестве», она ответила: «Данных у меня нет, я кое-что подозреваю, обвинительное заключение я писать не буду»... Вот вам дополнительные материалы, которые нам представила прокуратура республики Украины, осмелившись «по этим данным» не выполнять распоряжение прокурора Союза. И вы думаете, восстановлен Куропаткин на работе в настоящее время? Нет, потому что прокуратура Украины упорствует в своей точке зрения, не имея никаких данных для этого, и защищает тех, кто создал это обвинение против этого несчастного народного судьи Куропаткина. После данного совещания мы это дело закончим и заставим Прокуратуру УССР не только восстановить Куропаткина в должности, но по-настоящему сами накажем, если этого не в состоянии сделать прокурор УССР, тех людей, которые заставили так отнестись к нашему народному судье, члену партии т. Куропаткину. Но надо вам сказать, что это дело об очень многом сигнализирует. И товарищи из Украины, и т. Радченко, в частности, вместо того, чтобы дискутировать с нами о том, виноват или не виноват Куропаткин, хотя для нас ясно, что никаких данных нет для его обвинения, вам нужно было бы очень глубоко задуматься, почему следователь по особо важным делам Волтовинский повел дело против Куропаткина.

Теперь о Сахновском. Это народный следователь г. Киева. Вот документ от 26 июня 1935 г., который свидетельствует о том, в какое положение Прокуратура Украины сплошь и рядом ставит Прокуратуру Союза. 26 июня секретарь бюро КСК т. Назаретян обратился с письмом к т. Вышинскому, где высказывает недоумение по поводу нашего бессилия заставить Прокуратуру УССР выполнить приказ о восстановлении Сахновского в должности следователя. Не знаю, товарищи, если любой из вас получил бы такое письмо, как бы он почувствовал себя, а ведь это письмо было направлено прокурору Союза, где член бюро КСК говорит о том, что периферия недисциплинирована, где он указывает, что предложения Прокуратуры Союза не выполняются, и что в конце концов этому безобразию надо положить конец.

Сюда по этому делу лично вызывался Киселев. Неоднократно с ним т. Вышинский лично говорил, неоднократно я говорил по телефону с Киевом — и нам обещали не сегодня-завтра восстановить Сахновского. А потом начинались комбинации: нам говорили, что не могут восстановить в Киеве, а могут в Чернигове, а Сахновский до сих пор не восстановлен на работе. Дело дошло до того, что из Москвы мы вынуждены были сообщить в Киев, что если Сахновский не будет восстановлен на работе, то мы пошлем к ним следователя по особо важным делам, чтобы привлечь к ответственности виновных в волоките. Но ведь нельзя же, товарищи, так строить наши взаимоотношения, что мы будем грозить посылкой следователя по важнейшим делам. Ведь это же переходит всякие пределы, притом, если бы были действительные основания для того, чтобы спорить и просить прокурора Союза пересмотреть его решение. (Голос: — Безобразие!). Это не только безобразие, я считаю, что это преступное отношение к государственной дисциплине со стороны ответственного товарища — прокурора республики.

Но, товарищи, было бы неправильно думать, что у нас дело обстоит неблагоприятно только на Украине. На Украине оно сугубо неблагоприятно, граничит с прямым преступлением, но и в других аппаратах дело тоже неблагоприятно.

Тов. Рамишвили, позвольте и вам предъявить кое-какой счет. Я говорю о деле Кокашвили. Это дело другого сорта, но оно все же говорит о том, что и в Грузии не всегда выполняются распоряжения прокурора Союза, несмотря на то, что распоряжение прокурора должно быть выполнено беспрекословно.

Кокашвили был привлечен к уголовной ответственности, ему предъявили целый ряд серьезных обвинений. Потом оказалось, что привлечение к ответственности не обосновано, что это дело дутое. Дело было прекращено, и выяснилось, что работники, которые вели это дело, вели его недобросовестно и за это должны быть преданы суду.

Тов. Рамишвили было дано соответствующее указание. Мы не получили от него никакого ответа. Наконец, после целого ряда напоминаний мы получили ответ, что этим работникам «объявлен строгий выговор с последним предупреждением».

Союзная Прокуратура телеграфно требует привлечения этих работников к судебной ответственности, а тов. Рамишвили, «исходя из того, что указанные товарищи совершили преступление в первый раз», считает возможным ограничиться дисциплинарным наказанием.

Если тов. Рамишвили считал, что распоряжение прокурора Союза слишком суровое, то надо было не через пять-шесть месяцев написать, а сразу поставить вопрос о пересмотре решения т. Вышинского о предании суду.

Приведу еще один пример — письмо, которое адресовано прокурору Куйбышевского края т. Жалкину и подписано т. Вышинским.

Письмо следующее: «...Дело должно было быть вами немедленно выслано мне. Вместо исполнения этого указания нами получено сообщение, что протест отклонен... срочно объясните, по какой причине дело нам не выслано. Ставлю вам на вид недисциплинированность вашего отношения к моему поручению».

Тов. Жалкину было дано простое поручение — выслать дело. Это поручение не выполняется.

Я думаю, что этих примеров достаточно для того, чтобы каждый из вас воспринял, что у нас с дисциплиной обстоит неблагоприятно. Еще и сейчас мы имеем такое положение, что, давая поручения на места, мы сплошь и рядом не уверены, что эти поручения будут выполнены так, как это указано в распоряжении Прокуратуры Союза.

Я должен сказать, что целый ряд краевых и областных прокуроров и прокуроров республик очень часто нас спрашивают — почему вы своим аппаратом проводите то или другое мероприятие, почему вы не поручаете нам. Ведь, товарищи, одна из причин того, что мы иногда подменяем работу краевого и областного прокурора и даже районного прокурора, заключается в том, что если мы имеем такое поручение, которое «горит», которое нужно немедленно выполнить, то мы не можем понадеяться на то, что вы немедленно, быстро, точно его выполните.

Я приводил только факты, касающиеся центральных органов, я не брал факты, касающиеся районной периферии, где дело с дисциплиной обстоит очень и очень плохо. Но если наши распоряжения, наши требования, наши запросы остаются без всякого ответа, то можно себе представить, чем характеризуется работа такого аппарата в отношении к жалобщику, который приходит в этот аппарат. Если работники не считают для себя обязательным выполнять наши распоряжения, то для меня совершенно ясно, что никакого внимания к себе жалобщик в таком аппарате не найдет.

Мы проект дисциплинарного устава строим по нескольким разделам. Мы даем прежде всего указание на то, что должен уяснить себе каждый прокурор, каждый работник нашего аппарата, даем указания, как должен работать работник, который работает в нашем аппарате. Затем мы говорим о тех мерах взыскания, которые могут быть наложены на тех работников, которые допустили недисциплинированное отношение к работе. Мы вводим здесь меру взыскания, которая не предусмотрена дисциплинарным уставом почти ни одного из ведомств, за исключением НКВД, НКПС, Наркомсвязи и Наркомата обороны, — эта мера — арест на 20 суток без исполнения служебных обязанностей. Мы выкидываем отсюда одну меру, которая применялась у нас, — увольнение с запрещением на определенный срок занимать должности в нашей системе. Эту меру мы выкидываем совсем, потому, что если мы параллельно с этим предлагаем закон о порядке прохождения службы у нас, если мы ставим определенные условия для приема к нам на работу, то эта мера является в дисциплинарном уставе уже излишней. Но, предлагая определенные меры взыскания, мы в то же время подчеркиваем необходимость осторожного отношения к применению мер дисциплинарного наказания. Тов. Драгунский был абсолютно прав, когда он указывал на то, что у нас имеется увлечение применением мер наказания, в частности, он говорил это по отношению к Прокуратуре РСФСР. Это верно. У нас действительно иногда увлекаются применением мер дисциплинарного наказания. Поэтому мы здесь в этом проекте устава ставим определенные рамки, выдвигаем определенные требования, при выполнении которых можно только наложить дисциплинар-

ное наказание. Затем мы указываем, как надлежит действовать тому начальнику, который вправе накладывать дисциплинарные взыскания, тогда, когда он считает нужным это дисциплинарное наказание наложить. Основным требованием является обязательное получение личного объяснения от того работника, который совершил тот или иной проступок, за который он заслужил наказание, и запрещается без личного объяснения налагать дисциплинарные наказания. Это поможет изжить то, о чем говорил т. Вышинский: когда наложишь наказание, а через некоторое время выясняется, что наложено оно зря, и приходится отменять наказание. Если ты затребовал объяснение, тогда оцени его, взвесь и после этого наложи определенное взыскание.

Должен сказать, что при выработке этого документа было предложение, чтобы начальник, который имеет право наложения дисциплинарного взыскания, налагал это дисциплинарное взыскание через сутки после разбора того или иного проступка, для того чтобы налагающий наказание не действовал сгоряча, а обсудивши, подумавши, уже в спокойном состоянии. Может быть тогда взыскание не будет наложено, начальник ограничится тем, что даст указания, даст взбучку, откажется от дисциплинарного наказания. Этот вопрос нужно обсудить. Быть может, мы сойдемся на том, что его нужно включить в наш дисциплинарный устав. Исходя из того, что дисциплинарные наказания, которые здесь предложены, очень суровы, мы ограничиваем права начальников в отношении своих подчиненных по определенной группе мер наказания. Если замечание, выговор, строгий выговор и строгий выговор с предупреждением мы разрешаем налагать начальникам, в ведении которых находится подчиненное лицо, то в отношении остальной группы наказаний мы предоставляем право наложения их только тому начальнику, который имеет право назначать и принимать на работу. Это лишает возможности огромную группу нашего руководящего состава налагать определенные меры дисциплинарного взыскания (арест, увольнение и т. д.).

Мы в дисциплинарном уставе предусматриваем также возможность поощрения и даем перечень тех мер поощрения, которые могут быть применены к товарищам, отличившимся на трудовом фронте, которые действительно оказались передовиками в нашей работе и проявили социалистическое отношение к труду.

И, наконец, им устанавливаем точный порядок обжалования и надзора за применением дисциплинарного устава. Я думаю, что этот документ должен сыграть свою большую положительную роль в повышении ответственности, в повышении понимания дисциплины и, следовательно, в дисциплинировании нашего аппарата.

И, наконец, последний вопрос, который мне поручено доложить вам, — вопрос о проекте нового Положения о Прокуратуре Союза и союзных республик в связи с проектом новой Сталинской Конституции. Вам этот проект роздан.

Этот проект положения построен с целевой установкой — отразить тот централизованный характер органов прокурорской системы, который указан в Конституции, и то, что не нашло своего отражения в ныне действующем положении о прокуратуре вообще и о Прокуратуре Союза, в частности. Мы хотели отразить в этом

проекте сумму тех поручений, которые даются Конституцией аппарату прокуратуры. Мы приложили к этому проекту положения диаграмму, с показом того, как мы полагаем необходимым строить структуру Прокуратуры Союза, какие отделы, какие части мы предусматриваем в нашей структуре. Конечно, здесь уже сейчас надо внести некоторые коррективы. У нас — не приемная по жалобам, а отдел по жалобам. Но, во всяком случае, это примерно та схема построения аппарата Прокуратуры Союза, которую мы примем у себя здесь. Я хотел бы остановиться на том, как мы считаем нужным внутри отделов построить работу и какие функции мы считаем необходимым возложить на каждый из тех отделов, которые мы построим у себя. Это может явиться для товарищей основой для того, чтобы подумать о том, какие отделы следует построить у них на местах.

Дискуссионный вопрос — о следственном и судебном отделах: два ли отдела должны быть или один отдел. Мы у себя в Прокуратуре Союза приняли решение об организации двух отделов — следственного и судебного; обсуждали мы по этому вопросу на одном из оперативных совещаний при прокуроре Союза, в котором принимали участие некоторые наши областные и краевые прокуроры. Я думаю, что для Прокуратуры Союза, пожалуй, правильно будет иметь два отдела:

Каковы же функции этих отделов? Для следственного отдела мы предлагаем следующие функции: следственный отдел осуществляет организационное и методическое руководство следствием и оперативное руководство по отдельным следственным делам. Вот его основные функции, кроме того его функции — надзор за организацией и укомплектованием следственных отделов прокуратур союзных республик. Мы считаем, что Прокуратура Союза должна взять на себя обязанность следить за тем, чтобы следственные отделы при прокуратурах союзных республик были организованы и были укомплектованы, чтобы там не было пустого места, чтобы они не были только одной вывеской, одним наименованием, а за этой вывеской ничего не было бы, как мы имеем кое-где сейчас по гражданскому отделу. Мы возлагаем на отдел разработку мероприятий, содействующих улучшению следовательской работы (бланки, техническое оснащение, фотоаппараты и т. д.). Иначе говоря, мы имеем в виду наш следственный отдел превратить в административно-организующий и руководящий отдел, который должен сигнализировать руководству Прокуратуры Союза о том положении, которое имеется на местах с постановкой следовательского дела, и чтобы следственные отделы при прокуратурах союзных республик тоже имели свой центр, куда они могли бы жаловаться и перед которым могли бы ставить вопросы, характеризующие отношение к следовательскому делу на местах. Мы возлагаем на наш отдел руководство работой следственных отделов при прокуратурах союзных республик, в частности по вопросу о повышении квалификации следователей без отрыва от производства, инструкторско-методическую работу, кустовые совещания, учебно-методические конференции, индивидуальную учебу следователей. Мы хотим это дело централизовать. Здесь будет дан ответ на вопрос т. Баркова о том, что у нас сейчас издается бесконечное количество методических писем, которые мы потом отменяем, потому что они на-

писаны безграмотно и ничего не дают, а только путают и т. д. Это дело надо централизовать во всяком случае в руках прокуратуры союзных республик под непосредственным руководством и инструктированием нашего следственного отдела Прокуратуры Союза.

Затем идет организационное и методическое руководство работы прокуратуры по надзору за следствием, участие в выработке программ, учебных планов наших вузов в целях повышения квалификации следственной работы. Я думаю, это моя личная точка зрения, что нам не обойтись без того, чтобы в наших вузах и курсах иметь специальное отделение для следователей. Мне кажется, что та обезличка, которая сейчас существует, когда следователи вместе с прокурорами, вместе с судьями подготавливаются на одинаковых началах, не дает того эффекта, который нужен. Поэтому на наших курсах по переподготовке надо иметь отдельное отделение специально для подготовки следователей. Мы сказали об этом глухо. Но мы, по всей вероятности, обсудив это у себя, и к этому придем. И, наконец, на следственный отдел возлагается непосредственное руководство расследованием определенной категории дел, взятых под непосредственное наблюдение Прокуратурой Союза. Функции, как видите, — очень большие.

Мы этот отдел делаем организующим центром руководства периферией плюс надзор за теми следственными делами, которые проводятся по периферии под нашим непосредственным надзором.

Таким образом построенный следственный отдел даже и на местах будет насыщен достаточно большой работой, и, естественно, он охватит всю сумму вопросов по руководству следствием, которое нам необходимо.

Когда вы будете обсуждать у себя вопросы, связанные с тем, организовать ли один отдел или два, не может быть принято как серьезный аргумент против организации двух отделов то, о чем говорили товарищи, которые выдвигали то положение, что здесь происходит разрыв между прокурорским надзором за работой следователя и судебной работой. Это не мотив.

Единственное серьезное соображение здесь одно: можно или нельзя в процессе руководства разорвать два единых по существу процесса — судебный и следственный, ибо когда я проверяю судебное дело, я всегда вижу перед собой и следственное дело.

Этот вопрос должен быть обсужден с точки зрения самых функций этих отделов. Мне кажется, что мы четко эти функции записали, чтобы показать, что следственный отдел имеет серьезную базу для работы.

Судебный отдел мы строим как методический центр судебно-прокурорской работы, как центр по руководству судебными отделами прокуратур союзных республик.

Мы хотим попытаться организовать такой центр, который помогал бы товарищам в разработке определенных методических указаний и в вопросе поведения на суде. У нас по этому вопросу почти ничего нет. У нас нет указаний, как надлежит вести себя на суде, строить обвинение, нет указаний о поведении прокурора на суде, построении самой судебной речи, поведении во время судебного следствия и т. д. Нужно изжить то, о чем говорил т. Вышинский, что прокурор только с нетерпением

ожидает того времени, когда он выступает с речью.

У нас очень мало прокуроров, которые умеют по-настоящему выступать на суде. Учитывать наших прокуроров быть говорящими прокурорами — это необходимая задача. Мы думаем, что судебный отдел, который мы организуем, должен взять на себя и разработку этого мероприятия.

Аналогичны функции и для гражданского отдела. А функции отдела по административному надзору? Здесь ставили вопрос такой — дайте нам рамки административного надзора. Эти рамки административного надзора у нас уже нашли отражение в одном из наших циркуляров, но, видимо, придется этим вопросом заняться и дать на места специальные указания, потому что совершенно естественно, что здесь распыляться невозможно, здесь должны быть даны совершенно определенные пределы административного надзора, иначе мы с этим административным надзором не справимся.

Как мы записали функции отдела по административному надзору? Мы записали так, что отдел административного надзора выполняет функции по высшему надзору Прокуратуры Союза за точным исполнением законов всеми наркоматами и другими учреждениями, равно и отдельными должностными лицами. Если мы говорим, что он должен выполнять функции по высшему надзору за точным исполнением законов всеми наркоматами, то совершенно естественно, что этому отделу должны быть известны приказы и распоряжения, которые будут издаваться в наркоматах.

Я должен сказать, что эта работа у нас уже идет, но скверно. Она идет плохо ввиду того, что это дело было распылено, что мы не имели концентрированного кулака, который бы охватил всю эту работу. Если вы хотите, чтобы это дело было хорошо поставлено, то необходимо, чтобы один отдел этим занимался. Я вам приведу такой случай — мы прочли постановление СНК Союза о грубейшем нарушении закона, допущенном одним из главков НКТП. Такое грубое нарушение закона при мало-мальски внимательном отношении прокуратуры к общему надзору, естественно, должно было броситься в глаза. Это был случай, когда один из главков НКТП самовольно перенес выходной день, а прокуратура это дело проморгала. Об этом стало известным только из постановления СНК Союза. Это объясняется тем, что приказы, распоряжения, которые мы получаем, не читались в наших отделах или читались неквалифицированными товарищами небрежно. Но тогда, когда это дело будет поставлено правильно, с этой задачей можно будет справиться.

Мы на этот отдел возлагаем также и руководство отделами по административному надзору прокуратур союзных республик, чтобы мы знали, что там делается. Тов. Филиппов представил нам свой доклад об общем надзоре. Мы будем его обсуждать на нашем оперативном совещании, потому что очень много из опыта работы по общему надзору, который мы имеем в практике г. Москвы, можно будет использовать для всей периферии. Поэтому мы на специальном совещании этот вопрос обсудим и сделаем соответствующие выводы. Этот доклад нам говорит о том, что Прокуратура Москвы, попытавшись поставить работу по об-

щему надзору, достигла известных результатов. Но другие прокуратуры молчат, ибо дело это у них не поставлено. Все жалобы на налоги, на административные выселения — все это будет сосредоточено в отделе по административному надзору. Я перехожу к вопросу, который в значительной мере был поставлен как дискуссионный, — как мы организуем надзор за милицией. Мы его организуем таким образом. Отдел по надзору за милицией мы включаем в наш спецотдел. Иной постановки вопроса быть не может. (Голоса: — Правильно). Причем весь вопрос в целом по надзору за милицией мы передаем этому отделу. Неправы те товарищи, которые считают, что можно надзор за милицией расчленить на ряд частей; надзор за паспортизацией передать в один отдел, вопросы штрафа — в другой и т. д. Надзор за паспортизацией связан с работой особого совещания, с изъятием социально вредных элементов и т. д. и т. п. Поэтому весь вопрос, связанный с надзором за милицией мы передаем в один отдел, включаемый в управление по надзору за спецделами. Мне кажется, что иначе этот вопрос не может быть поставлен.

Конечно, это не значит, что, включая сюда надзор за милицией, мы передаем спецотделу и надзор за следствием милиции. Мы передаем в этот отдел надзор за расследованием тех дел, которые проводятся в центральном или областном управлении милиции, но то следствие, которое проводится в районе, это следствие идет в тот следственный отдел, который мы специально организуем. Иначе не может быть. Но надзор за Главным управлением милиции, надзор за краевыми и областными управлениями осуществляет тот отдел по милиции, который включается в спецотдел. Затем мы организуем отдельный отдел по надзору за исправительно-трудовыми учреждениями. И это правильно, потому что работа по надзору за ИТУ, она в основном заключается в надзоре за исполнением приговоров, в надзоре за порядком содержания под стражей, за сроками содержания под стражей и т. д. и т. п. Включать этот отдел в управление по спецделам это будет смешением функций. Там в основном будет сосредоточен надзор за следствием, за правильностью ареста, но не за содержанием под стражей. Эта область работы должна быть выделена. Поэтому мы организуем отдел по надзору за ИТУ. Тов. Радченко говорил, что вообще, может быть, этот отдел прокуратуры надо ликвидировать. Я думаю, что вы не в курсе того, что у вас делает тов. Петренко, который наблюдает за местами заключения. Я вам должен сказать, что не только не упразднять, но усиливать надо эту прокуратуру, потому что она в значительной мере является той прокуратурой, которая дает нам богатейший материал, характеризующий работы в других частях прокуратуры, в других отделах. Не случайно, что наш прокурор т. Зорин, ведающий отделом по ИТУ, по сути дела дал нам материалы, которые сделали возможным поставить и в СНК Союза вопрос о волоките с рассмотрением кассационных дел, о волоките с рассмотрением дел в спецколлегиях. Когда т. Зорин получает со всего Союза материалы, характеризующие движение содержащихся под стражей, когда он видит, как работает суд, как работает следствие и т. д., — он сообщает этот материал, и Прокуратура Союза принимает необходимые меры.

И, наконец, отдел по жалобам. Здесь тоже надо внести ясность. Некоторые товарищи имеют в виду построить этот отдел по жалобам таким образом, чтобы он являлся отделом, решающим жалобы по существу. У нас этот отдел построен иначе. Отдел по жалобам не решает жалобу по существу, ибо мы считаем, что нельзя обескровить наши оперативные отделы и отнять от них жалобы; это значит подрубить в значительной мере тот сук, на котором они сидят. Наш отдел по жалобам является отделом, который принимает все жалобы, поступающие к нам, и всех жалобщиков, приходящих к нам; он отсеивает определенную группу жалоб, которые не относятся к прокуратуре, и направляет жалобу или жалобщика в соответствующее учреждение, либо он направляет жалобу или жалобщика по нашей же линии, но в ту прокуратуру, которая должна заняться этим делом. Когда в результате рассмотрения жалобы этот отдел приходит к выводу, что по жалобе нужно произвести оперативные действия, он нап-

равляет жалобу в соответствующий отдел Прокуратуры Союза. Кроме того, отдел по жалобам осуществляет контрольную функцию — контролирует, как проходят жалобы в нашем аппарате и сроки прохождения их. Наконец, на отдел жалоб мы возложили учет жалоб. Мы имеем уже положительные результаты этой работы у себя.

Вот сумма тех вопросов, которые мне поручено было доложить нашему совещанию.

Мне кажется, что те мероприятия, которые мы поставили на ваше обсуждение, мероприятия, связанные с порядком прохождения службы, с нашим дисциплинарным уставом, мероприятия, связанные с нашей структурой в соответствии с проектом новой Сталинской Конституции, — должны облегчить нам поднять качество работы, мобилизовать наших работников, внедрить им чувство той великой ответственности, которая ложится на каждого из нас при выполнении тех почетных и великих задач, которые возлагает на нас Сталинская Конституция страны победившего социализма

Всесоюзное прокурорское совещание

13—16 июля 1936 г.

13—16 июля в Прокуратуре Союза состоялось совещание прокуроров союзных республик с участием некоторых краевых, областных прокуроров, военных прокуроров, а также прокуроров железнодорожного и водного транспорта.

Совещание заслушало доклад прокурора Союза т. А. Я. Вышинского «Сталинская Конституция и задачи органов юстиции» и доклад зам. прокурора Союза Г. К. Рогинского «Организационные вопросы перестройки прокуратуры в свете проекта Сталинской Конституции».

Ниже мы помещаем в сокращенном виде материалы, посвященные этому совещанию.

Прения по докладу т. Рогинского будут даны в следующем номере.

ПРЕНИЯ ПО ДОКЛАДУ ПРОКУРОРА СОЮЗА т. А. Я. ВЫШИНСКОГО

т. КАРАСИК

(Прокурор Ивановской области)

Тов. Вышинский в своем докладе дал такой полный и всесторонний теоретический и политический анализ проекта новой Конституции, что вряд ли надо его дополнять чем-либо. Поэтому я хочу ограничить свое выступление практическими вопросами, которые касаются второго раздела доклада т. Вышинского.

Мы часто на наших совещаниях ставим целый ряд вопросов, касающихся теневых сторон нашей работы. У нас, действительно, очень много недостатков, по которым нужно бить, чтобы их исправить. Однако мне кажется, что корень этих недостатков, помимо вопроса о кадрах, о людях, который является решающим, кроется еще в целом ряде организационных неполадок, имеющих место в нашей работе и в нашей системе.

Первое, на чем я хотел бы остановиться, это вопрос о наших функциях, о пределах нашей компетенции. Они ярко очерчены законом о Союзной прокуратуре 1933 года, но на практике путем целого ряда приказов, циркуляров, Указаний и пр. мы так расширили свои функции во всех областях, что они потеряли всякую грань.

Возьмем вопрос о жалобах. У каждого из нас можно найти огромное количество всякого рода анекдотов с прохождением жалоб, иллюстрирующих отрицательный характер нашей работы. Мне думается, что это в известной мере результат того, что органы юстиции завалены жалобами и что все эти жалобы, в конечном итоге имеющие и не имеющие к нам отношения, приходят к нам. Достаточно указать, что с момента организации бюро жалоб у нас за 16 дней прошло 760 жалоб.

Если разобраться в этом огромном количестве жалоб, то вы увидите, что значительное количество этих жалоб не содержит в себе признаков уголовного деяния. Я мог бы проиллюстрировать целый ряд жалоб, которые проходят следующие инстанции — районный прокурор, райисполком, облисполком, комиссия

советского контроля области, уполномоченный партийного контроля в области, прокурор РСФСР, прокурор Союза, КСК, КПК. Секретариат ЦИК, и все эти жалобы в конечном счете стекаются к нам, все требуют ответа. Кроме того, ответа требуют 3—4 редакции, куда поступают различного рода письма. В результате приходится писать 16—18 копий.

Почему такой завал жалоб? Я объясняю завал жалоб в известной мере тем, что в то время как наш Уголовный кодекс и Гражданский кодекс знают срок давности, в отношении жалоб эта давность не установлена.

До тех пор, пока мы не упорядочим вопроса, кто такими жалобами занимается, покуда десятки инстанций будут заниматься этими жалобами, — бюрократизм, волокита, неразбериха будут существовать так же, как существуют до сих пор. Мне кажется, что жалобы налогового порядка, жалобы, связанные с неправильным выселением, переселением, расселением и т. д., должны рассматриваться и решаться местными исполкомами, причем высшей инстанцией для такого рода жалоб должен являться облисполком. И прокурор опротестовывает решение облисполкома в том случае, если нарушен закон. К нам должны идти только жалобы, которые содержат признаки уголовно-наказуемого деяния. (Вышинский: — Значит, логический вывод...). Логический вывод такой... (Вышинский: — Не принимать жалоб от жалобщиков). Ничего подобного я не предлагаю.

Я предлагаю установить сроки давности... (Вышинский: — т. е. какой?). Если человек в течение двух лет не жаловался на то, что его оштрафовали или неправильно обложили налогом, — мы не рассматриваем таких жалоб. Я считаю, что когда речь идет о том, что неправильно оштрафовали на 100—200 рублей или изъяли имущества на 300 рублей, и если человек в течение двух лет не поднимал этого вопроса, не обжаловал решение, то незачем, после того как прошло два года, этим делом заниматься... (Вышинский: — Например, по неграмотности). Теперь нет такого положения. (Вышинский: — Как нет?)... Культурный уровень населения настолько возрос, что люди все знают, куда жаловаться, если нарушены их права. Это первое, что я предлагаю.

О нашей судебной работе. Наша судебная работа скверно поставлена. Это факт, и это происходит оттого, что мы не участвуем в судебной работе. Мы судебной работой занимаемся очень мало. У нас в районе сидит один прокурор, $\frac{3}{4}$ времени которого уходит на всякого рода другую работу, а на судебную работу у него времени не остается, и естественно, что мы вынуждены потом в порядке надзора заниматься этими делами.

Надо, чтобы в каждом районе было два человека — районный прокурор и помощник районного прокурора, причем районный прокурор должен заниматься судебно-следственной работой, наблюдением за органами НКВД и милицией, выступать в судах и т. д. Помощник районного прокурора должен заниматься общим надзором и отвечать за то, чтобы ни

одно постановление, неправильно вынесенное, не осталось неопротестованным. В настоящее время у нас только один человек в районе. Кроме того, нужно учесть, что районный прокурор часто выезжает, и в этом случае район остается без прокурора. Это совершенно немыслимо, особенно принимая во внимание, что сейчас без санкции прокурора нельзя никого арестовать. А на самом деле бывает такое положение, что район остается на 5—7 дней без прокурора. Такое положение недопустимо. Необходимо ввести должность помощника райпрокурора.

Вопрос подготовки наших районных кадров является самым заброшенным участком нашей работы. Я пытался учить районных прокуроров, я собрал их в область на 7—8 дней. По определенной программе им был прочитан ряд лекций. Это дало очень хорошие результаты, и наши районные прокуроры смогли сейчас же после этих лекций сдать зачеты по юрминимуму. Они говорят, что с ними никогда никто не занимался. Сейчас во многих областях эту работу начинают, но надо прямо сказать, что мы кустарничаем в этом вопросе. Мы сами сочиняем программы. Мы не имеем достаточно квалифицированных лекторских сил, кроме того мы в этом отношении очень стеснены нашим бюджетом. Для переквалификации наших кадров должна быть поставлена как задача государственная: должна быть выработана программа, должны быть отпущены средства, должен быть дан какой-то всесоюзный измеритель, чтобы в этом деле не было кустарщины. И только при таком порядке мы сможем хорошо поставить подготовку и переквалификацию наших кадров. Мы имеем на местах хороших работников, но их малая подготовленность, их малая квалификация не дает им возможности выполнять те задачи, которые мы перед ними ставим.

Мне думается, что должно быть издано правительственное постановление, которое должно записать, что все работники с правовым образованием, кончившие учебные заведения в наше время, должны быть использованы по своей специальности.

Серьезен и вопрос о материальном положении наших людей. Я очень мало знаю людей, которых бы у нас выделяли и поощряли. Я не поверю, что это потому, что у нас все люди плохи. Возьмите Наркомтяжпром и другие наркоматы—там людей «бьют», когда нужно, но там людей и поощряют, там людей ставят на определенную высоту, и люди готовы на самопожертвование.

Я думаю, что в нашей практике этот вопрос надо коренным образом изменить.

У меня имеется целый ряд районных прокуроров, работающих 12—13 лет, которые сейчас по болезни нуждаются в лечении. Я не могу им дать 300 р. или путевку.

Еще один момент, на который я хочу обратить внимание и который тоже по существу решает вопрос работы, это то, что мы не имеем единообразных показателей в работе. Как может областной прокурор обсудить вопрос, хорошо или плохо он работает? Мы знаем отдельные ошибки нашей работы, но мы не знаем, как мы в целом работаем. Мог ли бы работать директор завода, не имея плана своей работы? А мы единых измерителей нашей работы не имеем. Поскольку у нас создается единая прокуратура, необходимо создать инспекторский аппарат, который должен быть

постоянно связан со всеми краями и областями, который должен обязательно дважды в год бывать на месте, изучать деятельность местных прокуратур, показать им, если они не умеют работать, их ошибки.

Я считаю, что перед нашим правительством надо поставить вопрос, чтобы прокуратуры были целиком на государственном бюджете. Мы не можем зависеть от местного бюджета. Этот вопрос надо поставить немедленно, чтобы с нового года все наши органы сверху донизу были взяты на государственный бюджет.

т. ПРИГОВ

(Прокурор Саратовского края)

В докладе, который нам сделал т. Вышинский, мы получили новое и очень серьезное вооружение в политических, теоретических и практических вопросах, возникающих из различных сторон новой Сталинской Конституции.

Из огромного количества проблем, которые были поставлены Андреем Януарьевичем, я хотел бы остановиться на той, которая является для нас наиболее близкой: речь идет о стабильности правовой формы, речь идет о незыблемости и нерушимости советского закона.

Я бы считал правильным, если бы вся наша дальнейшая работа, наряду с борьбой за священную, неприкосновенную социалистическую собственность велась бы одновременно и под знаком борьбы за священный и нерушимый советский закон. Я не считаю парадоксальным объединение этих форм.

Я хотел бы остановиться на некоторых вопросах более ограниченного и практического характера, в частности, на некоторых вопросах, поднятых т. Карасиком. Для всех нас вопрос о жалобах, о потоке жалоб в органы прокуратуры в практической нашей работе действительно подчас является мучительным. Но вместе с тем принципиально неправильна постановка вопроса о том, что прокуратура в какой бы то ни было мере может изолироваться от принятия каких бы то ни было жалоб, совершенно безотносительно от источника их происхождения и совершенно безотносительно от их содержания. Мы скомпрометировали бы органы прокуратуры, если бы вступили на этот путь. Если мы ограничим круг подаваемых нам жалоб, то этим самым мы ослабим то доверие к прокуратуре, которое имеется у широких масс населения. Всякие попытки ограничить прокурора с точки зрения пресечения тех каналов, которые идут от него к массам, будут служить к явному ущербу прокуратуры.

Необходимо подчеркнуть значение одного тезиса, который выдвинул т. Карасик и которому я придаю особое значение, — это вопрос о поощрениях. По опыту мы знаем, что отметишь человека чем-нибудь — к первому мая телеграмму пошлешь, приветствие, как выдающемуся работнику в области, опубликуешь это, — потом видишь, что человек еще лучше стал работать.

Необходимо устранить обезличку при анализе рассмотрения наших кадров. Нужно уметь находить людей, наиболее выдающихся, и уметь их отмечать.

В одном вопросе я не могу целиком разделить мнения Андрея Януарьевича. Андрей Януарьевич бросил упрек в том, что мы не знаем своих следственных кадров, что мы не знаем следственной работы в нашем крае и

области, что мы неспособны еще справиться с следственным делом и что и сейчас еще следственное дело находится в состоянии крайнего упадка.

Мне кажется, Андрей Януарьевич, что ваша точка зрения формируется вследствие того, что вы пользуетесь, главным образом, статистическими материалами 1935 г. (Вышинский:— И за I квартал 1936 г.). В первый раз вы продемонстрировали цифры за I квартал 1936 г. И вы должны видеть глубокое различие между I кварталом 1936 г. и хотя бы последним кварталом 1935 г. (Вышинский:— Ошибаетесь). У меня по Саратовскому краю есть цифры II квартала 1936 г., и они несколько непохожи на цифры I квартала 1935 г. Позвольте поделиться некоторыми практическими мероприятиями по Саратовскому краю. Я не знаю, считаете ли вы достижением, если из всего количества дел по краю, по которым следствие проводится следователями и органами милиции, по 38% дел следствие ведется нашими следователями. (Вышинский:— Мало). Мало, но эта крупный шаг вперед.

Все должностные дела изъяты сейчас у милиции и переданы нашим следственным органам. И это не только у меня, но и в других краях и областях. Является это движением вперед? Является.

По всем без исключения делам о должностных преступлениях, сверх специальной номенклатуры, предание суду совершается путем санкции со стороны прокурора края. Это дает громадные результаты в смысле уменьшения случаев неправильного привлечения к ответственности должностных лиц. Никто из нас не может быть удовлетворен следствием, но есть глубокое различие между постановкой вопроса о том, что мы нашим следствием не удовлетворены, что необходимо со всей настойчивостью добиваться улучшения следствия, и другой постановкой, — что кадров мы не знаем, что следствием не руководим, что следствие у нас в безобразном состоянии. (Вышинский:— В плохом состоянии). Этой точки зрения я не разделяю... (Вышинский:— Опасный оптимизм).

Мы все знаем, что в известной мере со стороны наших прокуроров проявляется иногда высокомерное отношение к суду. С этим мы должны вести решительную борьбу. Я должен был подписать приказ о наложении взыскания на прокурора, который, подавая кассационный протест, квалифицировал постановление суда, как дикую несуразность.

Те же формы отношений должны быть усвоены и в отношении к членам коллегии защитников. Мы должны решительным образом бороться с проявлением прокурорского чванства. Необходимо самым серьезным образом поставить вопрос о внедрении в сознание наших работников необходимости проведения таких форм работы, которые бы обеспечили действительный авторитет советского суда и советской прокуратуры.

т. СОЛЫЦ

(Старший помощник прокурора Союза)

Когда я знакомился с проектом Конституции, читал те места, в которых говорится о работе суда и прокуратуры, то я обратил внимание на то, что там особенно подчеркивается, что нам нужно работать много и хорошо, что это от нас сейчас требуется. Сейчас в центре всего стоит внимание к человеку, а мы, как никто,

занимаемся человеком. Мы должны решить, как оценить то, что он сделал. А между тем брак в работе у нас чрезвычайный. Я знаю по статистике, что у нас очень ничтожный процент дел, которые идут в том виде, в котором их решает первая инстанция. Мне кажется, что у всех есть такое убеждение — и у работников суда, и у работников прокуратуры: — ничего, если будет ошибка, потом дело будет пересматриваться, и ее можно будет исправить. Поэтому очень хорошо, что т. Вышинский подчеркнул, что надо, чтобы меньше было инстанций, что дело заключается не в том, чтобы бесконечно пересматривать, а дело в том, чтобы дела хорошо решались там, где они решаются сразу. Это может быть достигнуто тем, чтобы все отвечали за свою работу. Надо подсчитать — и для суда и для прокуратуры — сколько раз они правильно решают и сколько раз неправильно решают. А у нас очень часто такое положение, что решают на всякий случай, на пробу, рассчитывая на то, что все равно несколько инстанций будет пересматривать. Этого быть не должно. Я не совсем согласен с тем, что т. Вышинский предлагает расширить полномочия защиты. Защитник — это, собственно говоря, необходимая поправка к нашей дурной работе.

Я хотел бы тут сказать относительно целесообразности и законности. Я два раза слышал т. Вышинского, и мне кажется, что он сказал, что надо больше законности и меньше целесообразности.

(Вышинский: — Во всяком случае, не наоборот).

Во всяком случае, закон говорит о том, какие возможности имеются у суда в пределах тех фактов, которые имели место, а целесообразность говорит о том, что же нужно человеку дать. Закон этого не говорит, закон говорит: от выговора до пяти лет, а прокурор разъясняет, дает оценку тем фактам, которые имели место, и говорит, что нужно за это дать. Это и есть та целесообразность, о которой идет речь, потому что у нас действительно до сих пор существует обвинительный уклон. Этот уклон заключается в том, что думают: «во всяком случае, надо дать больше, это легче и проще».

У меня был случай по Белоруссии: кому-то дали за хранение оружия 5 лет. Я пишу: товарищи, ведь по делу видно, что он — очень хороший человек, никакого умысла не было; конечно нехорошо, что он держал оружие, но зачем же так сильно наказывать. Мне ответили, что дело пересмотрели и ввиду того, что ничего злого не было, решили дать 3 года (он уже год отсидел). Конечно, при таких делах нужен защитник, потому что люди этих обвиняемых не защищают, прокурор думает, что это — не его обязанность. Я думаю, что если т. Вышинский просмотрит свою огромную работу, то он вероятно увидит, что он гораздо больше защищает, чем обвиняет. Почему? Потому что ему приходится это делать, а не потому, что вообще больше всего надо защищать. У нас идет такая работа, что если прокурор добросовестно относится к своей обязанности — правильно оценит то, что происходит, то ему приходится быть защитником в огромном количестве дел. Не нужно такое положение, что человек приходит и по обязанности защищает, потому что у него такая функция, и по обязанности обвиняет,

потому что у него такая функция. Это портит правду. Тут правда должна быть единой, а не двуединой; никакой надобности в этом нет. В буржуазном обществе это необходимо, потому что интересы противоположные, у нас с огромной массой трудящегося населения интересы не противоположные, и правда единая. Могут быть неправильности в оценке тех фактов, которые установлены.

У нас должно быть еще одно — должно быть меньше инстанций для пересмотра. Но мы живем так быстро, у нас положение так часто меняется, что нам время от времени не мешало бы по собственной инициативе пересматривать то огромное количество дел, которое решается в так называемом кампанейском порядке. Мы живем в такое время, у нас так быстро меняется обстановка, и поэтому то, что было очень серьезным и большим преступлением 3—5 лет тому назад, сейчас не является серьезным, и мы можем заинтересоваться, что эти люди собой представляют в данный момент. Вот те замечания, которые я хотел сделать по поводу новых обстоятельств, при которых нам придется теперь работать.

Внимание к человеку должно быть усилено; он — самое дорогое и ценное в нашем государстве.

т. АНДРЕЕВ

(Прокурор Воронежской области)

Я хочу остановиться на одном вопросе, который вызвал дискуссию в печати — это статья т. Антонова-Саратовского, как вопроса, который, кстати сказать, сегодня и т. Сольц поднял.

Я считаю, что т. Антонов-Саратовский, когда ставил вопрос о Наркомюсте, пропустил вопросы защиты. Мне кажется, что вопросы защиты требуют сейчас приложения совершенно новых сил. Возьмите нашу Воронежскую область, многочисленную область, где 6½ млн. населения и 140 районов. Между тем, у нас в 75 районах нет защитников. Всякого рода жалобы пишутся подпольными адвокатами, людьми, которые спешь и рядом умышленно направляют жалобщика не туда, куда следует и т. д. Это наносит нам большой вред. Неправильно недооценивать защитников, которые должны вести большую консультационную работу, и особенно в районах. Кстати сказать, у нас сейчас такое положение, что защитники не обслуживают и судебный процесс, а между тем, я считаю, что в этом большая необходимость. (Голос с места: — «Правильно, правильно!»). Я считаю, что т. Сольц не доучел этого момента.

Структуру аппарата, которая предложена т. Вышинским, можно только приветствовать.

Я хотел бы поставить такой вопрос: загружены ли наши районные прокуратуры?

Я считаю, что наши районные прокуратуры не загружены. У них дел не очень много, за исключением, конечно, городских прокуроров. Кроме того, в базарные дни у них прием. (Вышинский: — Сколько?). Человек 30—40. (Вышинский: — Немного). В общем я считаю, что районные прокуроры не загружены: это несомненно. Я, товарищи, несколько раз проводил совещания с районными прокурорами, и они вынуждены были согласиться с этим. У нас загружен областной аппарат. (С места: — Потому что не работает районный прокурор). Совершенно правильно. Я об этом и хочу сказать. Но это

объясняется не тем, что там мало работы. Я беру фактическое положение вещей по статистическим сводкам. Областной аппарат загружен жалобами. Это объясняется в значительной мере тем, что у нас кадры в районах не квалифицированные, часто жалобщик, не получая соответствующего ответа от райпрокурора, вынужден обращаться в вышестоящие инстанции. Этим и объясняется, что областной аппарат очень загружен. Вот поэтому вопрос о кадрах приобретает исключительно большое значение. В нашей области мы имеем на 140 районов не больше 5 прокуроров с высшим образованием. Само собою разумеется, что недостаточная квалификация, недостаточная подготовка кадров сказывается на работе. Вопрос подготовки кадров для нашего аппарата приобретает особенное значение и должен подвергнуться особой разработке.

Относительно работы областного аппарата. Я думаю, что здесь придется пересмотреть методы работы. У нас еще до сих пор практикуется попытка внедрения в прокурорскую работу РКИ-ских методов, которые отвлекают прокуратуру от ее непосредственных обязанностей.

Организация бюро жалоб несколько поможет улучшить рассмотрение жалоб и постановку этого вопроса в районах и в области. Тут т. Карасик поставил вопрос, я считаю, что совершенно правильно поставил его о том, что прокуратура загружается жалобами, не относящимися к ее ведению. В частности, этот вопрос поставлен не только т. Карасиком. Есть вполне определенное решение ЦИК о том, чтобы каждая организация рассматривала жалобы в пределах ее компетенции. Но надо сказать, что прокуратура не добилась такого разграничения, тогда как необходимо провести его.

Но, кроме того, я должен сказать, что жалобы в последнее время вообще усиливаются. Во-первых, мы имеем целый ряд новых законов, как закон о запрещении аборт. Поскольку имеется решение III пленума Советского контроля, поднимаются вновь вопросы в связи с чрезвычайно застарелыми жалобами, относящимися к 1929—1930 г. Вновь приходится заниматься расследованием этих жалоб.

Я считаю, что постановка вопроса т. Карасиком такова, что не плохо ее обсудить.

т. МАСЛОВ

(Зам. прокурора Московской области)

Основная и центральная наша задача заключается в том, чтобы добиться лучшего отправления советского правосудия, чтобы сделать решение народного суда авторитетным и в глазах населения и в наших собственных глазах.

Это, действительно, центральная задача, над которой мы должны работать, ибо приговоры наших судов являются до сих пор в значительной доле тем зыбким документом, который не всегда является авторитетным для населения и для нас.

Мы сами, прокуроры, в этом деле во многом виноваты. Мы сплошь и рядом сами неосновательно опротестовываем приговоры, вступаем в споры по мелким вопросам (нужно ли дать год принудительных работ или 6 мес.), и в результате значительная доля наших протестов проваливается.

Поскольку следственный аппарат до сих пор работает плохо, совершенно естественно, что и приговор суда часто недостаточно убедителен, и потом отменяется.

Ставя перед собой задачу улучшения дела отправления советского правосудия, придания приговорам большей устойчивости и авторитета, мы должны отметить, что здесь очень многое может и должна сделать прокуратура. Качество и авторитетность приговора зависит оттого, как в процессе предварительного расследования было проведено следствие, потому что львиная доля неправильных приговоров идет за счет плохой работы органов предварительного следствия. До тех пор, пока мы не разрешим проблемы качества предварительного следствия, до тех пор приговор суда будет представлять собой зыбкий документ. Поэтому для нас центральная задача, над которой мы должны работать, это вопрос повышения качества следствия. Нам нужно начинать с этого конца, тем более, что до недавнего времени у нас следственный участок был в загоне. Областные и краевые прокуратуры до очень недавнего времени серьезно вопросами следствия не занимались. Еще в 1933 и 1934 гг. у нас в областном аппарате на эти участки работы для руководства следственным аппаратом не были выдвинуты лучшие наши работники, и по существу следствие было распылено между разными отделами. Низкое качество следствия выражалось в очень небрежном ведении следствия, часто даже в технически неграмотном ведении следствия. В процессе следствия допускались грубейшие ошибки в области материального и процессуального права. У нас были такие товарищи, которые вели следствие и не имели УПК. Мы в областных аппаратах недостаточно серьезно смотрели на следственную работу, и если нам попадался хороший следователь, политически и юридически грамотный, мы стремились его продвинуть на прокурорскую работу, потому что считали, что следственная работа менее важна. В результате, имела место большая текучесть. По Московской области в течение 1935 г. ушло 40 следователей из 160. У нас невысок процент следователей с большим производственно-следственным стажем; у нас 15% следователей меньше года находится на работе. В результате, большой брак в работе нашего следственного аппарата. Даже в 1934 г. мы никогда не повышали процента дел, идущих с обвинением, выше 70%. У нас 30% дел шло без обвинительного заключения. Большой процент дел шел на прекращение. Если посмотреть кадры наших следственных работников, то мы увидим, что процент товарищей, которые имеют хотя бы небольшое правовое образование, тоже был незначителен. По статистике на 1 января 1935 г. у нас было следователей без всякого правового образования 46%. Сейчас этот процент упал до 24%. Количество следователей, которые окончили правовые институты, до начала 1935 г. определялось цифрой в 13%. Совершенно естественно, что при таком положении с кадрами, качество следствия у нас было невысокое. Мы с 1935 года начали заниматься более или менее серьезно вопросами повышения качества следствия. В этом отношении большим толчком послужила работа, которую развернула Прокуратура республики по вопросу повышения качества следствия. Мы в этом отношении должны отметить инициативу, проявленную Прокуратурой РСФСР.

С 1935 года мы в деле повышения качества следствия кое-что сделали.

Второй вопрос — о жалобах. Я считаю, что т. Карасик правильно ставит этот вопрос. Я думаю, что если мы будем попрежнему пытаться объять необъятное, то ничего кроме волокиты не получится. И незачем нам захватывать все в свои руки, пытаться захватить все жалобы на территории области или района. Тов. Пригов сказал, что органы прокуратуры должны иметь «открытые двери». Это правильно. Но нигде не сказано, что другие советские органы — органы закрытых дверей. Я считаю, что нужно установить совершенно твердый порядок, установить строгий круг жалоб, по которым мы должны вести расследование, и определить круг жалоб, которые должны рассматриваться исполкомами, соответствующими отделами исполкомов и т. д. Если мы такого порядка не наведем, мы и дальше ничего не сделаем. И дальше у нас будет колоссальное количество жалоб, будет волокита, и в этой волоките мы погрязнем.

т. АЛЬТШУЛЛЕР

(Прокурор Каспийского бассейна)

Проект Сталинской Конституции, который вчера так четко, ясно и тщательно докладывал Андрей Януарьевич, ставит перед нами — работниками прокуратуры — целый ряд огромной важности политических задач.

Я в своем выступлении хочу остановиться на вопросах предварительного следствия и общем надзоре.

Вся наша беда заключается в том, что мы, прокурорские работники, фактически следствием не руководим и по-настоящему не выполняем указаний Прокуратуры Союза. Тут было несколько выступлений, в частности т. Пригова, которые стремились доказать, что в некоторых областях и краях, в частности и Саратовском, имеются некоторые достижения. Этого отрицать нельзя и никто не собирается этого оспаривать. В некоторых областях и краях, в транспортной прокуратуре, железнодорожной и водной имеются некоторые достижения в области следствия. Но можем ли мы сказать, что эти достижения значительны, что эти достижения достаточны для того чтобы сказать, что дело следствия стоит на должной высоте? Мне кажется, что будет правильным, как сказал Андрей Януарьевич, отметить, что следствие у нас на сегодняшний день не стоит еще на должной высоте, что наше следствие еще неудовлетворительно.

Я бы хотел в нескольких словах остановиться на следственной работе прокуратуры водного транспорта. В конце марта и в начале апреля этого года Главная прокуратура водного транспорта созвала совещание работников прокуратур бассейнов. На этом совещании, в котором принимали участие тт. Вышинский и Рогинский, было констатируется, что следственная работа в прокуратуре водного транспорта стоит на чрезвычайно низком уровне. Мы имели процент брака — внутреннего, т. е. прекращение дел, свыше 30%, и свыше 30% дел прекращено и возвращено судам. Таким образом общий процент брака достиг в 1935 г. и за I квартал 1936 г. 60% и даже выше 60%. При таком положении говорить, что дело следствия находилось на надлежащей высоте, ко-

нечно, не приходится. Тов. Вышинский поставил перед нами ряд задач, в частности задачу — во что бы то ни стало повысить качество следствия.

Я хочу рассказать, как работала прокуратура Каспийского бассейна, которой я руковожу. За второй квартал этого года, после того как прокуроры, в частности и я, стали по настоящему нажимать на следствие, — читать дела и работать с людьми, — у нас процент брака снизился до 11%. Мы имеем возвращения дел по суду 4,8%, внутреннего брака мы имеем около 6%. В общем нам удалось снизить процент брака с 60 до 11%. Это известное достижение, но нельзя еще говорить о том, что у нас с следствием обстоит совершенно благополучно.

Мы имеем большие сроки расследования — свыше 50% дел расследуется свыше месяца. Для транспортной прокуратуры этот срок очень большой. Наша задача заключается в том, чтобы больше заниматься следствием, руководить больше следствием.

Создание следственных отделов поднимет значение следствия на ту высоту, которой требует от нас руководство Прокуратуры Союза. По линии водной прокуратуры до недавнего времени почти не уделялось или совершенно не уделялось внимания вопросу поднятия квалификации работников. Только в последнее время у нас начали практиковать направление работников на те или иные курсы. Нельзя отрывать следствие от прокуратуры. Место следственного аппарата — в прокуратуре. Работает следственный аппарат плохо до сих пор не потому, что он находится в системе прокуратуры, а потому, что прокуроры недостаточно занимаются следственным аппаратом.

Об общем надзоре. Надо прямо сказать, что по линии водной прокуратуры общий надзор за законностью поставлен не на должную высоту, вернее, этому вопросу почти никакого внимания не уделялось. Мы от случая к случаю проверяем те или иные постановления, распоряжения и приказы. Те или иные распоряжения мы опротестовывали и добивались своего, но это мы делали не систематически, а от случая к случаю.

По линии транспортной прокуратуры, в частности водной прокуратуры, вопросу общего надзора, вопросу дисциплинарного устава, соблюдения дисциплинарного устава нужно уделить большее внимание, и заняться им нужно крепко.

т. ГАРИН

(Прокурор Северокавказского края)

Роль прокуратуры и суда в свете новой Конституции огромна. Совершенно очевидно, что эти задачи, которые на нас партией возложены, будут решать живые люди, наши кадры. И надо прямо сказать, что кадрами, на сегодняшний день имеющимися, мы без большой и активной поддержки не сможем этих задач выполнить. Мы недавно на одной из наших постоянно действующих кустовых конференций провели небольшую анкету среди группы следователей, которая присутствовала на этой конференции. Нас интересовала группа вопросов, в частности, как люди над собой работают, т. е. занимаются ли они систематически повышением своего юридического уровня и каким путем,

читают ли они систематически юридическую и художественную литературу, читают ли они регулярно центральные газеты, краевую и местную печать. Ответы, которые мы получили, показали исключительно безотрадную картину того, как люди над собой не работают. Вполне естественно, что при таком положении, при проверке юридического минимума, целый ряд работников не мог ответить на самые простейшие вопросы. У нас был случай, когда один из наших народных следователей не смог ответить на вопрос о том, как комплектуется краевой суд — избираются или назначаются члены краевого суда. Один прокурор с 10-летним стажем при сдаче зачета по юрминимуму не смог ответить, какая разница между кассационным протестом и протестом в порядке надзора. Причем этот прокурор с 10-летним стажем заявил, что за все время 10-летней прокурорской работы ему ни разу не приходилось подавать кассационного протеста.

Здесь на совещании поднимали вопрос о роли, месте и значении следственного аппарата. Ни в коем случае нельзя согласиться с Антоновым-Саратовским, который говорит, что следственный аппарат нужно снова передать в систему суда или в систему наркомсуда, по той причине, что нельзя отрывать следствие от прокурорского надзора. Но в одном бесспорно, Антонов-Саратовский прав, когда он утверждает, что состояние следственного аппарата таково, что оно вызывает исключительно большую тревогу и требует исключительно большого внимания. Решение первого союзного совещания работников юстиции, на котором говорили о следователе, как об одной из центральных фигур органов юстиции, не реализовано, и это мы должны констатировать на Всесоюзном прокурорском совещании. В результате создалось положение, когда следователь у нас безграмотен, когда следователь неавторитетен, когда следователь, по существу, не является центральной фигурой органов юстиции, а является техническим исполнителем, зачастую более безграмотным и юридически и технически, чем районный прокурор. Поэтому мне кажется, что вопрос о роли следователя, о его значении, о его месте является не только вопросом работы следователя, а является вопросом руководства работой следователя со стороны прокуратуры.

Можно было бы привести целый ряд очень печальных фактов о работе следователей. Вот недавно один народный следователь нашего края подал жалобу в Прокуратуру Республики на неправильное увольнение его с моей стороны. В ответ на запрос Прокуратуры Республики я никаких объяснений не прислал, я сделал проще — я послал только одно следственное производство этого следователя. Из этого производства было совершенно очевидно, что этот товарищ не может быть на пушечный выстрел допущен к работе следователя. Вполне естественно, что Прокурор Республики согласился со мной.

Тов. Вышинский правильно сказал, что лучше иметь пустое место, чем иметь плохого прокурора или плохого следователя. С этим, товарищи, в известной мере можно согласиться; но мы не можем встать на эту точку зрения, чтобы всегда иметь пустое место или значительное количество пустых мест. Мне кажется, что вопрос о кадрах должен быть решен таким образом, как об этом говорил т. Карасик.

Надо попутно поставить вопрос и о той материальной базе, на которой работают районные прокуроры и особенно народные следователи. Мы знаем случаи, когда народный следователь стоит, как говорят, на большой дороге и ждет, когда проедет попутная грузовая машина, на которой он сможет проехать зайцем. У меня есть следователь, который говорит, что он дружит со всеми шоферами и первый с ними раскланивается, для того чтобы, когда они проезжают, посадили бы его в машину. Такое положение совершенно нетерпимо, когда следователь должен искать попутчиков, должен искать оказию, чтобы добраться к месту совершения преступления. Поэтому я ставлю вопрос о необходимости взять на централизованный государственный бюджет всю прокурорско-следственную систему. Надо этот вопрос поставить и разрешить.

Последнее замечание.

У нас есть одно небольшое расхождение, с которым я считаю полезным поделиться с совещанием. Я имею в виду вопрос о целесообразности отдельного существования двух отделов — следственного и судебного уголовного отдела. Мне кажется, что нужно создать один отдел.

Позвольте кратко формулировать, почему я считаю, что должен быть один отдел. Очень трудно ограничить роль прокурора, наблюдающего за следствием, и роль другого прокурора, начинающего наблюдать за прохождением этого дела в суде. Дело попадает в краевую прокуратуру, приходит в следственную часть, следственная часть соглашается с обвинительным заключением и направляет дело в суд — краевой или народный, а уже в краевом суде на подготовительное заседание должен прийти другой прокурор из судебного-уголовного отдела, который должен докладывать это дело на подготовительном заседании, не зная дела или вновь должен с ним знакомиться; а если он знает это дело, то он не всегда может согласиться с точкой зрения другого прокурора, — а дело уже находится в суде.

Исходя из этих соображений, а также из единства следственно-судебных мероприятий, следует поставить вопрос о едином судебно-следственном отделе, укомплектованном большим сравнительно количеством людей, которые будут в состоянии разрешать общие вопросы, связанные с прохождением дела и в стадии предварительного расследования и в стадии судебного рассмотрения.

г. РАДЧЕНКО

(Зам. прокурора УССР)

Положения, которые подвергались дискуссии в нашей печати за последнее время в связи с проектом новой Конституции, ни у кого здесь у нас не вызывают сомнений, и положения, которые выдвинуты тов. Вышинским в его докладе, представляют собой наше единодушное мнение. Я поэтому останавлиюсь только на тех вопросах нашей организационно-практической работы, которые, по моему мнению, надо обсудить с тем, чтобы внести коррективы в отдельные положения, высказанные докладчиком. Когда мы единодушно признаем, что нецелесообразно разрывать оперативное руководство с административным в отношении следователя, и что следователь должен остаться

в системе прокуратуры, то эту мысль надо распространить и на органы дознания. Нужно ли нам сейчас, при том положении, когда мы в районах имеем, как правило, в камере следователя 2—3, а иногда и ноль следственных дел в течение месяца, а в органах дознания (в районных отделениях милиции) 20—30 дознанных дел, — нужно ли нам сейчас иметь два таких аппарата, которые занимаются расследованием уголовных дел. Принципиального различия между следствием и дознанием, которое диктовало бы необходимость сохранения этих двух аппаратов, я не вижу. Если исходить из того, по каким признакам различаются дела, подлежащие расследованию органом дознания, и дела, подлежащие расследованию органом следствия, то я тоже не вижу сейчас чего-то такого принципиального, чтобы разделяло эти категории дел.

Можно было бы привести целый ряд доводов за то, что сейчас назрела необходимость объединить эти два аппарата, — тем более, когда мы видим, что в проекте положения о прокуратурах говорится о кандидатских и других должностях. Почему бы нам этот аппарат дознания не подчинить районному прокурору и не установить в районе вместо одного следователя — следователя и кандидата в следователи или младшего следователя, либо создать того же инспектора по расследованию, который находился бы в аппарате прокуратуры. Мы в свое время бывали очень рады, когда закон устанавливал еще какой-нибудь новый орган дознания. Мы были так завалены делами, что если финансовыми делами занималась финансовая инспекция, то мы были очень довольны. Можно ли теперь признать нормальным положение, когда у нас целая куча органов дознания: и санитарная инспекция имеет право дознания, и финансовая инспекция, и торговая инспекция, и трудовая инспекция и т. д., — все они производят дознание, все они привлекают к ответственности, все они посылают дела прямо в суд. Можно ли это допустить в дальнейшем? Безусловно, нет. Сейчас нужно будет это дело, как отжившее, устранить. По нашей статистике о движении преступности бросается в глаза, что у нас уменьшается безосновательность возбуждения дел и вследствие этого уменьшается процент прекращаемых дел. Это происходит потому, что сейчас мы требуем от органов дознания и от наших прокуроров, чтобы они чрезвычайно бережно относились не только к отдаче человека под суд, но даже и к вопросу о привлечении его в качестве подозреваемого. На Украине существует практика, когда возбуждение органом дознания дела происходит только с санкции прокурора, и эта практика дает положительные результаты. Это снова подтверждает вопрос о необходимости систематически повышать качество работы органов дознания; для этого нужно объединить аппарат дознания с аппаратом следствия и прокуратуры с тем, чтобы не двойить оперативное и административное руководство органами дознания.

Второй вопрос — о структуре нашего аппарата.

Какие замечания у нас имеются по вопросу о реорганизации? Должен ли быть судебно-следственный или просто следственный отдел? Это вопрос не принципиальный. Если мы говорим, что должны максимум внимания обратить на нашего следователя, должны улучшить качество следствия и т. д., то логика говорит за

то, что если у нас будет даже один судебно-следственный отдел, то в нем, повидимому, будет какая-то группа людей, которая будет заниматься только руководством следствием. Будет ли эта группа в составе судебно-следственного отдела или будет существовать, как самостоятельный следственный отдел — это вопрос не принципиальный. То же и по вопросу о гражданском отделе. Поэтому нам нужно будет сказать, что нет необходимости Прокуратуре Союза обязательно устанавливать правило, чтобы в каждой областной и краевой прокуратуре был скопирован образец того, что имеется в Прокуратуре Союза, что имеется в Прокуратуре РСФСР или УССР. Эти вопросы имеют чисто практический характер.

Теперь относительно отдела по наблюдению за местами заключения, который намечает Прокуратура Союза. Мы считаем, что этот отдел не нужен. Функцию надзора за местами заключений надо передать нашим судебным или судебно-следственным отделам.

Я считаю, что наступило время, когда можно ставить вопрос о целесообразности дальнейшего существования специализированных прокуратур (транспортная, водная).

Если же товарищи считают, что специальная транспортная прокуратура нужна, тогда нужно будет изменить наши организационные взаимоотношения с этими специализированными прокуратурами, для того чтобы не только это было записано, но и на практике это проводить, т. е. подчинить эти прокуратуры Прокуратуре Союза через территориальные прокуратуры.

Последний вопрос — о бюро жалоб. Сейчас, когда мы получили решение III пленума Комиссии советского контроля относительно организации бюро жалоб, то мы должны сказать, что бюро жалоб необходимо для райисполкома, облисполкома, но бюро жалоб не является необходимым в органах прокуратуры. Основная работа прокуратуры — в том, чтобы реагировать на все нарушения закона со стороны должностных лиц, частных лиц и т. д. Каким образом прокуратура устанавливает эти нарушения законности? Мы устанавливаем это либо сами непосредственно, либо, главным образом, по жалобам лиц пострадавших. Таким образом, работа по жалобам является основной работой прокуратуры, и если будет создано бюро жалоб, то оно явится промежуточным звеном между оперативным прокурором и прокурором, возглавляющим бюро жалоб. Я понимаю существование бюро жалоб в том смысле, что оно должно проводить надзор за тем, как проходит жалоба в исполкоме, в земотделе и т. д. Но у нас сейчас по мысли докладчика должен быть установлен общий надзор, и эту часть работы — надзор за прохождением жалоб в других органах — необходимо сосредоточить в отделе общего надзора. Таким образом, создание бюро жалоб в прокуратуре нецелесообразно; оно будет промежуточным звеном, так как жалобщик будет подавать жалобу одному прокурору в бюро жалоб, а практически рассматривать дело в порядке надзора будет другой прокурор. Я считаю, что требование организовать бюро жалоб есть результат того, что мы недостаточно учли специфические формы нашей работы. Поэтому я считаю, что создание бюро жалоб нужно признать безусловно нецелесообразным. Я считаю, что в этот проект резолюции нужно внести те дополнения, которые

бы давали директивы и руководящие начала для нашей практической работы в дальнейшем и которые обеспечили бы поднятие уровня нашей организационной работы до уровня тех требований, которые нам предъявляет руководство Прокуратуры СССР.

т. БОРИСОВ

(Пом. прокурора Союза ССР)

Неоднократно на наших совещаниях констатировалось, что одним из наиболее отсталых участков судебно-прокурорской работы является гражданско-правовой участок. Я думаю, что и сегодня я не буду повторяться, если с этой мысли начну свое выступление, так как здесь выступало уже человек 12 прокуроров, очень уважаемых краевых и областных прокуроров, но ни один из них ни одного слова не сказал, ни одного намека не посвятил вопросам гражданского права и гражданского процесса.

Поэтому я имею полное право подтвердить то положение об игнорировании гражданско-судебного участка, которое мы выдвигали на предыдущих совещаниях и в печати. Между тем, мы сегодня обсуждаем вопросы прокурорско-судебной работы в свете проекта новой Конституции.

Проект Конституции в ряде мест подчеркивает значение гражданско-правового фронта; так в ст. 14 говорится об издании гражданского и гражданско-процессуального кодексов Союза, в ст.ст. 9 и 10 проекта говорится о всемерной охране личности и частной трудовой собственности граждан; всем проектом подчеркивается значение социалистической законности и в сфере имущественных правоотношений.

Таким образом, нельзя, исходя из проекта Конституции, думать, что этому участку можно не уделять сугубое внимание, которое он несомненно заслуживает. Тов. Вышинский в своем докладе подробно и развернуто остановился на этом участке нашей работы. Ни один из выступавших прокуроров не поделился с совещанием опытом работы вновь созданных гражданских отделов, которые в связи с приказом прокурора Союза существуют уже 4 месяца. Поэтому я считаю необходимым обратить внимание совещания на ненормальность подобного положения дел.

Если мы пройдемся по статистическим материалам прокуратур союзных республик, то мы увидим, что удельный вес гражданских дел в судах растет из квартала в квартал. Так, по РСФСР в 1931 г. было 764 254 дел, гражданских дел, в 1932 г. — 892 248 дел, в 1933 году — 1 100 182 дела, в 1934 году — 1 352 945 дел, в 1935 г. — 1 700 800 дел. Таковую же картину мы наблюдаем и в других союзных республиках; так, например, в Грузии рост гражданских дел за 1935 г. составляет 21,7%; в Армении рост гражданских дел за 1935 г. составляет 11,2%. Когда мы анализируем динамику преступности, то мы каждый раз констатируем ее падение по отдельным категориям дел. Совершенно противоположную картину мы наблюдаем в отношении гражданских дел, последние неуклонно растут из квартала в квартал. И в этом никакой опасности нет. Надо только изучать этот рост гражданских дел и знать, чем он вызывается. И не может быть никакого сомнения, что в связи с последним законом об абортах рост гражданских дел будет еще увеличиваться. Нет также никакого сомнения и в

том, что после принятия Конституции, которая ставит во весь рост вопрос об охране личной собственности, гражданские дела будут продолжаться расти. Может быть, вы скажете, что это—дела, не стоящие внимания. Это было бы неверно. Я вам приведу пару статистических цифр. По РСФСР, например, наиболее ответственной категорией участка гражданско-правовых дел — конфликты между колхозами и обобществленным сектором (МТС, совхозами, потребкооперацией и т. д.) — составляет около 7% всех гражданских дел, по УССР — 8%, по БССР — 7%, по Армении — 6%, по Туркмении — 6%. Это те самые дела, которые в прошлом году были отняты у госарбитража и переданы судам.

Возьмите алиментные дела: по РСФСР они составляют 16% всех гражданских дел, по УССР — 10%, по БССР — 10% и т. д. Кстати, среди алиментных дел 20% занимают дела о повышении размера алиментов, присужденных по первому решению. Это связано, конечно, с улучшением материального положения ответчиков, что в свою очередь вызвано общим подъемом материально-культурного уровня трудящихся в нашей стране.

Если к этому добавить, что к компетенции судов относятся еще споры внутри обобществленного сектора, связанные с деятельностью железных дорог, банков и коммунальных предприятий, дела об исключительных правах граждан, то вы поймете, что не только по количеству, но и по содержанию своему гражданские дела составляют тот участок, который мы должны всемерно укреплять и защищать.

Товарищи, все гражданско-правовое «хозяйство» к настоящему времени чрезвычайно устарело и нуждается в коренной переработке. Гражданские кодексы устарели. Проект уголовного кодекса Союза уже разработан, а в отношении нового проекта гражданского кодекса в течение 13 лет не было сделано даже никаких попыток. (Пригов с места: — Разве вы не понимаете, что в этот период нельзя было ставить так вопрос?). Сейчас стоит проблема нового гражданского кодекса Союза.

Должен быть также поставлен вопрос и о новом гражданско-процессуальном кодексе Союза. В действующем ГПК имеет место сочетание отсложения двух различных этапов нашей революции. С одной стороны, мы в нем видим остатки восстановительного периода; с другой стороны — упрощенческие тенденции периода реконструкции. Сейчас нужно пересмотреть Гражданско-процессуальный кодекс с точки зрения всемерного развертывания судебной демократии и изъятия всех упрощенческих новелл последних лет и всего того, что отдает восстановительным периодом нэпа.

Я хочу поддержать тезис, выставленный т. Вышинским, по поводу сокращения надзорных инстанций. Я считаю, что идеал заключался бы, конечно, в том, чтобы никакого надзорного порядка не было, если бы суд правильно разрешал дела в первой и кассационной инстанциях; но так как этого пока еще нет, то надзорный порядок, как исключительный порядок, нужно сохранить. Однако этот надзорный порядок превращается у нас часто на деле в надзорную волокиту из-за большого количества инстанций. Тов. Вышинский предложил, чтобы выкинули одну надзорную инстанцию в форме президиумов краевых (областных) и верховных судов. В пользу этого тезиса гово-

рят следующие соображения: суд будет выбираться всеобщим, равным, прямым и тайным голосованием; следовательно, вопрос о силе и устойчивости судебного решения будет стоять особенно остро; суд, кроме того, должен быть в своей оперативной работе независимым. Суд должен работать методом судебной демократии; президиум же краевого суда, разбирая дела в закрытых заседаниях, нарушает тем самым принцип нашей Конституции, самой демократической в мире. С точки зрения интересов судебной демократии мы закрытый способ рассмотрения гражданских дел должны ликвидировать; предложение же т. Вышинского идет именно в этом направлении. Для упорядочения надзора этого, однако, еще недостаточно; необходимо сократить также и количество тех органов, которые имеют право возбуждать надзорное производство с приостановлением исполнения решения; в первую очередь необходимо устранить существующий в этой области параллелизм между судом и прокуратурой. Необходимо установить, что жалобами в порядке надзора занимается исключительно прокуратура; судебные же органы могут ставить вопрос о пересмотре дел в порядке надзора лишь в связи с производимыми ревизиями. Кроме того, надо пересмотреть и перечень признаков, при наличии которых можно ставить вопрос о пересмотре вступившего в законную силу судебного решения, надо также ограничить и срок, в течение коего может осуществляться надзор.

Я считаю, что после совещания нам нужно серьезно включиться в практическую и теоретическую работу по разработке проблем гражданского права и процесса.

т. ЛЕЙМАН

(Прокурор Свердловской области)

Вопросы организационной структуры органов прокуратуры занимали в докладе т. Вышинского немалое место. В вопросах выработки новой структуры наши органы в своей работе являются консервативными в том отношении, что мы чрезвычайно медленно, робко и боязливо подходим к вопросам всяких новшеств в отношении перестройки аппарата. Во всех прокуратурах больших городов Свердловской области — Свердловска, Перми, Тагила — были приняты следующие предложения по организационной структуре прокуратуры: организация отдела общего надзора, гражданского отдела, уголовно-судебного отдела, отдела ИТУ, спецсектора, организационно-информационной группы и отдела жалоб. Тов. Вышинский до своего доклада о новой структуре Прокуратуры Союза ничего местным работникам юстиции не сказал. Но правильность этой организационной структуры подкрепляется мнением значительного количества работников с мест, несмотря на то, что я никаких данных от т. Вышинского не имел, а также никаких материалов при обсуждении этого вопроса в местных прокуратурах не давал, — не давал никаких указаний о том, по какому руслу должно идти обсуждение этого вопроса. Совпадение наметки организационной структуры с местными мнениями объясняется той удачной наметкой, которая сделана т. Вышинским по вопросу новой организационной структуры аппарата. У нас возникла дискуссия, нельзя ли сектор ИТУ передать в спецсектор. Возник

вопрос о том, нельзя ли этот сектор передать в уголовно-судебный. Эта мысль в конечном итоге была отвергнута большинством. Большинство товарищей высказалось за сохранение сектора ИТУ. Мне кажется, что мы много теряем оттого, что у нас в недостаточной степени поставлена информационная работа и суммирование итогов нашей работы. Мы во многих случаях не умеем показать свою действительную работу только потому, что не умеем по-настоящему концентрировать и изучать свои материалы. Вследствие этого не всегда своевременно делаем те политические выводы, которые необходимо бы сделать по тому или другому вопросу. Поэтому я полагаю, что создание организационно-информационного отдела в системе областной прокуратуры является необходимым мероприятием.

По вопросу об улучшении следственной работы. К сожалению, должен сказать, что мы, работники прокуратуры, в том числе и Свердловской области, не выполнили решения первого всесоюзного совещания работников юстиции и тех установок, которые были даны в прекрасном докладе т. Вышинского и в предложениях об улучшении следственной работы. У меня по области сохраняется такая совершенно нездоровая, ненормальная практика работы, как загромождение следователя материалом, которого не нужно было бы передавать следователю, который не содержит в себе элементов уголовного преступления, таких материалов, проверка которых должна производиться через группы содействия, через соцсовместителей и непосредственно самим прокурором. Много таких материалов передается следователю. Вследствие этого в отдельных районах мы имеем значительное количество прекращаемых дел. Количество прекращаемых дел доходит до 25—30%, что является ненормальным. Общая нагрузка следователя незначительна. Средняя нагрузка на следователя — 7 дел по области. Таким образом, кроме того, что говорил т. Вышинский в докладе о разграничении функций, т. е. какие категории дел должны расследоваться народным следователем и старшим следователем, остаются в силе и впредь эти решения, так как они не выполнены. Мне кажется, что нельзя обойти молчанием и материальное положение следственных работников. Я думаю, что недостаток Наркомюста заключается в том, что в течение нескольких лет мы говорим о центральной фигуре — следователе, но эта центральная фигура — следователь — до сих пор не получает социалистической оплаты своего труда. Каждый из нас знает, что держать на одних обещаниях центральную фигуру — следователя, говоря о повышении требований к следствию и не ставя по-боевому вопрос насчет материального положения, совершенно невозможное дело. Я считаю, что т. Вышинский должен был на совещании руководящих работников юстиции сказать о мероприятиях, которые намечает принять Прокуратура Союза в отношении улучшения материального положения следственного аппарата. Я далек от мысли сваливать всю плохую работу следователей только на плохое материальное положение, но далек и от такой мысли, что материальное положение не влияет на оперативную работу народных следователей.

Я бы сказал, что такая убогость, в которой находится наш следственный аппарат, несмотря на его значимость и его общественную роль,

ни в каком другом ведомстве, как НКЮ, найти нельзя. Можно ли найти в других организациях такое положение? Я считаю, что эти вопросы имеют свою историческую давность. Они начались с того времени, когда еще бывший нарком юстиции т. Янсон считал, что юстиция — это, собственно говоря, нарост на здоровом теле, что вся наша система — это есть накладной расход для государства.

Целый ряд директивных указаний мы получаем от Прокуратуры Союза раньше, чем от Прокуратуры Республики. А что это значит? Это значит, что на местах мы, получив директиву т. Вышинского, даем в свою очередь директиву районным прокурорам, а потом, через 10—15 дней, мы получаем от Прокуратуры Республики это же распоряжение. Если Прокуратурой Республики даются дополнительные указания, это означает, что мы через 10 дней посылаем в районы опять-таки новые дополнительные директивы. Я считаю, что такая система руководства и такие взаимоотношения между Прокуратурой Союза и прокуратурами республик ненормальна и эти недостатки необходимо устранить.

Для того чтобы избавиться от такого наплыва жалоб, я полагаю, что органы прокуратуры не должны себя ограничить в приеме этих жалоб.

Фактор, который, по-моему, помог бы уменьшить этот поток жалоб, — это большее разъяснение наших законов. Ведь нужно сказать, что в последнее время мы работу по разъяснению наших законов в значительной степени запустили. А силы и возможности у нас большие. Вот если перечислить хотя бы таких агитаторов — разъяснителей законов, — как прокуроры, судьи, члены коллегии защитников и секций революционной законности — это большой контингент лиц, которые могут и должны заниматься разъяснением законов. Эта работа по разъяснению законодательства у нас поставлена чрезвычайно плохо.

Последний вопрос, на котором я хотел остановиться, — это вопрос о культуре наших работников. Совершенно правильно т. Вышинский ставил задачу о повышении юридических познаний наших работников. Но я хочу сказать, что культура не исчерпывается понятием только юридических знаний. А если мы изучим состав работников прокуратуры, то увидим, что если изучением юридических познаний они кое-как занимаются, то вопросы общей культуры стоят у них на чрезвычайно низком уровне. Распределение и организация нашей работы должны быть построены таким образом, чтобы наряду с изучением учения Маркса — Ленина — Сталина, наряду с изучением юридических познаний, мы уделяли большое внимание вопросам общей культуры.

т. ЛЮБИМОВ

(Прокурор Донецкой железной дороги)

Я хочу остановиться на нескольких вопросах нашей практической работы. Прежде всего о жалобах. В специальном приказе т. Вышинский 22 июня с. г. отметил работу прокуратуры Донецкой ж. д. по вопросу о приеме жалоб и рекомендовал другим прокуратурам применять этот опыт. Это позволяет мне в двух словах рассказать о том, что мы сделали в этом отношении.

Мы поставили перед собой задачу не дожидаться, когда к нам придут те, кто нуждается в защите прокуратуры, а самим пойти искать тех людей, которые в этой защите нуждаются. Из выступления т. Карасика объективно следовало, что нам надо в число наших задач включить еще одну задачу — борьбу с жалобами и жалобщиками. К сожалению, мы в целом ряде мест отучили людей жаловаться тем, что жалоб у нас очень много, а ответов на жалобы мы не даем им.

Мы провели такой опыт: в один день весь аппарат прокуратуры дороги, районные прокуроры пошли в наиболее решающее предприятие нашей дороги. Пришли туда без всякой парадности, без всякого предварительного уведомления. Мы совершенно неожиданно явились в места, где находятся рабочие, в платежные кассы, в вагоны — общежития, в рабочие столовые, в рабочие колонны, путейские, в наиболее передовые предприятия и в наиболее глухие места. Мы, образно выражаясь, свалились, как снег на голову. Я знаю, как это делалось иногда раньше — вывешивалось объявление: «такого-то числа на завод придет прокурор и будет принимать жалобы; жалующиеся, приходите!». Мы пошли на предприятия, повторяю, без всяких предупреждений и приступили к беседам с рабочими. В этот день мы получили колоссальное количество жалоб и выявили целый ряд вопросов, до тех пор нам неизвестных. Больше всего жалоб нам удалось разрешить на месте, путем вызова администрации. Таким образом нам удалось разрешить 125 жалоб и дать по ним тут же непосредственно жалобщикам ответ. По ряду жалоб мы срочно принесли протесты, завели дела, предъявили иски от имени тех, трудовые интересы которых были нарушены, поручили прокурорам выступить в судах. Ряд вопросов на основе ГПК мы поставили перед управлением дороги и НКПС. Сейчас мы так ведем работу систематически, чтобы это не было единственным парадным выходом. Нас в этом отношении поддержали и политотдел дороги, местная и центральная печать. Сейчас мы имеем требования от предприятий, где мы не успели еще быть; нас спрашивают, почему мы туда не являемся. И я это не считаю, как здесь кто-то сказал, «хождением в народ». Это есть приближение нашей работы непосредственно к тем, кто нуждается в нас, непосредственно к тем, кого это должно касаться.

Вот почему мне кажется, что этот тезис, который был выставлен здесь т. Карасиком, — разыскать способы, пути, посредством которых можно сократить поток жалоб, является в корне неправильным. Мы, наоборот, должны стремиться к тому, чтобы к нам приходило возможно больше людей, законные права которых нарушены.

Во всяком случае наш опыт мы будем продолжать совершенствовать.

Заместитель прокурора Украины т. Радченко поставил здесь вопрос о необходимости подчинения специальных прокуратур территориальным прокуратурам. В дополнение этого тезиса он выдвинул мотив: так как эти прокуратуры стали «ручными», они пользуются столовкой, автомобилями, помещениями и пр. управления дороги и т. п., то этим самым они теряют свое лицо, свое существо, как прокуроров. Я вспоминаю, что у нас уже было в прошлом году такое печально-знаменитое выступление на-

счет цветной, зеленой и т. п. прокуратуры. Выступление т. Радченко в этой части неправильно. Теряется авторитет прокуратуры не от того, что прокуратура пользуется гаражом или столовкой наркомата. Можно потерять лицо и авторитет, не пользуясь этим гаражом или столовкой. Другой вопрос, который надо поставить, это о необходимости приближения и большей связи специальных прокуратур с территориальными прокуратурами. Хочу привести вам пример. Я был у т. Киселева, наркома юстиции Украины, когда я приехал на Украину, и я поставил перед ним ряд вопросов, но в ответ от наркома юстиции Украины за полгода ни одного звонка, ни одной телеграммки, никакой бумажонки мы не получили. А теперь, т. Радченко, вы говорите, что мы от вас оторваны. Конечно, отчасти повинны в этом и мы, специальные прокуратуры, но в значительной степени и вы виноваты. Я хотел бы, чтобы в тезисы доклада т. Вышинского был включен тот пункт, который мы приняли в прошлом году по докладу покойного т. Орловского — о связи территориальных прокуратур со специальными прокуратурами. Рано еще сейчас ставить вопрос о ликвидации транспортных прокуратур, но большее приближение, более тесная взаимосвязь в работе должны быть установлены.

Последнее — о стиле работы, о руководстве работой. Мы, работники транспортной юстиции, имели счастье за этот год получать указания и учиться работе у Лазаря Моисеевича Кагановича. В прошлом году было созвано специальное совещание транспортных прокуратур, на котором т. Каганович дал нам большие указания о нашей работе, о работе транспортных прокуроров. Было бы очень хорошо, если бы, в частности, Главная транспортная прокуратура переняла этот метод, училась применять методы работы народного комиссара. В Комиссариате путей сообщения вы уже не увидите таких циркуляров, которые пишутся всем начальникам дорог, они идут дифференцированные, конкретные, а нам из транспортной прокуратуры все еще продолжают присылать «всем, всем», хотя разница, например, между Донецкой дорогой и Окружной колоссальная.

И, наконец, вопрос об учете. Не все из нас нуждаются в постоянном учебном стационаре, в академии, но очень многие из нас, даже получившие образование и имеющие практический стаж работы, нуждаются в каком-то краткосрочном обучении. Сейчас отдел печати ЦК партии проводит для редакторов 10—12-дневные курсы здесь, в Москве. Я бы хотел, чтобы Прокуратура Союза провела такие же мероприятия, — это бы значительно нас подковало.

т. ЕСКАРАЕВ

(Прокурор Казахской АССР)

В докладе т. Вышинского дано четкое и ясное определение направления больших предстоящих работ органов прокуратуры.

Но нельзя строить программу будущих работ органов прокуратуры, не анализируя и не понимая практики работ этих органов на сегодняшний день. А практика работы этих органов на сегодняшний день еще чрезвычайно плоха.

Основной недостаток работы местных органов прокуратуры и руководства вышестоящих органов прокуратуры заключался в том, что

многие товарищи не придавали достаточного значения тем недостаткам, которыми страдала работа органов прокуратуры. Можно ли сейчас говорить о реализации этих грандиозных задач, не разрешив основных условий для этой реализации.

Основным или, по крайней мере, одним из основных условий осуществления этих задач, мне кажется, является вопрос о людях.

Если дело с кадрами обстоит плохо, в передовых культурных республиках и краях Советского Союза, то во много раз хуже обстоит дело с национальными кадрами.

Откровенно говоря, я не удовлетворен ответом, который был дан в докладе т. Вышинского по вопросу о проблеме кадров. Из доклада т. Вышинского вытекало обстоятельство, что лучше не иметь калек, чем их иметь. (**Вышинский:** — Правильно). Это правильно. Но насколько этот тезис в докладе т. Вышинского вносит улучшение в положение прокуратуры — вот основной вопрос, на который, к сожалению, т. Вышинский не ответил.

Сейчас передо мною, как прокурором Казахской республики, стоит вопрос, каким путем я должен восполнить 47% недостающих работников в органах прокуратуры и следственных органах, за счет каких источников. На этот вопрос, к сожалению, я лично не имею никакого основания дать правильный ответ. За счет каких источников? (**С мест:** — За счет казахского народа). Это самый мучительный вопрос, с которым мы возмемся на протяжении многих лет и, по нашей вине, не могли разрешить и из этого народа не сумели выковать кадры и сохранить их в органах прокуратуры. Вопросом комплектования органов прокуратуры периодически занимался Казахский краевой комитет партии. Я вам могу дать следующую справку: с 1933 года Краевым комитетом партии были созданы 4 комиссии специально по вопросу о комплектовании органов прокуратуры и следственных органов, и все же, товарищи, наш аппарат, как я уже говорил, не укомплектован на 47%. Людей мы получили очень много, точно цифру сказать не могу, но куда они делись, — я скажу. Ежегодно наши ряды пополняются и ежегодно все-таки недокомплект около 50% остается стабильным. Почему? Дело заключается в том, что из нашей системы люди бегут.

За 1935 г. текучесть работников прокуратуры и следствия составила не больше, не меньше, как 49%. Можно ли при таком положении вещей думать о постоянстве состава работников прокуратуры. Один только тот факт, что мы не имеем постоянного состава работников прокуратуры и следствия, свидетельствует о том, что если это положение не будет коренным образом устранено, мы никогда плодотворной работы в нашей системе не добьемся. Поэтому я прошу т. Вышинского в своем заключительном слове дать совершенно определенный и ясный ответ на вопрос о том, как быть в дальнейшем с кадрами прокуратуры. То положение, что органы прокуратуры в Казахстане до сегодняшнего дня жили за счет так называемых импортных кадров, — это положение не разрешит проблему о кадрах в Казахстане, потому что нам надо выращивать местные кадры, умеющие говорить и работать на языке, на котором мы должны осуществлять карательную политику советской власти. Я прошу, чтобы т. Вышинский сказал, как будет обстоит вопрос

о выращивании национальных кадров в национальных окраинах, коль скоро судопроизводство будет вестись на языке, понятном для этой национальности. Надо использовать систему курсовых мероприятий. Тут не надо останавливаться ни перед какими препятствиями. Нужно организовать курсы без отрыва от производства. Там, где есть возможность, надо организовать 3-месячные курсы по подготовке и переподготовке работников. У нас существует так называемая национально-правовая школа, но эта школа дает нам такую недоброкачественную продукцию, которая фактически не оказывает нам никакой помощи. Поэтому, если мы хотим разрешить вопрос о кадрах, нам надо создать постоянное, стационарное, стабильное высшее учебное заведение, без чего мы никогда не разрешим проблему кадров.

Из того, что у нас работает плохо следственный аппарат, совершенно не вытекает то, о чем пишет в своей статье т. Антонов-Саратовский. Правы те товарищи, которые выступали против этой концепции. Следственный аппарат, как правильно говорит т. Вышинский в своем докладе, по своей природе не может быть оторван от прокуратуры. По природе своих функций этот аппарат невозможно оторвать от прокуратуры. Поэтому я лично присоединяюсь к тем предложениям, которые были внесены на этом совещании о том, чтобы сохранить следственный аппарат в органах прокуратуры.

Товарищи, в заключение я хотел бы сказать, что нам, работникам национальных окраин, не хочется жить и работать по психологии отсталых людей. Нам чертовски хочется разбить, окончательно ликвидировать тот старый горизонт, который господствовал до Октябрьской революции. У нас есть все данные к этому, в том числе эти данные имеются и в органах прокуратуры. Но отдельные мелкие недостатки в нашей практической работе очень часто сковывают инициативу. И поэтому мы обращаемся с просьбой к совещанию и к Союзной прокуратуре учесть некоторые особенности и некоторые специфические условия, которые остаются и на сегодняшний день в национальных окраинах, в частности в Казахстане.

т. РАМИШВИЛИ

(Прокурор ССР Грузии)

Перед лицом всех ответственных задач, которые ложатся на нас, работников прокуратуры, блестящий доклад т. Вышинского, который мы с таким вниманием прослушали, мы должны поставить в основу всей нашей деятельности. Мы должны этим докладом руководствоваться ежедневно и сделать его боевой программой всей нашей предстоящей работы.

Когда думаешь о новой Конституции, когда думаешь о той почетной роли, которая отведена в этой Конституции органам суда и прокуратуры, то сейчас же встает вопрос относительно кадров, относительно тех людей, руками которых мы должны будем осуществлять те обязательства, которые возлагаются на нас Конституцией. И тут надо прямо сказать, что значительное количество людей, которые работают в этих органах на сегодняшний день,

В новых условиях едва ли подойдут, вернее говоря, едва ли их, изберут и едва ли они получат назначение на 5 лет.

Что касается республиканских и районных прокуроров и районных судов, то я хотел бы, несмотря на то что о кадрах здесь говорилось очень много, все-таки еще раз поставить проблему кадров, потому что эта проблема в связи с новой Конституцией является настолько жгучей, что не мешало бы поговорить о ней еще раз. Какие кадры мы имеем сегодня? Мы недавно провели сплошное обследование всех судов г. Тифлиса и отчасти прокуратуры. И что же мы там нашли? Возьмем такие вопросы, как борьба с хищениями социалистической общественной собственности.

В Тифлисе есть спецкамера, которая разбирает эти дела. Из 128 человек, которые обвинялись в хищениях и растратах, 75 человек, или 58% получили условное наказание или принудительные работы. А если взять районный Кировский суд, то в этом суде процент получивших условное наказание или принудительные работы доходит до 67%. Таким образом только 30% получило лишение свободы или другое более или менее суровое наказание. Наши суды не только не бьют тех, кто посягает на социалистическую собственность, но в некоторых случаях поощряют эти рваческие антигосударственные настроения. Я для примера могу привести такой случай. В Кировском нарсуде судили одного за растрату, произведенную им в Грузпещторге. Растрата была 12 000 рублей. В то время, когда он отбывал наказание за растрату и сидел в тюрьме, им был предъявлен в суде иск к той же организации в 6 000 руб. Иск был предъявлен даже не им самим, так как он сидел в тюрьме, а его доверенными лицами. И суд присудил этому жулику 6 000 рублей. Аналогичный пример мы имели в Орджоникидзевском нарсуде. Мы получили сведения, что два жулика получают 6 000 руб. Я вынужден был задержать это дело; дело было расследовано и оказалось, что это, действительно, были жулики. Таких примеров можно привести много. Но я думаю, что этого достаточно, для того чтобы показать, что в отдельных звеньях нашего судебного аппарата вместо борьбы с преступностью, вместо борьбы против расхищения социалистической собственности, имели место случаи поощрения. Мы проверили работу суда по делам о спекуляции. В Кировском народном суде из 10 разобранных дел о злостных спекулянтах не было ни одного приговора с лишением свободы, все — условно или принудительные работы. Если взять кражи, то в том же народном суде из 102 обвиняемых в краже лишение свободы на разные сроки получили только 29 чел.

Теперь возьмем борьбу с преступлениями против личности. Нарсуд Тифлиского района (это один из шести районов) осудил двух лиц к принудительным работам — одного на шесть месяцев, а другого на год по делу о похищении женщины и нанесении ей тяжелых ранений.

При обследовании работы этого суда там было обнаружено такое дело: 4 человека обвинялись в групповом изнасиловании женщины. Обвиняемые были выпущены на свободу. Два раза дело было отложено из-за неявки обвиняемых. Это дело преспокойно пребывало среди «оконченных дел».

Или возьмем такой возмутительный факт, о котором писала «Правда» — убийство комсо-

молки-ученицы Пареулидзе. Кто убийца? Хулиган-профессионал, который имел три судимости и всегда отделялся принудительными работами и условными приговорами. Между прочим у него была сестра — нарсудья, которая училась в Москве; ее сняли с учебы и привлекли к ответственности. Несмотря на неоднократные меры, этот хулиган не отстает от комсомолки. Наконец, в прошлом году этот хулиган был мною арестован. Дело было передано в суд, и судья этого человека освободил. Дело залеживается в продолжение многих месяцев, потом попадает в суд, выносится совершенно непонятный мягкий приговор; приговор опротестовывается, но опять прошло несколько месяцев, и опять выносится безобразный приговор. Наконец, этот хулиган на многолюдной улице убил эту комсомолку.

Вот с какими кадрами мы имеем дело. О чем это говорит? Это говорит о том, что у нас в области кадров не все благополучно. Какие выводы нужно отсюда сделать?

Главное теперь учить, воспитывать людей, тех же, которые не поддаются никаким воспитательным мероприятиям, допускают такие безобразия, которые наносят ущерб советской революционной законности, советскому закону, нужно убрать. Лучше пусть на том или ином участке не будет прокурора или судьи. Это лучше, чем если сидит прокурор или судья, который ежедневно коверкает революционную законность и наносит непоправимые удары авторитету советской власти.

Возросшее количество жалоб, которые сыпятся в прокуратуру, приводит некоторых работников к мысли, что это — отрицательное явление. О чем говорит большое количество жалоб, поступающих в органы прокуратуры? Это говорит о возросшей политической активности трудящихся, которых мы научили реагировать на всякое нарушение советского права и революционной законности; это говорит также о возросшем авторитете органов прокуратуры. Было время, когда в прокуратуру люди мало ходили, а теперь в прокуратуру все идут. С одной стороны нехорошо, что у нас имеет место нарушение революционной законности, но, с другой стороны, раз нарушение имеется, и об этом не хотят молчать, об этом сигнализируют, то это факт положительный, и это обязывает нас, чтобы ни одна жалоба трудящегося не была оставлена без внимания. Прокуратура приобрела большой авторитет. В прокуратуру идут с надеждой на правильное разрешение вопроса, и поэтому отбрасывать от себя жалобщиков — политически неверно. У нас есть масса жалоб неразобранных. Мы до сих пор не сумели организовать технику этого дела так, чтобы жалобы трудящихся не оставались без ответа, без разбора и без внимания. В этом отношении у нас есть большие недостатки. Все указания Прокуратуры Союза, в особенности касающиеся жалоб трудящихся, местные работники, республиканские, краевые и областные должны учитывать и строго ими руководствоваться.

Тут товарищи говорили относительно единых показателей работы. Необходимо отметить, что единые показатели работы прокуратуры не так легко найти, как в Наркомлегпроме или в Наркомлеспроме, где имеется программа по изготовлению энного количества черепицы и энного количества метража материала, но кое-какие показатели можно и у нас выявить и установить.

Я хочу сказать пару слов относительно коллегии защитников. Грузия в этом отношении является особой республикой. В силу стечения своеобразных исторических и иных обстоятельств в нашей стране было очень много князей и дворян, и отсюда — очень много офицеров, адвокатов. У нас имеется около доброй полдюжины бывших всяких министров и грузинских, и армянских, и других. Среди этих людей немало таких, которые на свою профессию смотрят, как на источник дохода и обогащения, которые используют ее в целях наживы. Ясно, что эти люди путают наши суды. Вместо того, чтобы защищать законные права обвиняемых, они путают, вводят в заблуждение суды и обвиняемых, и всех.

Но есть, товарищи, среди этих людей немало работников, которые показали себя на многих показательных процессах, которые помогают суду выявить истину, которые упорно защищают законные права обвиняемых. Между прочим, в наших судах не везде привыкли защищать права обвиняемых, и иногда некоторые коллегии защитников лучше суда защищают эти права.

Из того, что среди состава коллегии защитников имеются негодные элементы, не значит, что мы должны охаивать всю систему защиты, которой новой Конституцией отводится почетная роль. Выгоняя негодные, шкурнические элементы, оздоровив состав коллегии защитников, мы сумеем в лице этой здоровой коллегии иметь не плохих помощников для выявления истины, для защиты прав обвиняемого и для правильной организации процесса.

И последний вопрос, который я хочу затронуть, касается того обстоятельства, что одним из важнейших моментов нашей Конституции является непосредственное вхождение ряда национальных республик в Советский Союз. Грузия, Азербайджан и Армения, закавказские республики, теперь по новой Конституции непосредственно и прямо входят в Советский Союз. Закавказская федерация, которая была организована по прямому предложению Ленина и Сталина, выполнила огромную историческую миссию. Она сыграла большую роль в деле ликвидации того зоологического шовинизма, который насаждался контрреволюционными меньшевиками, дашнаками, мусаватистами. Закавказская федерация содействовала хозяйственному возрождению республик, входящих в ее состав, причем в особенности укрепление этих республик, углубление и расширение хозяйственной самостоятельности пошло семимильными шагами вперед после 1931 г., после решения ЦК ВКП(б) о старом закавказском руководстве, которое шло по линии сужения и ограничения хозяйственной деятельности и инициативы отдельных республик, росту их национальных культур, искусства и т. д.

Грузия, Азербайджан и Армения, получив большую хозяйственную инициативу, укрепив свою национальную культуру, искусство, литературу и т. д., получили возможность непосредственно войти в великую семью народов Союза советских социалистических республик. Это обстоятельство и на нас, на прокурорские органы союзных республик, возлагает большие обязанности и большую ответственность.

Мы сумеем при помощи Союзной прокуратуры, при активной помощи и под руководством лично тов. Вышинского, при помощи

ЦК ВКП(б) Грузии, и лично т. Л. Берия, мы те ответственные задачи, которые на нас возлагаются, сумеем выполнить с честью.

т. АНТОНОВ-ОВСЕНКО

(Прокурор РСФСР)

На высоком уровне, достойном того замечательного документа сталинской эпохи, который называется Сталинским проектом Конституции нашей страны, т. Вышинский провел свой доклад. Центральным местом его доклада было, меня особенно взволновавшее, указание на то, что закон советский, советское социалистическое право — победоносно закрепляется в этой новой Конституции, и это свое указание, подробно развитое, чрезвычайно подъемлющее нас, работников юстиции, потому что говорит о необычайном значении нашей работы, т. Вышинский снабдил экскурсом в сторону довольно давних пор, в сторону подвизания на литературном поприще юстиции т. Гойхбарга и т. д. Лет десять тому назад они высказывали положения, которые, как думалось некоторым товарищам, сейчас отмерли.

К сожалению, эти мертвецы довольно живучи, и когда очень симпатичный представитель от Казахстана выходит и говорит, что «закон в нашей руке», это не просто оговорка, а это отражение известной психологии, которую воспитало время больших бурь, больших гроз, когда некогда было оформлять законом творчество революционных масс. Но говорить сейчас, в наше время языком прежних лет — это значит не понять, каким огромным шагом мы шагнули и каких успехов мы достигли.

К сожалению, это — распространенное явление. Мне пришлось в ответственном месте услышать со стороны члена Верховного суда Республики о том, что в 1918 г. на Съезде советов Ленин ответил кадетам, что, конечно, действующим законом мы не ограничиваем насилия по отношению к представителям буржуазного класса. Это было в 1918 г., но теперь опираться на это высказывание Ленина, чтобы доказать невозможность ограничиться действующим законом, это значит не освоить огромного роста советского права. Ссылаются еще на такое определение Лениным диктатуры пролетариата, данное еще в сентябре 1917 года. «диктатурой является не ограниченное законом и основанное на насилии, господство пролетариата над буржуазией, пользующееся сочувствием и поддержкой трудящихся и эксплуатируемых масс». Товарищи опираются именно на это определение — «не ограниченное законом». Но надо учитывать, что тут же рядом стоит указание «господство над буржуазией» и тут же рядом стоит добавление — «пользующееся сочувствием и поддержкой со стороны пролетарского населения». Это было в начальный период, когда главной задачей пролетарской диктатуры являлось сломить сопротивление классового врага — буржуазии. Но с тех пор буржуазия побеждена, последние капиталистические классы ликвидированы, остались только лишь осколки от этих классов и остались капиталистические пережитки в сознании трудящихся. При таких условиях сейчас возвращаться к этой формуле — это значит просто не понять, какими громадными шагами мы шагнули вперед. То, что мы теперь, опираясь на определенные правовые отношения, можем

громить эти остатки классовых врагов, то, что мы, опираясь на закон, на оформленную волю миллионов, можем перевоспитывать отстающие сотни, тысячи всякого сорта правонарушителей, — это уже громадное достижение. Это достижение товарищи упускают из виду. Конечно, состояние нашей судебной работы еще такое, что поневоле приходится вспомнить слова Маркса, в «Рейнской газете» в 1842 году: «Народ видит наказание, но он не видит преступления». Целый ряд приговоров наших народных судов напоминает именно это указание. Наказание видно всем, а преступления не видно, — неубедительно это наказание. И я должен сказать, что наиболее неубедительными сплошь и рядом являются наказания по нашим показательным процессам. Присматриваясь к нашей работе, мы не должны говорить, что мы достигли кое-где коренного улучшения — эти разговоры являются чрезвычайно мало мобилизующими. Брак нашей работы — это политически вредная вещь, потому что этот брак кричит, пищит, и за ним тянется целый хвост различных чрезвычайно важных обстоятельств. Пишет мне некий Комаров, что прочитал в газете «Известия» мою статью об уменьшении преступности. «Но, — пишет он, — товарищ прокурор, вы этого дела не знаете, а вот я, который являюсь, по вашему определению, преступником, — я это знаю хорошо: я скитаюсь по улицам Москвы, потому что я не имею права жительства в Москве (не имеет паспорта). Я имел раздор со своей женой и получил от вашего суда два года ни за что, ни про что. После этого меня выселили за 101 километр от Москвы, и я не мог получить никакой работы. Взять жилплощадь нет средств и вот приходится перебиваться, конечно, незаконными действиями. Понемножку живу и вижу вокруг себя неплохой народ. Должен сказать, что это все люди, которые могли быть исправлены, но вы своими действиями, такого сорта приговорами распространяете преступность вокруг себя, как от камня, брошенного в воду, идут круги. Вот такого рода люди, которые будучи советскими по настроениям, вместе с тем являются врагами. Если вы хотите, чтобы я вам помог бороться с преступностью, вызовите меня через газету». Это — небольшое письмо, но оно говорит об очень многом.

Мы своей плохой работой создаем такие условия, которые в большом количестве превращаются в факты большого политического значения. Мы увеличиваем деклассированный элемент, из которого вербуются рецидивисты, преступники. Некоторые из них вынуждены заниматься этой профессией потому, что им податься некуда. Такой гражданин, которого привлекали и притянули хотя бы за-зря в НКВД, он должен во всех анкетах писать, что привлекался. С такой анкетой его на работу не возьмут. Товарищ Сольц, который с огромной чуткостью подходит к людям, говорил об этих вопросах большого социального значения. И когда рядом с этим мы имеем такой факт, что у нас на 1—2% на одного следователя увеличилось количество дел, направляемых с обвинительными заключениями, то творить праздник не приходится. Конечно, мы кое-что сделали, к чорту мы были бы годны, если бы мы не улучшали работу. Но вот ведь отвечаем не только за свою следственную работу, но и за остальные органы, которые производят следствие. Ведут его органы милиции НКВД. И тут похвалиться почти нечем.

Мы не умеем осуществлять свои права надзора. Мы чрезвычайно небрежно относимся к борьбе за оформление надлежащим образом всякого следственного дела. В каждом деле, которое приходит к нам, мы находим это пренебрежение, и все это проходит мимо местных органов прокуратуры и редко приковывает к себе внимание даже нашей специальной прокуратуры в центре.

Вопросы наблюдения за следственной работой других органов имеют чрезвычайно большое значение, и судить о работе следственной мы должны по тому, как прокуратура исполняет эту последнюю работу и как она влияет на ее улучшение.

Основным вопросом нашей работы в будущем, как уже указывалось, явится так называемый общий или административный надзор. Этой задаче мы придаем чрезвычайно большое значение. Но т. Фридберг вздумал меня упрекнуть в том, что мы слишком вплотную притягиваем наш аппарат, и в качестве примера привел взыскание задолженности колхозам, говоря, что этим делом нашим органам заниматься не надлежит. Я думаю, что нам расширять практику вмешательства в гражданские дела придется, и резолюция, предлагаемая собранию от Прокуратуры Союза, об этом говорит. Мы имеем такие случаи, когда эта практика дает чрезвычайно благоприятные результаты. В Куйбышевском крае на 1 января сего года мы имели дебиторской задолженности колхозам около 11 млн. руб., а на 1 июля мы имеем 3,5 млн. руб. При этом в эту последнюю цифру входит больше 2 млн. руб. образовавшейся новой задолженности.

Тов. Жалнин пошел дальше. Его отдельные районные прокуроры дошли до того, что непосредственно вызывали председателей колхозов и т. д., т. е. подменяли собой президиумы райисполкомов, райфо и т. д. Это уже другое дело. Это — перегиб. Но то, что мы в директивах писали о том, чтобы через актив выявить задолженность, — это абсолютно правильно.

На общий надзор мы должны обратить самое основное внимание, и прежде всего мы должны осуществлять наблюдение за исполнением великого сталинского устава сельхоз. артели.

Чрезвычайно слаба наша работа в этой области в настоящее время. В Прокуратуре Республики на общем надзоре мы имеем всего лишь одного работника, хотя и хорошего работника. Мы теперь создаем серьезный отдел, из 7—8 чел., который займется этой работой, потому что она будет одной из основных. И вот в связи с тем, что прокуратура займется этой работой вплотную и в связи с тем, что органы прокуратуры должны будут наблюдать за работой всех наркоматов, можете себе представить, какой поток жалоб будет направляться к нам, и поэтому ограничивать этот поток нам не придется. Конечно, мы будем производить известный отсев, конечно, мы не будем вмешиваться в ту сферу, которая не является нашей компетенцией, но только до известных пределов. Если мы заметим явления чрезвычайно длительного порядка, которые переходят уже в систему нарушений прав граждан, то мы в таких случаях, конечно, должны будем вмешиваться.

Меня больше всего беспокоит вопрос о кадрах. По этому вопросу здесь уже много было сказано. А я хочу сказать, что меня главным

образом беспокоит вопрос о подготовке кадров и переподготовке их. Меня не утешает то, что эта подготовка и переподготовка отойдет к Наркомюсту Союза ССР. (С места: — Правильно). Наоборот, меня это очень беспокоит. Мы сейчас имели некоторые преимущества тем, что внутри системы мы могли отстаивать специальные интересы прокуратуры, наблюдать за тем, чтобы удовлетворялись ее требования в смысле программы, в смысле направления людей. Я считаю, что Прокуратуре Союза придется участвовать в этом деле.

Что касается переподготовки, то здесь я пошел бы еще дальше. Вопросы переподготовки, мне казалось бы, Прокуратура Союза не должна выпускать из своих рук. Что это необходимо, по-моему, показывают следующие цифры. Мы имеем около 30% следователей, которые негодны для нашей работы по своей подготовке, и 20%, которые вообще для нас не подходят. Мы имеем около 30% прокуроров, которые также под большим сомнением. Нам предстоит большая борьба за кадры. Мы должны бороться за кадры.

Я еще хочу остановиться немного на вопросе, который я вскользь затронул, а именно — на показательных процессах. Мы широко привлекаем печать к освещению наших процессов. Печать весьма интересуется нашей работой. Я ставлю вопрос, который выходит за пределы непосредственно прокуратуры и органов юстиции, а именно об ответственности печати за свои выступления. Мы не воспитаем уважения к прокуратуре и суду, если будем допускать такого сорта положение вещей, которое имеет место сейчас.

Я мог бы назвать добрый десяток прокуроров, которые до сих пор остаются ошельмованными местной печатью совершенно незаслуженно. (Голос: — Правильно). Реабилитированные и в административном и партийном порядке, они остаются в печати оплеванными. Мне кажется, что и печать должна быть подтянута на уровень тех требований, которые к нам предъявляются. Свобода слова не есть свобода клеветы. Если кто-нибудь поместил неверные сведения, то прокуратура или суд должны иметь право требовать от данного органа помещения опровержения, и он обязан таковое поместить под угрозой определенного привлечения редакторов этой газеты. Это старое положение, мне кажется, вполне законно было бы поставить сейчас, потому что такое положение вещей, какое существует, представляется совершенно нетерпимым.

Мы должны продумать у себя очень быстрым порядком вопрос нашего бюджета.

В связи с новыми требованиями и задачами, стоит вопрос и о штатах.

Мы у себя в республике начинаем проводить ту схему, которая вами предложена, мы перестраиваемся, и нами было дано согласие т. Пальгову и т. Баркову на то, чтобы они тоже перестроились соответствующим образом. Здесь перед нами стоит громадная организационная задача.

К этой задаче, как и к задаче улучшения нашего следственного и прокурорского аппарата, подходим с большой уверенностью, что мы с этой работой справимся под руководством Центрального комитета нашей партии. Мы уверены, что та недисциплинированность, которая проявляется иногда на местах, руководством Прокуратуры Союза будет сломлена.

Я имею тут в виду и краевых прокуроров. Разрешите дать пример.

Вот товарищи Фридберг и Лесовой на далеком расстоянии друг от друга, эти комики в прокурорском домике, сидят и друг с другом перемигиваются. Из Иркутска один товарищ прокурор хочет переехать в Сталинград, из Сталинграда один товарищ прокурор хочет переехать в Иркутск. Мы предлагаем произвести этот обмен, но крайпрокуроры говорят нам: — один говорит: я не отпущу своего работника, пока ко мне не придет новый работник из Иркутска, а другой: — я не отпущу своего работника, пока ко мне не придет прокурор из Сталинграда. (Голос:—И не без основания говорят). Может быть, и не без основания, но раз Прокуратура Республики дает указание, вы должны подчиниться этому указанию. Товарищ Монич из Северо-Кавказского края саботирует наше указание в течение двух лет — отправить товарища для прохождения высшего правового образования; он отвечает на наше предложение: — Я этого не сделаю, можете мне объявить выговор, но я на это не пойду. (Вышинский:—Так прямо и написал?). Да, (Нюрина:—Монич в отпуску; Гарин написал). Да и Гарин. Оказывается Гарин более хитрый человек, он знает, как подготовить такие совершенно безобразные в смысле революционной дисциплины действия.

Когда т. Фридберг тут плакался в несколько жилеток сразу, то он это делал неискренне, ибо он прекрасно знает, что не от Прокуратуры Союза и в значительной степени не от Наркомюста зависит разрешение вопросов материального положения. Идет большая борьба за каждую копейку бюджета; в особенности, когда возникает вопрос в середине бюджетного года, эти вещи решаются с большим напряжением. Если говорить о поощрениях, — то соответствующие поощрения имели место. К сожалению, таких образчиков работы, которые бы заслуживали показа всему Союзу, мы пока что не имели.

Теперь мы возьмемся с новой энергией, на основе новых требований, предъявленных к нам, на основе громадного доверия, оказанного нам, мы возьмемся с новой энергией, под руководством прокурора Союза, за работу, и я думаю, что мы можем заверить нашего руководителя Андрея Януарьевича, что мы с этого собрания уйдем, окрыленные его вдохновенной речью, и под его руководством дадим образцы работы, с которыми нам не стыдно будет предстать перед очи высшего руководства партии и правительства.

т. ЯГУБОВ

(Прокурор АзССР)

Прежде чем коснуться основных недочетов нашей работы, я хочу заострить ваше внимание на спорных вопросах, которые возникли у нас в Азербайджане при составлении Конституции Азербайджана. Прав был один из товарищей, когда он просил т. Вышинского устроить по этому поводу консультацию. На одном из этих спорных вопросов я хочу остановиться, ибо он имеет прямое отношение к прокурорской работе. Это статья 117. Как известно, в основу этой статьи положено известное письмо товарища Ленина товарищу Сталину для Полит-

бюро о «двойном подчинении и законности». По смыслу этой статьи органы прокуратуры независимо от их места в системе прокурорских органов, осуществляют свои функции независимо от республиканских и местных органов власти, подчиняясь только прокурору Союза. Между тем, по точной формулировке этой статьи органы прокуратуры осуществляют свои функции независимо от местных органов власти, а местными органами власти согласно параграфа 8 ст. 94 являются краевые, областные, окружные, городские и сельские советы депутатов трудящихся. Выходит, что только от этих органов органы прокуратуры осуществляют свои функции независимо.

(Тов. Вышинский: — Читайте последний пункт главы 9).

Я говорю о том споре, который имел место при составлении Конституции. Поскольку ст. 117 говорит о том, что органы прокуратуры подчиняются только прокурору Союза, здесь исчезают всякие мысли и сомнения. Но на месте в подкомиссии говорили, что ст. 94 в качестве местных органов предусматривает только краевые, областные, окружные, городские сельсоветы, а поэтому я бы хотел, чтобы по этому поводу мы имели особый разговор, так как имеется ряд спорных моментов.

Говоря об организации наркомюстов республик и прокуратур республик, я должен прямо сказать, что самостоятельная организация их поведет только к укреплению судебно-прокурорской работы. Из своего горького опыта я должен сказать, что нельзя в одном лице совмещать работу прокуратуры и суда. Здесь при таком положении из поля зрения суд безусловно исчезает совершенно.

Разделение НКЮ и прокуратуры повысит авторитет суда и прокуратуры, поднимет работу суда и прокуратуры на должную высоту.

Тов. Вышинский совершенно правильно отметил необходимость коренной перестройки следственной работы, но я должен прямо заявить, что когда я слышал здесь предыдущих товарищей, то я был удивлен, что у них, у следователей, находится 7—8 дел. Я этим был поражен. У нас, в Азербайджане, в некоторых районах с 45 тыс. населения у следователей имеется по 150—200 дел, да кроме того ежемесячно поступает 15—20—25 дел. Ясно, что при одном следователе в этих районах мы никогда не сможем ликвидировать той залежи следственных дел, которая там имеется. Поэтому при рассмотрении штатов необходимо рассмотреть вопрос о штатах следственных органов, причем нельзя с одной меркой подходить ко всем районам. Тут товарищи говорили об увеличении штатов райпрокуроров. Я с этим предложением не согласен, ибо в увеличении штата райпрокуроров нет никакой надобности. Надо только добиться, чтобы наших районных прокуроров не мобилизовывали на всякого рода кампании, что сплошь и рядом имеет место; отрыв наших прокуроров от своих прямых обязанностей причиняет большой ущерб их повседневной практической работе.

Тов. Борисов говорил, что он получил из Баку телеграмму о том, что исполнение обязанностей начальника гражданского отдела возлагается на начальника судебно-бытового отдела. Что же, тов. Борисов, я могу сделать, когда у меня в отделе сидит один человек? Штаты наших центральных прокурорских органов не отвечают требованиям сегодняшнего

дня. Необходимо просмотреть штаты наших центральных органов, в особенности в союзных республиках, в краевых и областных прокуратурах. Иначе мы не в состоянии будем поднять работу прокурорских органов на должную высоту.

Андрей Януарьевич дал справку, что будет единый бюджет. Конечно, мы это только можем приветствовать. Но прежде чем вести разговор вокруг нашего бюджета, я должен отметить, что неправы те товарищи, которые, выступая, говорили, что Союзная прокуратура не помогала им в 1935 г. в отношении поднятия бюджета местных органов. Азербайджанский НКЮ в этом году имеет больше, чем какой бы то ни было другой наркомат, средств на административно-хозяйственные расходы. Это было достигнуто исключительно по инициативе т. Вышинского. Товарищи об этом забыли. В этом году мы никаких нужд в средствах по административно-хозяйственным расходам не испытываем. Другое дело, что наркомат не имеет ни одной копейки в своем распоряжении для того, чтобы в нужный момент помочь своему работнику.

Прокурор, будучи материально зависим от местных органов, не в состоянии будет избавиться от влияния местных органов.

Улучшение культурно-бытового положения работников суда и прокуратуры должно быть поставлено в центре внимания при рассмотрении нового положения и бюджета.

Несколько слов о кадрах. Правда, на местах у нас имеются и годичные школы и факультеты, но беда заключается в том, что у нас нет преподавательского состава. Преподавателями являются наши работники, которые работают в прокуратуре. Отрыв их от работы в прокуратуре для преподавания в учебных заведениях отражается на их работе. В этом отношении Союзная прокуратура должна нам помочь.

Андрей Януарьевич в своем выступлении сказал, что в некоторых районах говорят: мы знаем, что наш прокурор плох, но у нас нечем его заменить. Конечно, Андрей Януарьевич на 100% прав, когда ставит вопрос о том, что нужно избавиться от них и не нести за них ответственности.

Союзной прокуратуре и прокурорам краев и областей необходимо создать инспекторский отдел.

Нужно, чтобы инспектора часто ездили в район, чтобы мы имели живую связь с районами. Одно дело, когда имеешь живую связь, а другое дело, когда имеешь письменную связь. Письменная связь не дает нужного эффекта в нашей работе.

Я не могу согласиться с т. Сольцем по поводу ликвидации коллегии защитников. Я непонимаю, зачем это нужно, чем это вызывается. Ведь мы имеем очень большую помощь в нашей работе в тех случаях, когда защитники участвуют в следственном деле. Мы можем в этом случае до суда ликвидировать недочеты, которые имеются в следственном деле, до рассмотрения вопроса в судебном порядке, а это значит, что не придется в целом ряде случаев возвращать дела для доследования. Я не знаю, из каких соображений исходит т. Сольц, но думаю, что его точка зрения не может быть признана правильной.

В заключение я должен заявить, что после доклада т. Вышинского и тех установок, кото-

рые он дал нам в своем докладе, нам, прокурорским работникам, придется, засучив рукава, по-большевистски переключиться на выполнение всех тех задач, которые ставят перед нами партия и правительство.

т. СТУРМАН

(Военный прокурор Краснознаменного Балтийского флота)

Хотя вчера здесь т. Антонов-Овсеенко очень крепко обрушился на тех, которые говорят о хороших показателях, вместе с тем я хочу говорить именно о хороших показателях, ибо эти хорошие показатели, если они есть, дадут нам возможность целиком и полностью освоить и выполнить наши задачи.

Основное внимание должно быть уделено живому человеку. Если подходить с этой точки зрения, то как обстоит дело у нас в военных прокуратурах, в частности в прокуратурах флота? Невнимание к живому человеку больше всего отражалось у нас в дергании людей судимостью по мелким делам. Всем известно, что у нас года четыре назад очень крепко и очень справедливо ругались, что мы чрезвычайно много судим по мелким делам, по которым не следует судить. Такое положение действительно у нас было. Но четыре года назад была взята твердая линия на сокращение судимости. А сейчас у нас из года в год быстро идет снижение судимости. Из года в год на 30% сокращается судимость по отношению к предыдущему году. А если взять Балтику, то здесь за последние полгода мы имеем сокращение судимости на 63%. Причем надо сказать, что сокращение судимости не идет в разрез с боеспособностью. Наоборот, идет сокращение судимости и наряду с этим идет укрепление боеспособности и сокращение преступности как таковой.

Второй вопрос. У нас сейчас такое положение: краснофлотец, красноармеец, предположим, украл полотенце у себя в части, на кубрике, и здесь он подсуден военному трибуналу; но если он там же на кубрике или в казарме украл 500 руб. у товарища или книжку на 500 руб., то дело о нем идет народному суду. Народный суд его будет судить, товарищи, а не трибунал, так как трибунал не имеет права судить.

(С места: — Военный трибунал имеет).

Нет, товарищи, не имеет. Я считаю, что в связи с новой Конституцией и новым проектом УПК пора поставить вопрос о подсудности военному трибуналу всех преступлений, совершаемых военными служащими как в казарме, так и в городе, на берегу. Необходимо, следовательно, передавать дела о всех преступлениях военно-служащего военному трибуналу, а в связи с этим поставить вопрос о подсудности военному трибуналу всех преступлений, совершаемых как краснофлотцами, так и красноармейцами.

т. ЗАСЛАВСКИЙ

(Прокурор Курской области)

Провозглашенный проектом Конституции принцип независимости судей ставит перед работниками прокуратуры серьезные задачи. Когда мы обсуждаем и изучаем проект новой

Конституции, то перед нами встает вопрос, каким людским составом мы располагаем для того, чтобы обеспечить проведение в жизнь Конституции, которая через несколько месяцев будет принята. Каким должен быть наш районный прокурор, на которого ляжет тяжесть осуществления указаний новой Конституции. Ответ на этот вопрос дан в статье т. Вышинского, опубликованной, если я не ошибаюсь, в 10 номере «Большевика»: «Прокурор районный должен быть квалифицированным работником, технически и юридически грамотным, и качества его моральные и политические должны стоять на высоком уровне». К сожалению мы не располагаем в достаточной степени такими кадрами, которые позволили бы нам заявить, что мы сейчас уже готовы к тому, чтобы осуществить и провести в жизнь указания новой Конституции. Из 72 районных прокуроров по Курской области — 40% этих прокуроров имеют стаж до одного года; в 22 районах вообще нет районных прокуроров; 20 с лишним процентов районных прокуроров имеют стаж до двух лет, а остальное представляет собою тот старый кадр работников прокуратуры, который удалось сохранить в системе Прокуратуры и среди которого есть большое количество ценных и хороших работников. Мне думается, что это положение — одна из причин нашей отсталости. Отсутствие у многих районных прокуроров самостоятельности, смелости и инициативы в постановке вопросов, неумение ставить перед партийными и советскими организациями вопросы, связанные с защитой социалистической законности, являются характерными чертами для многих наших районных прокуроров, которые не имеют достаточного теоретического и практического багажа. Это — вторая причина нашей отсталости. Тяжелые материальные условия для многих наших работников, в особенности работающих во вновь организованных районах, и не случайно многие прокуроры вынуждены были непосредственно обращаться по этому вопросу в правительство, в Центральный комитет, ибо они потеряли надежду на то, что областные прокуроры в состоянии будут разрешить этот вопрос. Не случайно почти все ораторы на этом совещании останавливаются на этом вопросе. Это — третья причина нашей отсталости. Казалось бы (по крайней мере, все местные работники этого ожидали), что прокурор РСФСР изложит те мероприятия, которые были проведены для серьезного улучшения в подготовке и переподготовке кадров и материального положения работников прокуратуры. Я думаю, что специально по этому вопросу говорить нужно. Не создав хотя бы элементарных условий для районного прокурора, который был бы свободен в своем передвижении, который располагал бы возможностями посылки телеграмм, писем, информации без того, чтобы обращаться в районный исполнительный комитет за соответствующей помощью, — нам трудно будет разрешить основные вопросы и задачи, которые перед нами стоят. Районный прокурор вместе со следователем получает 200 руб. в месяц на административно-хозяйственные расходы.

Я больше живу на бюджет облисполкома, чем на бюджет Наркомюста.

Наркомюст отпустил нам на переподготовку кадров 800 руб., тогда как от облисполкома мы получили 93 000 руб. на переподготовку районных кадров. Воронеж получил еще боль-

ше. (Голос: — Хорошо). Что тут хорошего? Ничего хорошего. Ставить нас в такое положение, чтобы мы были зависимы от облисполкома, я считаю недопустимым. Нам же нужно разрешить задачу переподготовки кадров. Мы проводим для этого учебные конференции, специальные совещания, — все это мероприятия неплохие. Я считаю, что этот вопрос является чрезвычайно существенным.

(Тов. Вышинский: — Правильно).

Мы не можем скрывать положение вещей, которое мы имеем сейчас с нашими кадрами, так как без разрешения вопроса переподготовки кадров и дальнейшей подготовки кадров мы не в состоянии будем улучшить нашу работу.

Говорят, что у нас имеется несколько правовых институтов. Каковы итоги их работы, какие кадры они выпускают — нам неизвестно. Я знаю, что за два года работы в Курской области я получил одного, кончившего Ленинградский правовой институт, и за это время у нас забрали 4-х работников.

Вопрос подготовки кадров должен быть поставлен во весь рост, причина отсталости нашей работы заключается в том, что у нас нет достаточно квалифицированных кадров. Возьмите такие наркоматы, как Наркомтяжпром, как Наркомзем, которые в течение нескольких лет подготовили агрономов, техников, врачей. Почему наш наркомат не мог обеспечить себя квалифицированными кадрами? И сейчас никаких перспектив нет. Два года назад на совещании в ЦК партии устами тт. Кагановича и Молотова было заявлено о необходимости развития правового образования в нашей республике. Как наркомат и Прокуратура РСФСР дрались за осуществление этих указаний, что конкретно они сделали в этом вопросе? Какие перспективы, по крайней мере, на ближайшие два-три года? Этот вопрос настолько серьезен, что обойти его молчанием нельзя.

Я считаю, что это результат того двойственного подчинения, которое имело место до сих пор: Прокуратура РСФСР надеялась на Наркомюст, а НКЮ надеялся на Прокуратуру РСФСР, а в результате дело не двигалось.

Большую роль в нашей отсталости играет то обстоятельство, что наши районные прокуроры не имеют никаких перспектив в вопросах заработной платы.

Несколько слов по вопросам структуры. Я считаю, что структура, которая предлагается прокурором Союза, является совершенно правильной и наша периферия будет приветствовать эту структуру, ибо она обеспечивает нам четкую работу.

Мне хотелось бы сделать только несколько замечаний. Прежде всего о судебной работе. Это самый отсталый участок нашей работы. Но для меня неясно, как мыслится ликвидация президиумов областных судов — будет ли ликвидирован целиком президиум, или будут только ликвидированы судебно-надзорные функции президиумов. Если это касается только судебно-надзорных функций, тогда это правильно. Но если президиумы областных судов вообще ликвидируются, то для меня тогда неясно, кто же будет руководить народными судами. (Вышинский: — Наркомюст). Тогда Наркомюст будет иметь свои отделы в областях. (Вышинский: — Нет, нет). Но кто же будет производить обследование народных судов? (Вышинский: — Это будет делать Наркомюст

через членов Верховного или краевого суда). Я лично сомневаюсь в том, что Наркомюст в состоянии будет справиться с непосредственным руководством народными судами и с обследованием судов. (Вышинский: — Обследование — это функции Наркомюста, и не только обследование, но и ревизия и инструктаж, а народные суды должны судить).

Второе замечание — тов. Вышинский в своем докладе указал, что районные прокуроры лишаются права требовать дела в порядке надзора. Я считаю, что это ошибочно. Мы не должны лишать районных прокуроров права требовать дела в порядке надзора. (С места: — А народные суды?). Я приведу только 2 цифры. Мы занимались изучением дел по ст. 111. За второе полугодие 1935 г. по ст. 111 осуждено 1 454 чел., из них к принудительным работам приговорено 1 166. За первое полугодие 1936 г. осуждено 800 чел., к принудительным работам приговорено 600 с лишним человек. Даже если взять эти цифры, то они заставляют нас прийти к выводу, что у районных прокуроров очень большое поле деятельности в области истребования дел в порядке надзора. Лишение этого права районного прокурора, на мой взгляд, ошибка. Могут сказать, что районный прокурор обязан участвовать в судебных заседаниях, обязан использовать кассационный срок, который существует, но этого не в состоянии выполнить районный прокурор, и я не разделяю точки зрения некоторых прокуроров, в частности т. Андреева, что районный прокурор не загружен. Это неверно. По статистике если судить, то он не загружен, а учтите всю работу районного прокурора, его выезды и вам станет ясна вся загрузка районного прокурора.

Я считал бы нашу структуру прокуратуры вполне законченной, если бы при прокуроре Союза был бы организован Совет. Это никоим образом не могло бы нарушить принцип единоначалия. Совет этот будет собираться 2—3 раза в год.

(С места: — Это противоречит Конституции).

Я думаю, что это не противоречит. Такой совет был бы весьма полезен: туда будут входить прокуроры республик, лучшие областные прокуроры, районные прокуроры и следователи; на мой взгляд создание такого органа было бы чрезвычайно полезным. Я считаю, что необходимо организовать Совет при прокуроре Союза.

т. ФРИДБЕРГ

(Прокурор Восточносибирского края)

Я считаю, что роль прокуратуры в деле охраны прав гражданина, предусмотренных в Конституции, будет чрезвычайно серьезная. Поэтому для нас первый и основной вопрос — тщательный просмотр и тщательное обсуждение каждого районного прокурора, в какой мере и степени он отвечает требованиям, предъявляемым Конституцией к лицам прокурорского надзора.

В связи с этим я хотел остановиться на организационном вопросе.

Структура — это, конечно, не 10 заповедей моисеевых, которые не поддаются изменению; по-моему должен быть и судебный отдел и следственный. Вопрос не о том, кто в подготовительном заседании будет докладывать от-

дельное дело, вопрос идет о технике следствия, о методике следствия, о следственном аппарате. Если мы организуем судебно-следственный отдел, то мы, конечно, смажем роль следствия, точно так же, как мы не сумеем выпукло показать вопросы судебной работы. Поэтому мы должны организовать следственный отдел, который будет заниматься только вопросами следствия.

Общий надзор — это вопрос, о который прокуратура со дня своего существования неизменно спотыкается. Вопрос идет об организации общего надзора. Тут нужно послать тяжелый упрек Прокуратуре республики. Стоит кому-нибудь чихнуть, мы сейчас же получаем циркуляр. Прокуратура РСФСР дала циркуляр проверить через актив прокуратуры — торгуют ли по разовым билетам лица, которые занимаются спекуляцией.

(Вышинский: — Мы этот циркуляр отменили).

Если бы вы этот циркуляр не отменили, мы бы все равно его не выполняли, не потому, что мы не хотим подчиняться, а потому, что он был невыполним.

Конечно, большие вопросы нужно разрешать, необходимо разрешать, но пока эти вопросы стоят, мы должны использовать арсенал тех возможностей, которые имеются в руках и прокурора Союза и прокурора республики, и у областного прокурора. Этого мы не используем; поэтому новые кадры, хорошие кадры закисают, появляется некоторая безнадёжность. До тех пор, пока общие мероприятия будут разрешены, нужно разработать ряд мероприятий, тогда бы люди почувствовали, что их знают. Как вы думаете, какое произведет впечатление, если будут знать, что в каждом крае прокурор Союза и прокурор республики знают лучших следователей, лучших прокуроров. Это даст огромный эффект.

Мне кажется, что здесь т. Пригов неправильно поставил вопрос о сдвигах в нашей работе. Дела у нас пока еще неблестящие. Нельзя сравнивать наши проценты, скажем, с процентами промышленности; например: обувная фабрика сегодня выпускала 1 300 пар, а завтра выпускает 1 500 пар, т. е. на 50% больше; вот, мол, у нас на столько-то процентов лучше. Знаете ли, это все равно, если ко мне приходит неправильно осужденный человек, а я ему скажу: знаете, гражданин, в прошлом году я трех неправильно осудил, а в нынешнем только вас. Какая разница для него, что в прошлом году я трех осудил неправильно, а в этом году его неправильно осудил. Это очень вредное дело. Мы должны стремиться и к повышению нагрузки следователя, но качество работы пока еще очень невысоко и от этого невысокого качества пока еще страдает человек. Поэтому мы не имеем права увлекаться игрой в процент, мы должны бороться за настоящую советскую юстицию. **(Голос с места: — Но какие-то показатели должны быть).** Показатели должны быть, но вопрос, как рассчитывать эти показатели. Когда прокурор видит, что процент поднялся на 5, он может быть либо вне себя от восторга, либо трезво, не качаясь, бороться за улучшение своей работы. Тов. Сталин предупреждал от головокружений от успехов: головокружение может быть и от маленьких успехов. Большое головокружение от маленьких успехов.

Тут выступал зам. наркома Украины. Откуда у людей такая ведомственная жадность. Сколько у нас собственной работы, с которой мы не справляемся; мы жалуемся, что у нас нет людей, тем не менее подайте нам еще и транспортную прокуратуру. Почему? Когда на транспорте было плохо, мы ее не хотели, а теперь дайте. Для чего — для того, чтобы развалить? У нас колоссальная работа, нам нужно работать, не покладая рук, на своей собственной работе, чтобы ее лучше выполнить и не нужно жадничать.

Не может быть никакого сомнения в том, что мы справимся с работой. Мы справлялись с очень большой работой в сложной и трудной обстановке, иногда хромали, но всегда партия нас поправляла и направляла, направляла по правильному пути, и мы одерживали серьезные победы.

Перед нами сейчас стоит очень серьезная задача в связи с ролью прокуратуры на данном историческом этапе принятия новой Конституции. И мы должны подойти к этой задаче так, как этого требует Центральный комитет нашей партии и т. Сталин, — не допускать упрощенства, наплевательского отношения к закону; не допускать тех рецидивов, которые справедливо осуждены.

Поэтому я думаю, что за охранение закона, который провозглашается Конституцией, прокуратура должна очень крепко взяться для того, чтобы то величайшее доверие, которое массы питают к новой Конституции, не было поколеблено нарушением с чьей бы то ни было стороны ни по одной из статей Конституции.

т. ТУРИН

(Одесский областной прокурор)

Не приходится говорить, что органы юстиции, как и все другие наши партийные и советские органы, провели большую работу и проделали немало для построения социалистического общества. На каждом этапе развития нашего социалистического общества наши органы юстиции сыграли свою определенную роль. Тем не менее надо сказать, что организационная неразбериха и отсутствие единства управления и в органах юстиции несомненно сыграли свою отрицательную роль. Те еще большие недостатки, которые мы имеем в нашей работе, по-моему, и являются результатом именно этой нашей организационной неразберихи, разрозненностью управления.

Возьмите Украину. Там нарком юстиции и прокурор в одном лице. Надо прямо сказать, что если на Украине был прокурор, то там не было Наркомюста, ибо если в одном лице совмещается и прокурор и Наркомюст, то он всегда больше поглощен прокурорской работой. По существу на Украине Наркомюста, как такового, который руководил бы судами, руководил бы всей юстицией, не было.

Отсутствие должного руководства со стороны Наркомюста органами юстиции можно ярко продемонстрировать на институте судебных исполнителей. Нужно сказать, что худшей дискредитации для органов юстиции, чем эти судебные исполнители, и не придумаешь. В Одессе судебными исполнителями являются мальчишки 18 лет, неграмотные, и на них-то возлагается выполнение судебных решений. Вы бы

видели этих мальчиков, их внешний вид. Неудивительно, если такой судебный исполнитель приходит к директору завода и тот его прогоняет.

Эти люди получают 180 руб. в месяц, понятия не имеют о наших законах, и очень часто ответчики, к которым они приходят, не желают с ними разговаривать. Можно ли говорить о должном авторитете суда, когда исполнитель его решения является посмешищем в глазах людей, к которым он приходит. Когда является инспектор милиции, то этот человек в форме, облеченный властью, «власть приходит», — а когда приходит наш исполнитель, то это какой-то курьер суда, с которым можно разговаривать, можно не разговаривать и которого можно даже выгнать.

О коллегии защитников. Членам коллегий защитников, являющимся помощниками суда, предоставляется трибуна суда и с этой трибуны они должны популяризировать наши законы. Отсюда следует, что раньше всего они должны быть соответствующим образом подготовлены. Разве плохо будет, если мы будем иметь своих советских Карабчевских? Надо всерьез заняться вопросом коллегии защитников. К членам коллегии защитников и по сей день у некоторых работников сохранилось отношение, как к людям второго ранга, и в этом также виновато руководство органами юстиции.

Мы должны на опыте организации Прокуратуры Союза прямо сказать, что очень многое изменилось с момента ее учреждения. Когда наступило единство управления, единство руководства и единство директив, то это решительно улучшило наше положение. Разве мы можем сравнить прокурорские органы сейчас с тем, что они представляли собою 3—4 года назад. Каждый на месте чувствует себя крепче. Мы чувствуем руководство, получаем указания, изменился процесс нашей работы, совершенно изменилось наше положение. Я должен сказать, что совещание 1934 г. работников юстиции сыграло исключительно большую роль в нашей работе. И как бы мы сегодня ни стали скромничать, но было бы неправильно, если бы мы сейчас ничего не сказали о наших достижениях. Мы должны отметить, что в нашей работе имеются определенные достижения.

Если говорить о нашем следственном аппарате, то я должен сказать, что из 90 следователей Одесской области — 10 следователей очень плохие, зато остальные 80 следователей вполне приличные, и мы не можем жаловаться на этих людей, мы не можем говорить о том, что их надо выгнать.

То же и в вопросе о снижении преступности. В деле снижения преступности безусловно основную роль сыграли те социально-экономические изменения, которые произошли в нашей стране. Разве все те достижения, которые имеются в этом отношении, произошли самоотечком, разве здесь не было руководства Прокуратуры Союза?

Вот почему я хочу сказать, что организация Прокуратуры Союза и наше совещание 1934 г. сыграли исключительную роль в нашей работе.

В свете новых задач, стоящих перед органами Прокуратуры и следствия, естественно, что те положительные стороны, которые у нас имеются сейчас, сегодня, уже не могут нас удовлетворить.

Перед нами встали новые задачи в связи с предстоящим принятием новой Конституции.

Успех прокуроров и следователей в работе зависит от того, насколько правильно они поймут эти задачи и сумеют в своей практической работе осуществить требования, предъявляемые к прокурорам и следователям.

Надо прямо сказать, что в умах многих наших работников также не мало путаницы по кординальным вопросам. Тов. Вышинский совершенно правильно отметил в своем докладе, что не все среди нас достаточно ясно представляют себе соотношение между пролетарской диктатурой и пролетарской демократией в нашей Конституции. Я считаю очень важным поставленный т. Вышинским вопрос о правильном понимании ст. 9 проекта Конституции, где сказано, что наряду с социалистической системой хозяйства в СССР, являющейся господствующей формой, допускается законом мелкое частное хозяйство крестьян и кустарей, основанное на личном труде, исключаящее эксплуатацию наемного труда. Эту статью прокурорскому аппарату необходимо правильно понять в том смысле, что если эти хозяйства организованы с целью эксплуатации, не базируются на личном труде, то существование их противоречит принципам нашей Конституции. У нас в стране имеется около 10% единоличников и кустарей, и наша задача — следить за тем, чтобы наши законы, наша практика не давали бы возможности выйти этим людям из рамок предоставленных им прав, т. е. стать на путь эксплуатации, спекуляции и т. п.

Наше совещание имеет исключительно большое значение с точки зрения теоретического вооружения нас правильным пониманием задач социалистической законности на данном этапе и организации нашей прокурорской работы, и именно так т. Вышинский построил свой доклад.

Коснусь структуры наших органов. Я считаю, что если структура, установленная для Прокуратуры Союза, требует наличия 6 отделов и, вероятно, что будет еще отдел жалоб, то это никак не значит, что в областях следует точно копировать установленную для Центрального аппарата структуру.

Прокуратуру Одесской области составляют 16 прокуроров, включая и областного прокурора, и если их распределить по 7 отделам, то получится чуть ли не по полтора человека на отдел. Вряд ли нужно копировать для областей структуру центрального аппарата. В частности совершенно правильно объединение судебного и следственного отделов в один судебный-следственный отдел и не столько с точки зрения сокращения отделов, как во имя сохранения единства контроля за делом, начиная от возбуждения его и вплоть до просмотра в порядке надзора.

Важнейший вопрос на данном этапе — это гражданские дела. Я считаю, что тут налицо исключительная недооценка всей важности этой работы. Многие работники еще не знакомы с гражданским законодательством и очень часто узаконивают такие вещи, которые являются уголовным преступлением.

Количество гражданских дел растет исключительно быстро. Если в 1934 г. по Одесской области прошло 70 000 дел, то в 1935 г. поступило свыше 104 000 дел, а за пять месяцев 1936 г. 50 000 дел. Нам сейчас следует обратить внимание на наши гражданские отделы. В эти отделы нужно посадить квалифициро-

ванных цивилистов, этим отделам необходимо уделить большое внимание. Я не согласен с теми товарищами, которые считают нужным объединить гражданские отделы с судебно-следственными.

О жалобах. Количество жалоб растет из года в год. По Одесской области число жалоб с 13 596 в 1934 г. возросло до 54 931 в 1935 г. Первые пять месяцев 1936 г. уже дали вдвое больше жалоб нежели 1934 г. Это свидетельствует о возросших требованиях нашего населения, это свидетельствует и о возросшем авторитете прокуратуры. Надо упорядочить прием и рассмотрение жалоб, внимательно относиться к ним, повысить квалификацию наших прокуроров, ибо они зачастую не могут помочь жалобщику из-за отсутствия должной квалификации.

т. ДРАГУНСКИЙ

(Прокурор Азово-Черноморского края)

После доклада т. Вышинского многое в Конституции стало нам гораздо понятнее. Я особенно хочу остановиться на том тезисе т. Вышинского, где он говорил, что опасность упрощенства, опасность упрощенческого подхода к пониманию Конституции является сейчас особо реальной опасностью. Это предупреждение очень серьезного порядка. Однако, мне кажется, что не прав т. Пригов, когда утверждал, что именно сейчас мы имеем наиболее злостные, как бы в противовес, в ответ Конституции, наиболее злостные нарушения революционной законности. Наоборот, мне кажется, что уже сейчас, по крайней мере в практике нашего края, под руководством краевого комитета партии, на основе новой Конституции разворачивается самая серьезная работа за укрепление революционной законности, в частности по двум направлениям; это борьба за действительность жалобы и борьба за строгое соблюдение колхозного устава.

Конечно, наивно было бы думать, что внедрение новой Конституции будет проходить без сопротивления отдельных звеньев нашего советского аппарата, и в этом смысле нам предстоит большая работа. Сколько здесь ни говорили о кадрах — удовлетворительного решения его мы не видим. Между тем, это основа основ вопроса, обеспечения по-новому работы в условиях новой Советской Конституции. Возьмите наш Азово-Черноморский край — 26 районов вакантны. Но это еще полбеды. Целый ряд людей, которые сейчас занимают пост районного прокурора, явно не соответствуют тем требованиям, какие сейчас предъявляются. Как же отвечает на этот вопрос т. Вышинский? В своей речи он ставит вопрос резче, чем в тезисах. Он говорит: если краевые, областные прокуратуры не возьмутся сейчас же, не боясь оголения участков, за пересмотр своих кадров, не поставят перед собой задачу выявить и выгнать лодырей, неграмотных, нерях и т. д., то они не решат основной задачи. Это верно, и я думаю, что неправы те товарищи, которые, боясь оголения участков, держат на работе явно негодных людей. Есть в нашей системе, среди наших работников люди безнадёжные, которых надо удалить, и чем скорее, тем лучше. Но это ведь только одна сторона в этом вопросе. Главная и ос-

новная сторона — пополнение наших кадров. Курсовые мероприятия требуют длительного периода времени. Основной вопрос, — каким образом получить сейчас новый массив работников в наши органы. Каждый из нас делает, что может в этом отношении, добиваясь от местных организаций соответствующих решений, мобилизации людей и т. д. Но все это — разрозненная, кустарная работа. Мне кажется, что пока не будет решения Центрального комитета нашей партии (а добиться этого решения — задача Союзной прокуратуры) — решения о том, чтобы наши партийные организации занялись этой работой вплотную, и работой по проверке наших кадров и работой по укомплектованию наших кадров людьми более высокого качества, чем это делалось до сих пор, — пока не будет такого решения, наши усилия не дадут ни нужного эффекта, ни нужных результатов.

Затем я думаю, что когда мы ставим вопрос об очистке наших рядов (вопрос совершенно правильно поставленный т. Вышинским), думаю, что т. Вышинский не будет отрицать и необходимости в то же время бережного отношения к кадрам, которые мы выращиваем. Я говорю о молодых, начинающих наших работников.

Я хочу остановиться еще на методах руководства периферией. Тут много говорилось о том, что крайне важен показ лучших образцов работы наших отдельных товарищей. Нужно сказать, что мы в Азово-Черноморском крае стали на этот путь. У нас, т. Вышинский, имеются следователи не только того порядка, о которых вы говорили, но есть и следователи, которые достойны лучшей похвалы. Мы это отметили в нашем приказе, и это вызвало большой энтузиазм и рост социалистического соревнования наших работников.

Чего нехватает в руководстве нами? Я думаю нехватает самого простого, самого важного — помощи нехватает. Мы имеем целый ряд циркуляров, приказов, целый ряд обследований со стороны Прокуратуры РСФСР, но как работать, как устранить те недостатки, которые имеются в нашей работе, — эти моменты слабо выражены в руководстве нами со стороны Прокуратуры РСФСР. Обследований у нас невероятное количество. К нам приезжают для того, чтобы взять несколько примеров отрицательного порядка, затем издают соответствующий приказ. Но нет того, чтобы нам дали конкретный показ образцов работы, чтобы приехал человек и посидел побольше, — такого показа работы, такой конкретной помощи в работе мы в достаточной степени не имеем. И, наоборот (я должен обратить на это внимание!) есть нечуткий, неправильный подход. Вот таким выступлением я считаю вчерашнее выступление т. Антонова-Овсеенко, когда он говорил об Азово-Черноморской прокуратуре. Прокуратура Азово-Черноморского края была, есть и будет одной из самых дисциплинированных. Правда, мы не смогли сразу перестроить работу на всех участках, и были серьезные неполадки. Но постепенно мы положение выправили и выправляем, и это констатирует сам т. Антонов-Овсеенко.

Не применяйте дисциплинарных наказаний в массовом порядке вопреки неоднократным, серьезнейшим указаниям партии, не применяйте дисциплинарных взысканий необдуманно.

(Прокурор Калининской области)

Товарищи, то, что Сталинская Конституция поднимает на новую высшую ступень вопросы законности — это, по-моему, сейчас каждому работнику прокуратуры достаточно хорошо известно. В докладе т. Вышинского эти вопросы были поставлены со всей остротой. Сейчас нам придется наметить целый ряд конкретных мероприятий, которые обеспечили бы выполнение поставленных перед нами задач. И тут мне хочется сказать следующее. Разве на прошлом совещании вопросы законности не стояли, разве на прошлых совещаниях не поднимали на известную ступень все те вопросы, которые сегодня поставлены на этом совещании, разве вопросы судебного надзора, вопросы следствия, вопросы общего надзора на наших прошлых совещаниях не стояли? Несомненно стояли, может быть не так остро, как сегодня, но стояли. Возьмите вопросы следствия, разве они не стояли у нас и раньше так остро? Правда, несколько лет назад с помощью НКЮ РСФСР следствие и отношение к следственным работникам были отодвинуты на задний план. Надо сказать, что вопросам следственной работы не уделяли достаточного внимания и работники мест. Мы говорим о том, что следователь является центральной фигурой, что мы должны заняться следствием, что мы должны повысить качество следствия и т. д. А что мы имеем на самом деле? По согласованию с т. Вышинским я ему показывал работы наших следователей Калининской области, правда, слабой группы. Тов. Вышинский имел возможность убедиться в том, что наши следователи пишут диктант, который содержит всего 200 слов и делают 50—40—30 ошибок. То же самое проделала Московская областная прокуратура, и получилась буквально та же картина. Я думаю, что если и другие краевые и областные прокуратуры проведут такое испытание, то и у них будет не лучшее положение, а может быть даже худшее. Что же мы должны в этом отношении делать?

Вот тут выступил т. Крыленко и заявил о том, что все сделано, что предприняты все шаги для того, чтобы разрешить целый ряд вопросов. Тов. Крыленко говорил относительно правовых школ, которых организовано у нас всего 30. Тов. Крыленко думает, что этими правовыми школами можно разрешить все вопросы. Мы виновны в том, что уделяли недостаточно внимания подбору людей в эти школы. (С мест: — А кто руководит школами — прокурор или председатель суда?). Руководит работник суда, но руководство этого лица недостаточно. Мы должны уделить правовым школам гораздо большее внимание, и людей туда нужно посылать таких, которые действительно могли бы занять должность районного прокурора. Прежде всего надо изменить содержание работы этих школ. Но я не знаю, кого мы сможем оторвать на один год со стипендией в 150 руб. (С места: — А кто преподает в школах?). Это тоже очень важный вопрос. Самое главное, что мы не можем отобрать лучшую часть наших людей, потому что установленная стипендия в 150 руб. явно недостаточна, такое материальное обеспечение абсолютно не дает возможности посылать в эти школы наших лучших товарищей.

Тов. Крыленко заявлял о том, что они все сделали для того, чтобы поднять материальное положение работников. Я думаю, что можно прямо сказать, что все то, что сделано, еще недостаточно. Все дело заключается в том, чтобы лучше поставить работу, а у нас пока в этом отношении дело обстоит из рук вон плохо. Здесь товарищи ссылались на документ, который разрешает все вопросы. У нас в Конституции записано, что прокуроры местные и республиканские подчиняются только Прокуратуре Союза.

Я спрашиваю вас, будет ли это независимый прокурор, если ему сегодня, для того чтобы обеспечить столовой работников районной прокуратуры, приходится добиваться денег в исполкомах? Я думаю, что это есть известное покушение на эту независимость и здесь надо изменить положение вещей. Надо, чтобы прокурор действительно чувствовал себя независимым в районе, округе или области. При том положении, какое мы имеем на сегодня, прокурор себя чувствовать независимым не сможет.

Говорили относительно того, что судьи независимы и подчиняются только закону, а прокуроры обязаны наблюдать за законностью действий всех местных органов власти. Но какой это будет прокурор, если он не будет знать законов? Как он будет осуществлять наблюдение за строгим проведением законности на местах, если он не будет знать законов? Ясно, что прокурор должен быть квалифицированным, он должен знать законы, чтобы иметь возможность оперировать этими законами. Наши законы выражают волю нашей партии и волю трудящихся нашей страны. Нужно, чтобы прокуроры овладели этими законами, умели бы надзирать за деятельностью местных органов власти и бороться с нарушителями их. В этом отношении дело у нас поставлено из рук вон плохо. Наши прокуроры знают законы недостаточно хорошо.

Я вас спрашиваю, каково будет положение с судьями, которые еще хуже знают наши законы. Что значит, что в Конституции записано, что судьи независимы и подчиняются только закону. Это значит, что судья должен хорошо знать законы, чтобы он мог им подчиняться. Ясно, что тот судья, который не будет знать законов, будет ежедневно извращать эту законность и ее придется восстанавливать, очевидно, каким-то другим органам.

В этой связи, по-моему, неправильно предложение т. Вышинского лишить районных прокуроров надзорных функций, и ликвидировать президиумы областных судов. Я думаю, что эти предложения являются ошибочными. Если хотите, мы по области внесли свыше 1 000 дел в порядке надзора в президиум областного суда. Я утверждаю, что количество этих дел не уменьшится, а увеличится, потому что вы будете требовать проведения строжайшей законности. Я спрашиваю, как мне быстро удастся восстановить то или иное нарушение права гражданина, если я не буду иметь возможности быстро разрешать эти вопросы на месте. По предложению же т. Вышинского, это дело мы должны внести в Верховный суд. По сообщению т. Крыленко, Верховный суд и сейчас не справляется с тем количеством дел, которое находится у него. А если вы прибавите дополнительное количество дел до 1 000 в год из каждой области, я вас спрашиваю — какой ну-

жен аппарат для Верховного суда, чтобы можно было обеспечить эту работу. Мне думается, что это — ошибочное положение и очевидно надо будет его пересмотреть.

т. РОЗОВСКИЙ

(Главный военный прокурор и ст. пом. прокурора Союза ССР)

В выступлении т. Назарова прозвучали некоторые нотки, которые очень характерны для ряда наших работников военной прокуратуры, и выражались ими в беседах до этого совещания. Это — соображения, сводящиеся к тому, что Конституция и в ее свете роль и задачи прокурорских органов собственно и не нуждаются в особом обсуждении. Она ничего не вносит в нашу работу. Мы должны, дескать, говорить о тех же вопросах, о которых говорили и всегда, ибо те же у нас и болячки. Само это совещание, исчерпывающий и всесторонний доклад т. Вышинского, прения по нему показали, что перед нами, работниками военной прокуратуры, как и перед территориальными прокуратурами, стоит огромное количество новых вопросов, раньше никогда перед нами не стоявших, которые сейчас необходимо разрешить. Само обсуждение показало, что мы должны всю нашу работу, работу всей системы военной прокуратуры самым решительным образом пересмотреть с точки зрения соответствия ее тем задачам, которые перед нами поставлены Сталинской Конституцией.

Мне хотелось бы затронуть несколько вопросов, может быть не столь больших, но вопросов, разрешение которых чрезвычайно важно для налаживания хорошей работы военных прокуратур.

Первый вопрос — о пределах распространения действия военной юстиции, иначе говоря — вопрос о подсудности военно-судебных органов. В свете новой Сталинской Конституции, самой демократической конституции во всем мире, следует пересмотреть вопрос о подсудности военно-судебных органов с точки зрения ее сужения. Нет ли явного противоречия между столь демократической Конституцией и теми широкими кругами населения, которые за свои незаконные действия подвержены воздействию органов военной юстиции. Правда, сама Конституция несколько демократизирует и военную юстицию. В новой Конституции сказано о выборности не только общих судов, но и о выборности специальных судов, т. е. выборности также и состава военных трибуналов. (Кузнецов: — Этого нет). Если вы, т. Кузнецов, говорите, что этого нет, то это свидетельствует о том, что вы не вчитались в Конституцию и отражаете как раз нагромождение тех, которые ничего у себя менять не хотят, а хотят приноровить Конституцию к тому, что сейчас есть. Устанавливаемая Конституцией выборность всех судов в значительной мере демократизирует и наши специальные суды. И все-таки, мне кажется, остается чрезвычайно противоречащим основным принципам Сталинской Конституции то положение, когда должностные правонарушения, скажем, работников пожарных команд в Советском союзе должны быть подсудны военным судам. Или, к примеру, спортивная, Осоавиахимовская авиация горно-спасательные станции, некоторые органы связи и т. д. — не годится это; это не вяжется

с тем демократическим духом, которым пропитана вся Конституция. Да этого, по существу, и не нужно. Наша диктатура пролетариата крепка и будет все больше и больше укрепляться и без этих совершенно ненужных мероприятий.

Я не считаю возможным конкретно разрешить на совещании вопрос о том, какие объекты должны быть изъяты, но обсудить этот вопрос мне представляется чрезвычайно целесообразным. Я бы пошел и на то, чтобы изъять из подсудности органов военной юстиции и милицию.

Ведь, если даже формально подойти к вопросу, то мы увидим, что Положение о прохождении службы начальствующего состава милиции резко отличается от Положения о прохождении службы начальствующего состава УГБ и РККА. В то время как работники УГБ приравнены к начальствующему составу войск НКВД, состоящему на особом учете и т. д., в отношении начальствующего состава милиции — это не оговорено. Начальствующий состав милиции — это такие же лица начсостава РККА или войск НКВД запаса, как и все граждане.

Этот вопрос нужно обсудить и потому, что нам правильно обслуживать милицию гораздо труднее, чем территориальной прокуратуре, потому что мы с милицией не связаны оперативно, мы не знаем ее оперативной работы, тогда как с работой органов УГБ мы связаны, мы знаем в значительной мере их оперативную деятельность и потому правильно можем проверить необходимую судебную политику, — в отношении милиции этого нет.

Как видите, я иду по пути удовлетворения претензий т. Радченко и других; однако, исхожу из совершенно иных предпосылок. Я считаю заявление т. Радченко относительно «ручных» прокуроров просто непристойным. Чего вы, собственно, хотите? Основной упрек, который мы всегда слышим относительно обслуживания нами орг. НКВД, относительно работы военных прокуратур войск пограничной и внутренней охраны, это — то, что вы возбуждаете уголовное преследование против нарушителей закона, а мы преследование прекращаем. Вам уже здесь ответили о том, в какой мере право пользования автомобилем определяет «ручной» характер прокурора. Но не в этом дело. Мы никогда не согласимся и никогда не пойдем по такому пути, чтобы за каждый незакономерный арест, который даже был установлен вами в органах НКВД, обязательно предавать виновных суду. Во многих случаях достаточно ограничиться дисциплинарным арестом или другим взысканием.

А ведь вы часто возбуждаете дела зря. Дается устная санкция одним, а другой иногда актирует этот факт, как арест без санкции. Я отнюдь не хочу защищать работников нашей системы и объявлять их безгрешными. У нас имеется ряд прокуроров, работающих очень неплохо, есть и ряд прокуроров, работающих плохо. Мы крепко бьем за неправильное прекращение дел. Пусть скажут те краевые прокуроры, которые нам сообщали о неправильных действиях прокуроров, как мы били и били сильно наших прокуроров, когда они оказывались неправыми.

Скажите, товарищи, кого надо назвать «ручным» прокурором — того ли, который прекратил дело милиционера, задержавшего незакон-

но человека на один день, или того, который дает санкцию на арест, когда это абсолютно не вызывается необходимостью. Вот, возьмите пример: в Черноморском флоте наш прокурор Войтеко долгое время весьма энергично борется по одному делу и никак не хочет дать санкцию на арест одного краснофлотца, заявляя, и вполне справедливо, что для этого нет достаточных оснований. Тогда работник НКВД идет в территориальную прокуратуру, и гражданский прокурор Крыма дает эту санкцию, не зная дела, критически не рассмотрев материала и формально не имея на то права. О чем это говорит? Кто ручной прокурор?

Однако и я в этом случае не позволю себе заявить, что мы имеем здесь «ручных» прокуроров. Мы просто имеем негодных районных прокуроров также, как и некоторых негодных военных прокуроров — это несомненно.

Хочу остановиться еще на двух вопросах, имеющих для нас актуальное значение.

Вопросы административного надзора. Тут надо сказать, что у нас об этой работе забыли вообще. Ранее она была широко развернута и сейчас ее надо воскрешать.

У нас в ряде мест еще не изжито терпимое отношение к нарушениям законов, допускаемых военными служащими и, прежде всего, лицами начальствующего состава в отношении местного населения. Особенно это касается вопросов населения, захвата земель и т. п. Пора с такими настроениями покончить. Необходимо, чтобы военные прокуроры усвоили твердо, что непрекословное выполнение законов со стороны представителей военной власти является необходимым, первейшим условием авторитетности армии и уважения к ней со стороны населения, без чего воевать нельзя будет. А мы имеем такие случаи, когда, например, в одном из районов командир полка выбрасывает из казарм рабочих, чтобы заселить эти казармы военными служащими. Может быть по существу эти казармы должны быть отведены военным служащим, но нельзя это делать с полным нарушением и игнорированием прав граждан, пренебрежением к их личности.

В судебной работе у нас возникает также ряд вопросов. Я только перечислю их. Вопрос о заседаниях в Военном суде. Надо сказать, что у нас сейчас нет строго установленной системы комплектования этих заседателей.

Вопрос о защите. Тут были высказаны две крайние точки зрения. Первая — т. Войтеко, который претендует уже даже на определенный внешний вид защитника. И другая точка зрения, которая считает, что защита вообще не нужна. Мне трудно подробно проанализировать выступление т. Сольца из-за недостатка времени. Но должен заявить, что мне очень странно его многие откровения. Здесь много неверного им было сказано. Тов. Сольц сказал, что к истине можно идти только одним путем (Сольц: — Я так не говорил). Вы сказали, что истина едина и сделали отсюда вывод, что раз истина едина, то к ней нельзя идти разными путями. Нечего и говорить, что это совершенно неверное утверждение. Возьмите любой марксистский учебник диалектики и найдете по этому поводу много высказываний. Вы выходите в этом вопросе даже за пределы вопроса о защите и суде. По существу вы отрицаете возможность рассмотрения любого вопроса с разных сторон. В вопросах

защиты это у нас получилось потому, что по существу вы оторваны несколько от нашей практики. (Сольц: — Я не против того, чтобы была защита). Тогда у нас с вами расхождений нет по этому вопросу. А для РККА вопрос о защите очень актуален. Наши части расположены в таких местах, где вообще защитников нет и мы вынуждены слушать часто дела без участия сторон. Этот вопрос надо проработать.

У нас очень плохо с участием в судебных заседаниях. У нас создалось такое положение и я думаю, что это относится и к гражданским прокуратурам, что прокурор только тогда выступает в суде, когда процесс носит показательный характер. Но, когда нужно помочь суду разобраться в уликах, когда разбирается сложное, запутанное дело, тогда наш прокурор не выступает. Много ли мы знаем таких процессов, как например, процесс Семенчука, на котором выступал т. Вышинский. Наши прокуроры не выступают, когда им нужно выступать в качестве стороны, когда все дело построено на косвенных доказательствах, когда нужно прокурору и защите помочь суду разобраться в этих доказательствах. В таких случаях наши прокуроры не выступают.

т. БАРКОВ

(Прокурор Западносибирского края)

Доклад т. Вышинского помимо своей очень большой практической значимости для работников юстиции имеет то значение, что он обогатил наш теоретический багаж и тем самым облегчил нашу работу по пропаганде проекта новой Конституции.

В свете проекта Сталинской Конституции эпохи социализма наиболее рельефными делаются все недостатки нашей работы. Поэтому сейчас сводить всю роль к тому, чтобы несколько организационно перестроиться и изменить название секторов, будет неверным. Не этого требуют от нас сейчас. От нас требуют, как мне кажется, изменения работы по существу.

Речь идет о защите интересов социалистического государства и о защите прав и интересов всех граждан, а прав новая Конституция дает много.

Несколько слов по основным вопросам. Очень много говорили здесь о кадрах. И надо сказать, что тут был такой специфический **уклон** — говорили преимущественно о правовой подготовке, о юридической подготовке. Это неплохо, ибо среди наших работников многие имеют специальные юридические знания, но мне кажется, что надо этот вопрос расширить. Неплохо было бы, если бы у нас дело поставили таким образом, как оно ставится сейчас в системе Народного комиссариата внутренних дел, где перед каждой группой работников ставится задача — в определенный промежуток времени выдержать экзамен за семилетку, в определенный промежуток времени выдержать экзамен за десятилетку. В больших городах у них открылись школы, целые комбинаты, они этих работников освобождают раз в пятидневку на весь день, один раз в пятидневку на полдня. Правда, дело это требует больших капиталовложений — на его финансирование отпущены громадные средства. И вот когда мы говорим о подготовке кадров

нашей системы, мы это обстоятельство не должны упускать.

Очень много говорилось о притоке к нам свежих сил. Я не сомневаюсь, что партия дает нам энное количество работников, но и их тоже надо готовить. Нельзя недооценивать вопроса о переподготовке кадров. Если поставить как следует эту переподготовку, то мы из многих, не отвечающих сейчас своим требованиям, товарищей сделаем неплохих прокуроров, неплохих народных следователей. Кого легче подготовить для нашей системы: человека, которого нам дадут извне, который никогда не работал в органах юстиции, или человека, имеющего некоторый стаж практической работы, но не проходившего теоретической подготовки?

За последнее время по инициативе Прокуратуры РСФСР, при ее помощи, мы несколько улучшили следственное дело. Сейчас почти каждый край выпускает свой бюллетень. Мне кажется, это не совсем верно. Я не против того, чтобы каждый край издавал бюллетени по вопросам своей оперативной работы, бюллетени, мобилизующие наших работников, держащие их в курсе действительного положения дел. Но разработку методических писем непосредственно на местах я считаю неверной. Это дело должно взять на себя Прокуратура Союза. Почему? Потому, что если нужно составить методическое письмо по расследованию, допустим, дел, относящихся к закону от 8/XII 1933 г., то с точки зрения методологии расследование нужно вести одинаково и в Казахской республике, и в Восточносибирском крае и в Сталинградском крае и т. д. Когда же издадут много методических писем — это уже не плюс в работе, а минус.

О нашем удельном весе в расследовании. В первом полугодии 1935 г. мы занимались следствием по 17% дел, сейчас же за полугодие у нас в крае удельный вес в расследовании дел достигает почти 30%. А если взять те дела, которые оглашал Андрей Януарьевич, то это составит, насколько я смог бегло подсчитать, 72—75% всех дел, подследственных народным следователям. Отсюда, следователи должны будут направлять в суд не 7—8 дел с обвинительным заключением, а 20 и более дел. С такой работой наш следственный аппарат при существующих штатах не справится.

В первой половине 1935 г. с нашим участием было рассмотрено в подготовительных заседаниях 11% дел. Во втором полугодии 1935 г. с нашим участием рассмотрено 20% дел. В первом полугодии 1936 г. рассмотрено с нашим участием в подготовительных заседаниях по крайней мере 58% всех дел.

Процент этот как будто бы не маленький, но сказать, что мы добились успеха на фронте судебного надзора, нельзя. Одно дело, когда прокурор участвует в заседании, является докладчиком и отстаивает свою точку зрения, и другое дело, когда он участвует в качестве слушателя и соглашается с заключением или не соглашается.

Было бы правильно, если бы новый УПК имел статью, которая говорила бы, что ни одно дело, по которому обвиняемый приговорен к лишению свободы, кассколлегия не может рассматривать без участия прокурора.

т. ПАЛЬГОВ

(Ленинградский областной прокурор)

Я думаю, что первый вывод, который надо будет сделать из нашего совещания, заключается в том, чтобы понять, что задача прокуроров областей и краев — разъяснить всему нашему прокурорско-следственному составу все то, что вытекает для нашей работы из нового проекта Сталинской Конституции. Думаю, не ошибусь, если скажу, что многие из областных прокуроров и наши районные прокуроры не достаточно уяснили себе всю огромность прав и обязанностей, которые на нас возлагаются в связи с новой Конституцией, и все те трудности, перед которыми мы сейчас стоим.

Для того чтобы успешно выполнить задачи, которые на нас возлагаются, мы обязаны совершенно ясно представить себе их и знать, как их выполнить. Мы должны быть готовы к тому, чтобы преодолеть любую трудность, а, чтобы преодолеть их, нужно их знать.

Основная трудность, с которой мы встретимся при выполнении задач, возложенных на нас новой конституцией, это будут кадры. Наша задача заключается в том, чтобы знать каждого своего работника по-настоящему. Только при этом условии мы сумеем показать перед прокурором республики и перед прокурором Союза каждого человека в действительном его свете. Если вы вспомните, какую «неприятную» обязанностью мы считали аттестации и характеристики о работниках, то вы поймете, какая громадная работа возлагается на нас в этом деле. В силу методов работы в прошлом мы часто не знали наших работников в совокупности, со всех их сторон.

Совершенно естественно, что в результате проверки состава наших работников, у нас будет значительный отсев. Мы должны будем чем-то его восполнить. Одним из источников этого пополнения должен быть возврат в нашу систему бывших прокурорско-следственных работников. Мы попытаемся это сделать через местные партийные организации. Но было бы очень хорошо, если бы этот вопрос был поставлен Прокуратурой Союза перед Центральным комитетом нашей партии, чтобы ЦК дал соответствующие указания краевым и областным партийным комитетам.

Надо будет шире развернуть институт практикантов. Надо шире поставить этот институт практикантов, чтобы обеспечить себе необходимые кадры и для руководящей работы.

В связи с большими задачами, возлагаемыми на органы прокуратуры, я думаю, совершенно правильным будет поставить вопрос материальном положении работников прокурорско-следственного аппарата. Нужно, чтобы они обеспечивались только по государственному бюджету. Правда, в отношении материального положения мы добились улучшения в сравнении с прошлым, но в сравнении с теми задачами, которые перед нами стоят, мы обеспечены неудовлетворительно.

Если т. Вышинский, сейчас, поездите по районам, то вы увидите, что районные прокуроры жалуются на одно: «я неподвижен, если бы я был подвижен, я мог бы сделать значительно больше». Поэтому основная забота, которая сейчас стоит перед нами, это сделать прокурора подвижным.

Об этом особо нужно сказать и относительно следователей, когда мы ставим вопрос

увеличении числа дел, подследственных следователям.

Относительно общего надзора. Я считаю правильным, что нужно как-то определить объем работы по общему надзору. Вместе с тем я считаю, что необходимо поставить дело так, чтобы было значительное количество людей, обязанных вместе с нами бороться за соблюдение социалистической законности. Я говорю о юрисконсультах. Вы знаете, что имеется положение о бухгалтерях, говорящее о том, как бухгалтер обязан соблюдать кредитную и финансовую дисциплины.

Я ставлю вопрос, чтобы было выработано положение о юрисконсультах.

Резолюция по докладу прокурора Союза ССР тов. А. Я. Вышинского

Всесоюзное совещание работников Прокуратуры, обсудив доклад прокурора Союза т. А. Я. Вышинского о проекте Конституции и задачах органов юстиции, горячо и восторженно приветствует новую Конституцию, как акт величайшего, всемирно-исторического значения.

Сталинская Конституция социалистического государства рабочих и крестьян, рожденная великими победами социализма в нашей стране, открывает новую блестящую страницу в истории советского государства, как особой формы пролетарской диктатуры. Разгром капиталистических классов и их окончательная ликвидация в результате победы социалистической системы хозяйства и лежащей в ее основе священной и неприкосновенной общественной, социалистической, собственности, громадный подъем материального благополучия миллионных трудящихся масс, расцвет новой социалистической культуры, — вот что отражает собою проект великой Сталинской Конституции победившего социализма.

На основе советской власти и пролетарской диктатуры еще шире разворачивается советская демократия, обеспечивающая непосредственное активное участие в управлении государством миллионов и миллионов трудящихся. Выражением великих принципов пролетарской демократии в нашу эпоху является всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право и провозглашаемые проектом Конституции основные права и обязанности граждан СССР.

Капиталистический мир, лицемерно провозгласивший такие принципы демократизма как всеобщее, равное, прямое и тайное избирательное право, как неприкосновенность личности, свобода слова, печати, собраний и т. п., превратил их на деле в прикрытие эксплуатации и угнетения трудящегося народа. Ни одна капиталистическая страна, самая «демократическая» и «свободная» никогда не знала ни действительной демократии, ни подлинной свободы. Государство частной собственности и эксплуатации человека человеком несовместимо ни с настоящей демократией, ни с настоящей свободой.

Только СССР, утвердивший диктатуру пролетариата, уничтоживший частную собственность на средства производства и эксплуатацию человека человеком, организовавший но-

Было бы правильно поставить вопрос о том, чтобы за несоблюдение соцзаконности в органах несли ответственность областные центры. Я поставил этот вопрос в Ленинграде. Заведующие областными отделами никак не могли понять, что они отвечают за деятельность их районных отделов.

Последний вопрос — о жалобах. Я думаю, что значительная доля волокиты в отношении жалоб проистекает из того, что у нас не соблюдается законом установленный порядок рассмотрения жалоб, а этого порядка мы должны добиться всеми силами.

вый социалистический строй, опирающийся на общественную собственность на средства производства, может обеспечить и обеспечивает в действительности подлинный демократизм и осуществление подлинных прав человека и гражданина.

Новая Конституция поднимает на громадную политическую высоту роль и значение советского закона и советского права как творческих факторов борьбы за окончательное построение в Союзе ССР социализма, борьбы за коммунизм.

Проект новой Сталинской Конституции обеспечивает дальнейшее развитие и расцвет советского закона, как могучего орудия пролетарской диктатуры и пролетарской демократии, дальнейшее развитие и расцвет советского права, как права социалистического, стоящего на страже великих принципов социализма, и опирающегося на них нового общества, защищая всей силой своего авторитета и влияния интересы социалистического государства рабочих и крестьян и неразрывно связанные с ними интересы всех трудящихся, всех граждан нашей великой родины.

На основе общественной, социалистической собственности развилось и окрепло наше социалистическое право. Проект Конституции, требующий от каждого гражданина Союза ССР «беречь и укреплять общественную, социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной, культурной жизни всех трудящихся», и объявляющий всякого покушающегося на эту социалистическую собственность врагом народа, вновь и вновь ставит перед органами юстиции и, в первую очередь перед работниками прокуратуры, задачи исключительного политического значения.

Победа социализма в Союзе ССР в решающей степени находит свое отражение и в содержании и характере советского права, завершившего к настоящему времени процесс своего развития как права социалистического, поднявшегося на высоту великих требований нашей великой социалистической эпохи.

Проект Сталинской Конституции отводит советскому закону и органам суда и прокуратуры почетную и чрезвычайно важную роль в деле

борьбы за социализм. Совещание, целиком одобряя предусмотренную проектом Конституции организацию НКЮ Союза, как высшего органа по управлению судами и для проведения единой судебной политики, и, глубоко сознавая громадную ответственность, лежащую на органах Прокуратуры перед Страной советов, Всесоюзное совещание работников прокуратуры полностью одобряет предложенные Прокуратурой Союза ССР мероприятия по дальнейшему улучшению работы следственно-прокурорских органов.

Всесоюзное совещание работников прокуратуры постановляет:

I.

Исходя из необходимости привести структуру органов прокуратуры в соответствие с требованиями, предъявляемыми партией и правительством к органам прокуратуры в борьбе за социалистическую законность, одобрить перестройку органов прокуратуры на местах и в центре вплоть до Прокуратуры Союза ССР на началах, изложенных в докладе прокурора Союза.

II.

Учитывая роль, отводимую проектом Конституции органам прокуратуры в деле надзора за законностью и борьбы за укрепление советской государственной дисциплины, обратить особое внимание всех прокуроров на усиление надзора за законностью действий наркоматов, их местных органов, должностных лиц и всех граждан Союза ССР.

В этих целях принять все меры, обеспечивающие систематическое и активное наблюдение за всякого рода распоряжениями, приказами, постановлениями отдельных органов советской власти и должностных лиц, немедленно опротестовывая незаконные постановления и не прекращая своей борьбы до полного удовлетворения прокурорских протестов.

Обратить особое внимание прокуроров автономных и союзных республик, краевых, областных прокуроров, прокуроров военных округов, железных дорог и водных бассейнов на особую серьезность этой задачи, поставленной перед органами прокуратуры проектом Сталинской Конституции.

III.

В борьбе за советское правосудие, за правильно организованную и осуществляемую в соответствии с принципами ленинско-сталинской судебной политики работу судебных органов, работники прокуратуры — от районных прокуроров до прокуроров республик и руководителей управлений и отделов Союзной прокуратуры — должны развернуть громадную активность и инициативу.

Новая Конституция обеспечивает советскому суду, и в частности, и в первую очередь, народному суду, избираемому на основе всеобщего, равного, прямого и тайного голосования, громадный общественный и политический авторитет. Задача работников прокуратуры заключается в том, чтобы обеспечить со своей стороны укрепление и незыблемость этого авторитета. Работники прокуратуры должны давать беспощадный отпор всякого рода извращениям, мешающим советскому суду занять то особенное место в системе органов советского государства, какое ему отводится проектом Сталинской Конституции.

Свое участие в работе судебных органов и, в частности, в судебном заседании работники прокуратуры должны построить на полном уважении к провозглашаемому Сталинской Конституцией основному принципу судебной деятельности, выраженному в ст. 112 в следующих словах: «Судьи независимы и подчиняются только закону». Уважение к советскому суду, хранителю советского закона, является одной из самых важных обязанностей прокурора. На обязанности прокурора должна лежать эта задача всемерной охраны авторитета советского суда и советского закона и решительной борьбы со всякими проявлениями неуважения к советскому суду, к приговорам, решениям и иным постановлениям судебных органов.

Вместе с тем прокуроры должны осуществлять тщательное и точное наблюдение за законностью и правильностью выносимых судами решений и приговоров, неуклонно опротестовывая всякие нарушения советских законов и добиваясь — путем своевременного принесения кассационных протестов и протестов в порядке надзора — немедленного и исчерпывающего исправления допущенных судом ошибок.

IV.

Прокуроры должны помнить, что качество работы судебных органов по уголовным делам стоит в прямой зависимости от качества предварительного расследования. В деле организации предварительного расследования все еще имеются крупнейшие, совершенно недопустимые недостатки (обвинительный уклон, неумение в ряде случаев найти виновных и убедительно обосновать обвинение, медлительность расследования, зачастую встречающаяся безграмотность следственных документов, грубые ошибки в квалификации преступлений и т. д.). Неудовлетворительное состояние расследования объясняется не только слабой квалификацией ряда следователей, но и невниманием и формальным отношением к делу руководства предварительным расследованием со стороны прокуроров. Не должно быть в системе прокуратуры ни одного мало квалифицированного следователя, не должно быть ни одного прокурора, не интересующегося следствием и не подготовленного к оперативной следственной работе, неспособного в силу этого руководить следственным делом.

Всесоюзное совещание считает обязательным организацию систематической работы специально по повышению квалификации следователей и, в частности, народных следователей и по овладению прокурорами всей техникой следственной работы.

V.

Перед лицом чрезвычайно важных задач, поставленных новой Конституцией перед органами прокуратуры, приобретает особенное и исключительное значение правильная организация работы самой прокуратуры.

Построенная по принципу строгой централизации и единоначалия, являясь «единой и нераздельной», прокуратура в работе всех звеньев своего аппарата, от районной прокуратуры до прокуроров союзной и автономной республики должна давать образцы:

а) беспредельной преданности делу социализма, делу великой партии Ленина—Сталина;

б) высокой политической и специальной квалификации каждого из работников своей системы;

в) высокой сознательной пролетарской дисциплины и беспрекословного большевистского исполнения своего прокурорского долга.

Совещание решительно осуждает всякого рода нарушения служебной дисциплины, недооценку со стороны отдельных товарищей строгой централизации и единоначалия в работе прокуратуры, как и недооценку роли и значения в работе органов прокуратуры подлинной большевистской самокритики.

VI.

Всесоюзное совещание обязывает всех руководителей прокуратуры — прокуроров союзных, автономных республик, краев, областей и руководителей специальных прокуратур систематически изучать свои кадры, принимая решительные меры к повышению политической и теоретической квалификации работников прокуратуры.

Всесоюзное совещание подчеркивает особое значение в деле повышения квалификации правильно организованного руководства этой областью работы со стороны Прокуратуры Союза и особую роль, которую играют и должны еще более сыграть в этом деле журнал «Социалистическая законность» и работа секций Института уголовной политики.

Вместе с тем Всесоюзное совещание выражает пожелание о наиболее полном и своевременном освещении на страницах журнала «Социалистическая законность» всех важнейших вопросов теории и практики советского права, а также мероприятий по улучшению работы суда и прокуратуры.

VII.

В свете новой Конституции приобретает особое значение охрана интересов и прав граждан СССР и, в частности, защита неприкосновенности личности. Перед органами прокуратуры стоит задача так организовать свою работу, чтобы никто не мог быть подвергнут аресту иначе как с санкции прокурора в полном соответствии с действующими уже в настоящее время директивами.

Особое внимание органы прокуратуры должны обратить на защиту имущественных прав и интересов граждан. Необходимо положить конец пренебрежительному отношению к так называемым делам, с одной стороны, частного обвинения и, с другой стороны, гражданским делам. Участие прокуратуры в гражданских делах и в делах частного обвинения должно быть обязательным во всех случаях, когда эти дела затрагивают существенные интересы трудящихся. Это особенно надлежит иметь в виду при проведении в жизнь таких законов, как закон от 28 июня 1936 года.

VIII.

Направляя особое свое внимание на борьбу за общественную, социалистическую собственность, за укрепление советской дисциплины и на борьбу со всякого рода антигосударственными явлениями и прямыми контрреволю-

ционными преступлениями, органы прокуратуры должны в то же время обратить особое внимание на борьбу и со всякого рода бытовыми преступлениями, представляющими собой посягательство на права и интересы граждан и мешающими укреплению и расцвету дальнейшего материально-культурного благополучия трудящихся.

Прокуратура должна со всей беспощадностью бороться со всеми указанными выше преступлениями и, в частности, с такими, как грабежи, воровство, кражи, хулиганство и т. п. преступлениями, дезорганизующими социалистический правопорядок и наносящими ущерб материальному и культурному благополучию граждан Союза ССР.

Особое внимание должно быть уделено делу приема и рассмотрения органами прокуратуры жалоб.

Внимательное и чуткое отношение к жалобщику, тщательное и добросовестное изучение жалоб, быстрые и решительные мероприятия органов прокуратуры по жалобам — вот минимум требований, предъявляемых нами к работникам прокуратуры в этой области.

Организация дела рассмотрения жалоб должна быть построена органами прокуратуры в точном соответствии с постановлением III пленума Комиссии советского контроля, давшего по этому вопросу исчерпывающие указания.

IX.

Всесоюзное совещание напоминает всем прокурорам и особенно руководителям отдельных частей прокурорской системы, что важнейшая задача управления заключается в проверке исполнения. Правильно организованное руководство всей периферией возможно только на основе правильно организованного учета, контроля и проверки исполнения.

Отмечая крупнейшие недостатки в деле учета прокурорской работы, организации контроля и проверки исполнения, порождающие волокиту, бюрократизм и безответственное отношение прокуроров к своим обязанностям, Всесоюзное совещание прокуроров подчеркивает абсолютную недопустимость такого положения и настаивает на немедленном устранении этих недостатков. Прокуроры союзных и автономных республик, краевые, областные прокуроры, прокуроры военных округов, ж. дорог и водных бассейнов должны нести личную ответственность за допущение волокиты, халатности, недисциплинированности в работе своего аппарата. Борьба за дисциплинированность и четкость работы не только прокуроров и следователей, но и технического аппарата прокуратуры должна составить одну из важнейших забот руководящих работников прокуратуры.

Всесоюзное совещание работников прокуратуры выражает твердую уверенность в том, что на основе новой Сталинской Конституции, под руководством коммунистической партии, во главе с Центральным комитетом и гениальным учителем и вождем советского народа товарищем Сталиным, задачи, поставленные перед органами прокуратуры нашей великой социалистической родиной, будут правильно поняты и успешно разрешены всеми работниками прокуратуры.

Харьковскому областному прокурору т. Брону

Дорогой Михаил Исаакович!

Всесоюзное совещание прокуроров глубоко сожалеет, что гнусная вылазка врага лишила Вас возможности принять участие в нашем совещании. Пущенная в Вас врагом пуля лишний раз доказывает остроту сопротивления классово враждебных и иных антиобщественных элементов делу социализма, пытающихся мстить и советской власти и ее преданным работникам.

В ответ на выстрел классового врага мы, работники прокуратуры, удвоим нашу больше-

вистскую бдительность, еще теснее сплотим свои ряды вокруг партии Ленина — Сталина и ее великого вождя и учителя — товарища Сталина.

Желаем Вам, дорогой Михаил Исаакович, полного выздоровления для дальнейшей стойкой, большевистской борьбы за дело социализма.

По поручению созвещения: А. ВЫШИНСКИЙ

Г. ЛЕПЛЕВСКИЙ

Г. РОГИНСКИЙ

А. СОЛЬЦ

О детях преступников¹

28 июня настоящего года советская власть издала постановление о запрещении абортов и увеличении материальной помощи многодетным, а также об увеличении сети детских садов, яслей и домов родильных. Партия и советское правительство с огромным напряжением следят затем, как наших детей просвещают и воспитывают. Об этом свидетельствуют последние постановления о работе Наркомпроса и педологов.

Я на своей прокурорской работе наткнулся еще на одно явление из мира детей, на который следует обратить внимание. И в нашем Союзе, к сожалению, имеется огромное количество преступлений, которые требуют сурового наказания, долголетнего лишения свободы. Мы, прокуроры, требуем суровых приговоров, суды их выносят. Мы в местах заключения организуем работу для приговоренных и очень много уделяем внимания тому, чтобы их на этой работе исправить и вернуть в

наше трудящееся общество, и мы в этом успеваем. Но как быть с оставшимися по их изъятии детьми? Матери и сами дети осаждают нас, молят о помощи, требуют освобождения их кормильцев, а мы очень мало можем им помочь. Мне кажется, что в каждом приговоре должен решаться вопрос о детях, где и как они должны жить, чем должны им помочь общественность и государство. Вопрос о детях должен иметься в виду и при вынесении приговора. Этот вопрос никак не может быть обойден и должен разбираться судом, и указания на этот счет должен иметь права давать прокурор — участник процесса. Я думаю, что на нашей обязанности, на обязанности прокуратуры, поставить этот вопрос перед партией и правительством. Как нам быть с детьми преступников? Дети за отцов не отвечают — сказал великий и мудрый Сталин. А пока детям приходится отвечать, отвечать крепко и много.

Я. БРАНДЕНБУРГСКИЙ

Вопросы переподготовки судебных кадров

Победа социализма в СССР, невиданный в истории рост творческой энергии и инициативы, самостоятельности и энтузиазма трудящихся масс, широкое развертывание советской демократии, создающее условия для расцвета личности, сталинская забота о человеке, — все это подняло на очень высокую ступень мощь и авторитет нашего советского государства, государства свободных тружеников социалистического общества.

Являясь в руках государства мощным оружием в деле воспитания трудящихся к социалистической дисциплине и самодисциплине, советский суд должен быть подлинно народным судом, действительно независимым и подчиненным только закону, как это сказано в ст. 112 проекта Сталинской Конституции. Это будет суд наиболее демократичный во всем мире.

В осуществлении задач, которые стоят перед советским судом, он за последние годы достиг заметных успехов, но суд все еще продолжает отставать от тех высоких требова-

ний, которые к нему предъявляют в настоящее время и которые к нему особенно будут предъявлять, в свете новой Сталинской Конституции, наша партия, правительство и широкие трудящиеся массы.

Много крупнейших недостатков остается еще в работе суда. О неудовлетворительном качестве работы ряда народных судов, этой основной ячейки советского суда, говорит хотя бы тот факт, что по РСФСР за 2 полугодие 1935 г., в результате кассационной проверки, утверждено лишь 62,3% приговоров, отменено 14,5%, и вовсе прекращено производством 6,3% т. е. свыше 20% приговоров народных судов по РСФСР представляют собой брак, и при том брак наиболее вредный, ибо объектом этого брака является живой че-

¹ Редакция обращает внимание на чрезвычайную важность поднятого т. Сольцем вопроса и просит товарищей высказаться по этому вопросу.

людей, свободный человек наиболее свободной в мире страны. В чем основная причина неудовлетворительной работы суда вообще и народного судьи в частности? Подавляющее большинство народных судей, доходящее местами до 90%, члены ВКП(б) и ВЛКСМ; среди 3700 народных судей РСФСР—1372 рабочих (45%), 834 крестьян (27%); 825 служащих (28%); в УССР из 762 народных судей—502 рабочие. Из 762 народных судей УССР—431 чел. имеют стаж практической судебной работы от 5 до 10 лет; из 3700 народных судей РСФСР, по неполным данным, 1121 чел. также имеют судебный стаж не ниже 5 лет.

Таким образом с точки зрения социально-партийной прослойки и с точки зрения судебного стажа состав суда нельзя не признать удовлетворительным.

Причина невысокого качества работы отдельных судов, причина высокого процента судебного брака лежит главным образом в отсутствии у основной массы судебных работников достаточной образованности и особенно в отсутствии специальной правовой подготовки. При достаточно высоком судебном стаже работников юстиции, при вполне удовлетворительной социально-партийной прослойке судебных работников исключительное внимание руководящих органов суда должно быть направлено сейчас больше, чем когда бы то ни было до сих пор, на повышение общего образования и юридической квалификации наших судей. В равной мере это относится и к работникам прокуратуры и следствия.

Подготовка и переподготовка правовых кадров, приобретая в настоящее время исключительно большое значение, в буквальном смысле слова перерастает уже в вопрос огромной политической важности.

Тем не менее и несмотря на то, что наши работники чрезвычайно нуждаются в повышении юридической квалификации, мы вынуждены констатировать, что изданный 5 марта 1935 г. Президиумом ЦИК и СНК СССР специальный закон, предусматривавший ряд очень существенных мероприятий, направленных к дальнейшему развертыванию и улучшению подготовки правовых кадров, в жизнь проводится далеко не так, как этого следовало ожидать.

В самом деле, в общем по всему СССР контингент переподготовки правовых работников через годовые правовые школы на 1935 г. был определен указанным выше постановлением в 1300 человек, через 6-месячные курсы—в 1750 человек, через 3-месячные курсы—в 1970 человек, а всего по курсовой сети контингент был определен в 5020 человек.

Переподготовлено фактически по всему СССР—4843 чел.

Таким образом, контрольные цифры по всему СССР в общем не выполнены всего только на 177 единиц. Казалось бы, что закон проводится в жизнь успешно, но этого утверждать в коем случае нельзя вследствие исключительной неравномерности, которая отмечается в выполнении плана по отдельным союзным республикам. Оказывается, что такое почти полное выполнение плана по всему СССР в значительной мере получилось за счет перевыполнения плана в РСФСР, в то время как в других союзных республиках процент невыполнения установленного союзным правительством плана по правовому образованию очень высок. Так например, в правовых школах и на краткосрочных курсах УССР в 1935 г. должно

было обучаться по постановлению СНК СССР 1010 чел., а обучалось фактически лишь 505 чел., т. е. ровно 50%. Контрольные цифры по БССР по подготовке судебных работников через правовую школу и курсы в 225 чел. не выполнены: в 1935 г. переподготовлено только 120 чел. В одногодичной правовой школе Туркменской ССР вместо 50 чел. по плану обучается только 20 чел., в Таджикской ССР годовичная правовая школа на 40 чел. и краткосрочные курсы на 90 чел., из-за отсутствия учебного помещения, до сих пор еще не организованы. В Азербайджанской ССР, при плане переподготовки 190 чел. через курсовую сеть, в 1935 учебном году фактически переподготовлено через годовичную правовую школу 40 чел., а 6-месячные и 3-месячные курсы не открыты вовсе. В ССР Грузии предусмотренная постановлением правительства от 5 марта 1935 г. годовичная правовая школа на 40 чел. до сих пор не организована. В ССР Армении, при плане подготовки 125 чел., на 6-месячных курсах обучаются 26 чел.; об открытии годовичной школы вопрос только поставлен перед соответствующими органами. 3-месячные курсы отложены на 2 полугодие 1936 г. за неимением общежития.

Большая потребность в кадрах советских юристов ощущается не только в органах суда, прокуратуры и следствия. Для подготовки квалифицированных, широко образованных юристов для всех нуждающихся в них учреждений и предприятий, необходимо разрешить давно назревший вопрос о восстановлении юридических факультетов в системе госуниверситетов. В учебном плане юридических факультетов (срок обучения на них должен быть 5-годичный, как во всех технических вузах) большое место, наряду с общеметодологическими дисциплинами, должны занять исторические науки: история ВКП(б) и Коминтерна, история государства и права, история политических учений, история философии, история народов СССР и т. д. Поставленные таким образом юридические факультеты будут полностью, соответствовать тому значению высшей школы, которое придают ей партия и правительство, в частности в своем последнем постановлении от 23 апреля 1936 г., ибо только юридические факультеты в состоянии выпускать образованных юристов для всех отраслей советской государственной жизни.

На юридические факультеты, как и на другие факультеты университета, естественно, будут принимать, как правило, молодежь, окончившую полную среднюю школу.

Юридические факультеты должны стать основным средством подготовки советской молодежи к работе в органах юстиции по линии суда, прокуратуры и следствия; при этом к самостоятельной практической работе молодежь, окончившая юридический факультет, должна допускаться только после двух или трех лет прохождения кандидатского стажа.

Все же существующие у нас правовые школы, юридические курсы и пр. должны стать исключительно школами переподготовки наших уже работающих судебно-прокурорских кадров. Пора решительно покончить с практикой, установившейся в годовичных правовых школах, куда часто принимают молодежь с низшим или неполным средним образованием и без всякого практического стажа. В этих случаях правовые школы после года занятий, естественно, выпускают работников недоста-

точно культурных и без специальных теоретических и практических знаний.

Такую же функцию переподготовки ответственных работников суда и прокуратуры должна в основном выполнять и Всесоюзная правовая академия; лишь в известном, ограниченном количестве в Правовую академию должны быть, по моему мнению, принимаемы практические работники других отраслей государственного управления, отвечающие требованиям приема и желающие переключиться на руководящую работу в органах суда и прокуратуры.

Учитывая, что на юридические факультеты принимать будут в основном молодежь, окончившую полную среднюю школу, и, как правило, непосредственно по окончании этой школы и что к практической судебной, прокурорской или следственной работе, на наш взгляд, их можно будет рекомендовать лишь по прохождении ими определенного кандидатского стажа, мы считаем необходимым во весь рост поставить вопрос о значительном усилении хода переподготовки наших руководящих работников.

Переподготовкой наших руководящих работников главным образом занимается Всесоюзная правовая академия, но контингент слушателей, установленный для академии на первый год в 250 человек, в силу приведенных нами выше соображений и имея в виду все те задачи, которые ставятся перед органами суда и прокуратуры в свете проекта Сталинской Конституции, явно недостаточен и ни в коей мере не может обеспечить своевременного повышения квалификации руководящих работников суда и прокуратуры.

Контингент слушателей Всесоюзной правовой академии должен быть увеличен в два-три раза. Только при этих условиях можно обеспечить проведение в срочном порядке улучшения юридической квалификации руководящего ядра работников советской юстиции.

Наряду с этим и одновременно с этим должна быть широко организована в общесоюзном масштабе система заочной переподготовки судебно-прокурорских работников.

В теснейшей связи с вопросом о значительном увеличении контингента слушателей Правовой академии стоит вопрос о подборе этих слушателей.

Нужно сказать прямо, что комплектование учащихся как наших правовых вузов, так и краткосрочных курсов не только на местах, но даже в центре, вообще не может быть признано удовлетворительным. Но не лучше обстоит дело и с подбором слушателей для Высшей правовой академии. Как известно, в Правовую академию должны приниматься руководящие работники юстиции со знаниями не ниже неполной средней школы.

В прошлом году эти элементарные требования не были соблюдены, и общая грамотность принятых в академию слушателей была довольно низка. К чему это привело? Это привело к необходимости введения в учебный план общеобразовательных дисциплин, а отсюда перегрузка учебного плана, чрезвычайная напряженность в работе и прочее. Все это главным образом имело место потому, что академия вынуждена была заниматься повышением уровня общей грамотности своих слушателей.

В текущем году надо будет значительно строже, чем в прошлом году, предъявлять к поступающим во Всесоюзную правовую акаде-

мию требования в смысле общей грамотности. Это вытекает из постановления ЦК и СНК от 23 июня 1936 г. и это совершенно необходимо во избежание ненормального построения учебного плана, большой перегрузки и напряженности в работе, для улучшения качества учебы, для подготовки и переподготовки действительно квалифицированных судебных работников.

Все же заранее можно предвидеть, что Всесоюзная правовая академия, в которой обучаются руководящие работники юстиции всех наших союзных и автономных республик, вынуждены будут в этом году пойти на некоторые уступки и принять в академию кое-кого из кандидатов, кто полностью не подходит под условия приема. Как же выйти из этого противоречия? Мы решительно против нарушения правил приема, мы за предъявление высоких требований к слушателям академии и мы по этому за то, чтобы для командированных в академию работников, которые не подходят по общеобразовательному уровню, организовать подготовительное отделение академии, удлив, таким образом, срок обучения в Правовой академии до 3 лет.

Очень большие трудности представляет подбор квалифицированных преподавателей для всей системы правового образования. Если правовые институты Москвы и Ленинграда далеко не достаточно укомплектованы высококвалифицированными профессорско-преподавательскими силами, то на местах мы имеем острый недостаток не только в высококвалифицированных преподавательских силах для наших институтов и факультетов, но и просто в квалифицированных лекторах. Такие дисциплины, как история государства и права и систем права, уголовное право, гражданское право, процесс считаются, как общее правило, работниками прокуратуры и суда, не имеющими высшего юридического образования.

Преподавание правовых дисциплин у нас не на достаточной высоте. Основные недостатки в преподавании правовых дисциплин заключаются, во-первых, в частой подмене конкретного правового материала схематизмом и абстракцией и в неумении сочетать теорию с практикой при изучении юридической литературы; во-вторых, в слабом использовании исторической литературы. Немало есть еще преподавателей с большими теоретическими знаниями, но недостаточно знакомых с практической работой. И наоборот, на местах имеются преподаватели — практические работники суда и прокуратуры, хорошо знакомые с повседневной практикой органов юстиции, но с низкой теоретической юридической подготовкой, не владеющие в совершенстве марксистско-ленинской методологией. Надо принять срочные меры к повышению юридической квалификации самих преподавателей, равно как и к повышению знаний преподавателей по общеметодологическим дисциплинам. Не может быть поставлено преподавание юридических дисциплин на должную высоту, если преподаватели не имеют достаточных знаний по диалектическому материализму, ленинизму, истории государства и права, истории ВКП(б) и пр.

Особенно остро стоит вопрос о подготовке национальных преподавательских кадров. Этот вопрос является одним из наиболее актуальных. Необходимо организовать краткосрочные курсы — семинары, которые будут наиболее целесообразными, создающими необходимые

предпосылки для углубленной самообразовательной работы, формами повышения квалификации наших преподавателей. В целях оказания помощи среднеазиатским и закавказским республикам в деле повышения квалификации преподавателей мы считаем необходимым командировать в указанные республики бригады из высококвалифицированных профессоров московских вузов для прочтения цикла лекций по основным правовым дисциплинам, а также и по методике преподавания.

Особо остро стоит вопрос в частности о преподавательских кадрах для годичных правовых школ и курсов. Невыполнение учебных планов, систематические срывы занятий в годичных школах и на правовых курсах имеют место из-за того, что преподаватели этих школ, в большей части практические работники суда и прокуратуры, отрываются часто от учебных занятий. Надо закрепить за правовыми школами штатных преподавателей, освобожденных от всякой иной работы. Если бы в штате правовых школ было по крайней мере 2—3 освобожденных преподавателя правовых дисциплин, то это в значительной мере содействовало бы своевременному выполнению учебного плана.

Большое значение в деле повышения качества учебы имеет снабжение слушателей учебными пособиями.

В последние годы были изданы учебные пособия по отдельным отраслям правового образования, как-то: по криминалистике, гражданскому праву, процессу и пр. По другим дисциплинам, как напр., по истории государства и права, по аграрному праву мы почти не имеем серьезных учебных пособий.

Недостаточен также и тираж выпускаемых учебников, вследствие чего эти учебники почти не доходят до периферии. Нет специальных учебников для правовых школ и курсов. Имеющиеся учебники, не всегда доступны для слушателей правовых школ и курсов. Для слушателей правовых школ и курсов нужны специальные учебники, приспособленные к уровню курсантов, к учебному плану и программам.

Отсутствие учебников на местных языках и недостаточное знание со стороны студентов русского языка для пользования русской литературой является серьезным препятствием к подготовке квалифицированных судебно-прокурорских работников из националов. Следует организовать работу по составлению учебников на местных языках союзных республик и одновременно заняться переводом русских учебников на другие языки с широким привлечением ко всему этому делу преподавателей

правовых дисциплин, владеющих местным языком.

Таковы ближайшие задачи, которые стоят перед нами в деле подготовки и переподготовки правовых кадров, и эти задачи должны быть в ближайшее время разрешены. Постановление СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 23 июня 1936 г. категорически требует обеспечения подготовки «высококвалифицированных, политически воспитанных, всесторонне образованных кадров, обладающих «знанием всех тех богатств, которые выработало человечество» (Ленин) и способных полностью освоить новейшие достижения науки, использовать технику до дна и по-большевистски связать теорию с практикой, сочетать производственный опыт с наукой». В духе этого требования постановления ЦК и СНК мы и должны строить всю нашу работу по подготовке культурных кадров.

Нам, работникам советской юстиции, полезно твердо запомнить и усвоить замечательные слова т. Молотова на 2 сессии ЦИК СССР:

«Суд, как и работа милиции, имеет большое значение в деле борьбы за культурность трудящихся. Хорошая организация суда и высокий его авторитет, хорошая работа милиции и ее настойчивая борьба против элементов бытового разложения и хулиганства, хорошая работа всего управленческого аппарата в нашей стране, где советская демократия растет во все новых и во все более замечательных проявлениях, во многом укрепляет новую культуру и новый быт, во многом укрепляет социалистический строй» (подчеркнуто мною — Я. Б.).

Суд у нас призван укреплять новую культуру.

А для этого он прежде всего сам должен быть культурным.

Мероприятия правительства по развертыванию и улучшению правового образования имеют целью сделать суд культурным.

Наша задача добиться полной и безусловной реализации на местах всех мероприятий правительства, направленных к тому, чтобы сделать культурным в полном смысле суд в нашей стране, «где советская демократия растет во все новых и во все более замечательных проявлениях», и тем самым обеспечить советскому суду полную возможность принять активное участие в укреплении в нашей стране социалистического строя.

Мы сугубо обязаны готовить кадры культурных работников юстиции, учитывая те новые задачи, которые поставлены перед судом и прокуратурой IX главой проекта Сталинской Конституции.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

Высший суд ССР Абхазии 11—14 декабря 1935 г. приговорил по ст.ст. 114 и ч. 2 ст. 122 УК ССР Грузии к лишению свободы на 10 лет каждого—зав. магазином № 25 Абторга Какулиди Константина и его заместителя Шамелашвили Абрама.

Кассационная коллегия Верховного суда ССР Грузии 7 февраля 1936 г. приговор этот утвердила. Протест прокурора Грузии в президиум Верховного суда Грузии постановлением последнего 15 апреля 1936 г. был отклонен.

Прокуратура Союза опротестовала приговор Высшего суда ССР Абхазии по делу Какулиди и Шамелашвили по следующим основаниям.

29 мая 1935 г. была произведена внезапная ревизия магазина № 25 Абторга.

Ревизией была обнаружена недостача товаров на 19 644 руб. 69 коп. и наличие в магазине папиросной бумаги на 19 215 руб., которая магазину № 25 Абторгом не отпускалась.

При производстве расследования выяснилось, что эту папиросную бумагу заведующий магазином № 25 Какулиди приобретал на стороне у разных лиц и реализовал ее через магазин по более высокой цене, покрывая разницей в цене бумаги имевшуюся в магазине недостачу.

Как на предварительном, так и на судебном следствии Какулиди объяснил, что недостача в магазине № 25 начала образовываться еще в 1924 г., когда его помощником был Шамелашвили, который с 10 октября 1934 г. перешел на работу в другой магазин. По утверждению Какулиди, именно Шамелашвили подал ему мысль спекулировать бумагой, чтобы покрыть недостачу.

Шамелашвили объяснение Какулиди не подтвердил, виновным себя в растрате по магазину № 25 не признал и объяснил, что перед уходом его из магазина № 25 было произведено снятие остатков по магазину и никакой недостачи выявлено не было.

Ряд допрошенных лиц, у которых приобреталась папиросная бумага для магазина № 25, подтвердили, однако, что в приобретении бумаги принимали участие как Какулиди, так и Шамелашвили.

На этом основании оба они были преданы суду по обвинению в хищении из магазина № 25 Абторга.

Дело первоначально рассматривалось Высшим судом Абхазии 6 сентября 1935 г., но было возвращено для доследования ряда существенных обстоятельств, в том числе для установления, какая сумма растраты по магазину имела место до 10 октября 1934 года, т. е. к моменту ухода из магазина обвиняемого Шамелашвили, и какая после указанного срока.

Определение Высшего суда Абхазии в указанной части выполнено, однако, не было, и дополнительное следствие совершенно не коснулось вопроса о разграничении суммы недостачи по магазину за время пребывания в нем Шамелашвили и после его ухода.

Опрошенный в судебном заседании 14 декабря 1935 г. эксперт Вайнштейн дать заклю-

чение по этому вопросу отказался, указав, что необходимо для этого истребовать соответствующие документы.

Размер совершенной каждым из обвиняемых растраты Высшим судом Абхазии не был установлен, между тем выяснение этого необходимо как для правильной квалификации преступных действий обвиняемых, так и для определения размера наказания.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила приговор Высшего суда ССР Абхазии и все последующие определения Верховного суда ССР Грузии отменить и дело вернуть на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия.

В немецком поселении Б. Колонии Средне-Рогатского сельсовета Ленинградского пригородного района проживала гр. Бауэр Екатерина, 60-летняя старуха, со своей сестрой Елизаветой, в избе, состоящей из одной комнаты и кухни.

В октябре 1933 г. Елизавета Бауэр в отсутствие сестры Екатерины заперла комнату и уехала в Ленинград на заработки, откуда не возвратилась.

Екатерина Бауэр обратилась в сельсовет с просьбой открыть избу. Предсельсовета обещал прислать милиционера.

Через несколько недель явился начальник местного пикета милиции при Ленмясокомбинате Коротков И. П., который вместо содействия старухе, сам занял избу и бесплатно в ней проживал до обращения Екатерины Бауэр в суд.

Народный суд несколько раз откладывал рассмотрение дела для вызова председателя сельсовета и всестороннего выяснения обстоятельств дела.

4 апреля 1935 г. народный суд Пригородного района иск Е. Бауэр признал вполне обоснованным, обязал Короткова освободить ее избу и уплатить ей 186 р. 67 к. квартплаты за 14 месяцев бесплатного проживания.

Кассационная коллегия Ленинградского облсуда 19 апреля 1935 г. по жалобе Короткова решение отменила и в иске Бауэр отказала, определив лишь на будущее время квартплату с Короткова в 15 руб. в месяц.

Екатерина Бауэр обратилась с жалобой в Прокуратуру Союза, указав, что она, беззащитная старуха, обратилась за содействием в милицию и сельсовет, но вместо помощи начальник милиции выгнал ее из избы, заняв ее для себя.

Братья истицы состоят членами колхоза им. Тельмана. Весь с.-х. инвентарь истица передала в колхоз. Изба ей и ее сестре Елизавете осталась после смерти матери в 1931 г.

Она проживала в избе с сестрой до октября 1933 г. «Ввиду противозаконного занятия избы Коротковым, использовавшим свое служебное положение, жалобница ночевала в сенях у

обремененного большим семейством брата».

Прокуратура Союза ССР опротестовала определение Ленинградского областного суда по следующим основаниям.

Материалами дела установлено, что спорная изба принадлежит по праву Екатерине Бауэр и ее сестре Елизавете. Это установлено свидетельством сельской общественности и подтверждено на суде председателем сельсовета Изотовым.

Сельсовет не имел права распоряжаться избой старухи Бауэр и ее сестры. Отсюда следует, что ссылка Короткова на занятие им избы с согласия сельсовета не является основанием для признания законности его проживания в этой избе.

Как начальник местного отделения милиции Коротков обязан был строго соблюдать закон, а не грубо нарушать законные права граждан в своих личных интересах.

Согласия Екатерины Бауэр на занятие Коротковым избы не было; наоборот, она добивается восстановления своего права через суд.

Решение народного суда о выселении Короткова совершенно правильно. Оно вполне соответствует материалам дела.

Также правильно присуждение с Короткова 186 руб. 67 к. квартплаты, так как произведенный Коротковым ремонт был использован им за время проживания и не может быть отнесен на счет истицы Бауэр.

Мотивы кассационного определения о том, что истица Бауэр в течение года не обращалась в суд за выселением Короткова и тем самым якобы санкционировала его проживание в избе, несостоятельны, так как согласно ст. 44 ГК истица имеет 3-годовалый срок давности для защиты своего права. К тому же она все время обращалась до суда за защитой в сельсовет, но защиты там не добилась.

Президиум Ленинградского областного суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил определение ГKK облсуда отменить, оставив в силе решение народного суда в полном объеме, с немедленным обращением его к исполнению.

20 марта 1935 г. суд Ленинского района г. Горького отказал в иске гр. Вандерштрем об исключении из описи имущества, описанного на продажу для покрытия взыскания согласно приговора Горьковского краевого суда от 2 ноября 1934 г., дома, буфета и других предметов.

Указанным приговором краевого суда муж истицы гр. Вандерштрем Б. К. был за преступления, совершенные им в качестве зав. транспортным отделом Асфальто-битумного комбината, осужден с взысканием с него и трех других осужденных за солидарной ответственностью, 51 000 руб.

Решение народного суда было отменено кассационной коллегией краевого суда 28 марта 1935 г. В определении КК было указано, что «суд не выяснил, действительно ли все описанное имущество принадлежит осужденному, или приобретено супругами Вандерштрем на средства, извлеченные преступлением осужденного; суд свое решение неправильно обосновал на предположительных выводах, вопреки установленным в суде данным, что дом построен в 1932 г., а преступление осужденным совершено в 1933 г.».

При новом рассмотрении дела народный суд 7 октября 1935 г. вновь отказал в иске. Это решение 28 октября 1935 г. было утверждено кассационной коллегией краевого суда.

Прокуратура СССР опротестовала это решение народного суда по следующим основаниям.

По делу бесспорно установлено, что дом, исключения которого из описи просила истица, построен в 1932 г.; установлено также, что истица, выходя замуж, получила в приданое дом, который впоследствии продала, и на вырученные деньги купила две коровы, коровы были затем проданы, как и принадлежавший лично истице рояль (в 1931 г.), и вырученные деньги были затрачены, по утверждению как истицы, так и допрошенного народным судом свидетеля Фармузова, на постройку дома в 1932 г.

Из приговора краевого суда по уголовному делу видно, что муж истицы состоял на службе в Асфальто-битумном комбинате (где совершил преступление) с 21 мая по 7 сентября 1933 г. Совершенно очевидно, что дом, о котором идет речь, не мог быть в 1932 г. построен на средства от преступления, которое гр. Вандерштрем совершил в 1933 г.

Поскольку доказано, что дом не мог быть построен на деньги, похищенные мужем истицы в комбинате, народный суд обязан был применить ст. 10 Кодекса законов о браке, семье и опеке о том, что имущество, нажитое супругами во время брака, считается общим их имуществом, и признать, что половина дома является собственностью истицы. Более того, народный суд обязан был подвергнуть оценке показание свидетеля Фармузова о том, что осужденный Вандерштрем «относился к хозяйству нерадиво, любил гулять и кутить, в постройке не участвовал», и имеющиеся в деле материалы о том, что истица вложила в покупку дома свои средства и, кроме того, свой заработок (до июля 1932 г., т. е. до постройки дома, она служила), а равно заработок дочерей, также служивших. При детальном исследовании этих данных не исключена, быть может, была бы возможность признания за истицей права и на большую, нежели половина, долю в доме.

Помимо этого народный суд не проверил утверждений истицы о том, что остальное имущество, об исключении которого из описи она просила, являлось ее «девичьими вещами», и, не приведя оснований, отказал ей и в требовании этого имущества.

Президиум Горьковского краевого суда, рассмотрев протест Прокуратуры, постановил решение народного суда и определение кассационной коллегии отменить и дело передать на новое рассмотрение в народный суд Сталинского района.

Решением народного суда 6 уч. Пролетарского района г. Москвы от 27 июля 1935 г. Вайнберг И. И. был признан отцом ребенка Глуховской И. С него были присуждены алименты в сумме 60 руб. в месяц, впредь до совершеннолетия сына.

Кассационная коллегия Московского городского суда 23 августа 1935 г. это решение оставила в силе.

В связи с поступившей жалобой Вайнберга и отношением отдела читательских писем «Известий» от 15 декабря 1935 г. Прокуратура Союза ССР просмотрела дело в порядке надзора и опротестовала решение народного суда по следующим основаниям.

Суд дважды откладывал разбор дела вследствие неявки ответчика. Не удостоверившись в причинах неявки и не проверив вручение повестки ответчику, суд поверил истце в том, что Вайнберг уклоняется от вручения ему повестки, что он отказался принять повестку от Глуховской, и 27 июля 1935 г. рассмотрел дело в отсутствие ответчика, сославшись на ст. 98 ГПК.

Между тем, суд грубо нарушил эту статью закона, так как она устанавливает, что неявка стороны не является препятствием к разбору и решению дела, если суду известно, что повестка этой стороне была вручена.

Вайнберг с 27 июня по 29 июля 1935 г. находился на работе в пионерлагере в деревне Брыково. Это обстоятельство было установлено справкой 15 типографии. Поэтому повестка ему не могла быть вручена. Вайнберг узнал о состоявшемся решении суда только после приезда из лагеря и заявлением от 17 августа ходатайствовал о восстановлении срока на кассационное обжалование решения.

Разрешая дело об отцовстве в отсутствие неоповещенного ответчика, суд грубо нарушил ст.ст. 69 и 98 ГПК.

С точки зрения доказательств отцовства Вайнберга дело также не было исследовано с достаточной полнотой. Показания свидетелей Зильберг и Трофимова не дают достаточных оснований для установления отцовства Вайнберга. Зильберг характеризовала отношения Вайнберга и Глуховской по рассказам последней, а Трофимов сообщил обстоятельства, требующие большого уточнения с участием в процессе обеих сторон.

Ближайшие соседи по квартире Вайнберга судом не были допрошены, между тем Глуховская удостоверяет, что она проживала у Вайнберга и у него на квартире и забеременела.

Обстоятельства дела не были проверены судом с надлежащей полнотой, чем нарушены ст.ст. 5 и 118 ГПК.

Решение было вынесено без всякой мотивировки как в части признания Вайнберга отцом ребенка Глуховской, так и в части определения размера присужденных алиментов.

Президиум Московского городского суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил решение народного суда от 27 июля 1935 г. и определение кассационной коллегии Московского городского суда отменить и дело передать на новое рассмотрение в тот же суд в ином составе.

Народный суд Волошневского района С.-Донского округа Азово-Черноморского края 25 января 1935 г. приговорил по ст. 109 и ч. 2 ст. 116 к лишению свободы на 8 лет Кикенева Петра Петровича.

Будучи председателем Волошинского сельпо, Кикенев растратил 2110 руб. из средств сельпо, получил незаконно подъемные. Несмотря на категорическое запрещение РПС, приказал бухгалтеру выписывать себе зарплату в размере 300 руб. в месяц при установленной ему райпотребсоюзом зарплате в 150 руб. в месяц; незаконно установил вновь принятому им бухгалтеру, осужденному по этому же делу Овчаренко, зарплату в размере 225 руб. при ставке в 160 руб. Кикенев не уделял никакого внимания работе сельпо, не боролся с растратами, ставшими повседневым явлением в магазинах сельпо, и систематически пьянствовал со своими подчиненными.

Суд признал, что непосредственными преступными действиями Кикенева кооперации причинен ущерб в размере 3163 руб.

Хотя все указанные выше обвинения материалами дела подтверждаются, суд, однако, неправильно применил к Кикеневу ч. 2 ст. 116. Учитывая сумму растраты (2110 руб.), деяние его должно было квалифицироваться по ч. 1 ст. 116 УК, а не по ч. 2 ст. 116.

Мера наказания, установленная судом в 8 лет лишения свободы, является слишком суровой. Кикенев — трудящийся, до настоящего дела не судим, злоупотребления, им совершенные, не приняли крупных размеров, поэтому не было необходимости изолировать его от общества на столь длительный срок.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор народного суда.

Пленум Северо-Донского окрсуда Азово-Черноморского края, рассмотрев протест Прокуратуры, постановил квалифицировать преступление Кикеневу по ст. 109 и ч. 1 ст. 116, определив ему наказание в 3 года лишения свободы по совокупности.

Надзорная практика Верховного суда Союза ССР

НЕСОБЛЮЖДЕНИЕ УСЛОВИЙ ТИПОВОГО ЛЕСОРУБОЧНОГО ДОГОВОРА

Нарсуд Мышкинского района ИПО 13 января 1936 г. рассмотрел дело по обвинению Ронжина К. В. и Фролова Н. А. по ст. 131 УК.

Ронжин — 31 года и Фролов — 45 лет — оба рабочие, приговорены к 1 году и.т. р. на общих основаниях. Определением КК облсуда ИПО от 31 января приговор оставлен в силе.

Ронжин и Фролов признаны виновными в том, что, самовольно оставив работу, нарушили лесорубочный договор, заключенный ими с Мышкинским райлесхозом.

При проверке дела в порядке надзора угл.-суд. коллегией Верхсуда Союза обнаружено, что лесорубочный договор был заключен сторонами 2 ноября 1935 г. и при заключении не был зарегистрирован в сельсовете. Лишь 6 ноября, после того как между сторонами возник конфликт по поводу исполнения договора и обвиняемые 4 ноября оставили работу, райлесхоз в отсутствие обвиняемых зарегистрировал в сельсовете договор.

По протесту председателя уголовно-судебной коллегии Верхсуда Союза президиум Ивановского облсуда 17 апреля пересмотрел в порядке надзора приговор нарсуда и вынес следующее определение:

Ронжин и Фролов обвиняются в том, что 2 ноября 1935 г. с Мышкинским леспромхозом заключили договор на заготовку 250 кв. м делового леса и 250 кв. м неделового. 4 ноября 1935 г. от выполнения договора они отказались. Имея в виду, что Леспромхоз первый нарушил договор, ибо договором не была предусмотрена окопка пней, а Фролова и Ронжина заставляли производить эту работу, что Леспромхоз зарегистрировал договор только 6 ноября 1935 г., т. е. после того как Ронжин и Фролов 4 ноября 1935 г. заявили, что они работать не будут, что Леспромхоз при регистрации договора не пригласил в сельсовет ни Ронжина, ни Фролова, поэтому протест председателя угл.-суд. коллегии Верхсуда СССР удовлетворить, приговор нарсуда и определение КК облсуда отменить и дело в отношении Фролова и Ронжина производством прекратить по п. 5 ст. 4 УК.

ПРИГОВОР КАК ЕДИНСТВЕННАЯ УЛИКА

Нарсуд Капшинского района Ленинградской области 27 сентября 1935 г., рассмотрев дело по обвинению Бровцина А. Ф., Писарева В. С. и Маричева Н. Н. по ст. 109 УК приговорил Бровцина к 6 годам лишения свободы, Писарева к 5 годам лишения свободы и Маричева к 3 годам лишения свободы.

Определением КК Ленинградского облсуда от 11 октября 1935 г. приговор был оставлен в силе.

В мае 1934 г. кассир Никулинского лесопункта Сергеев покончил самоубийством. Расследование причин самоубийства ничего криминального не обнаружило. Было признано, что дела и касса остались после Сергеева в порядке. Однако в феврале 1935 г. от младшего счетовода лесопункта Маричева поступило заявление о том, что Сергеев систематически оформлял и оплачивал фиктивные документы и в эти преступления Сергеева был втянут и

он — Маричев. Фиктивные же документы, по заявлению Маричева, составляли начальник отряда сплавной конторы Бровцин и его заместитель Писарев.

Произведенным расследованием было установлено, что с рядом лиц был произведен фиктивный расчет и что по подложным документам присвоено 1185 руб. Суд в судебном заседании определил эту сумму в 8185 руб.

Бровцин и Писарев категорически отвергли свою причастность к преступлениям Сергеева и объяснили, что квитанции на сплавные работы выписывались десятниками.

При проверке дела в порядке надзора угл.-суд. коллегия Верхсуда Союза ССР выяснила, что как предварительное, так и судебное следствие проведены неудовлетворительно. Ряд доказательств остался неиспользованным. В связи с этим, единственной уликой виновности Бровцина и Писарева является оговор осужденного Маричева. Эта улика, решительно отвергнутая Бровциным и Писаревым, не была подкреплена никакими другими уликами и доказательствами. При таких условиях угл.-суд. коллегия признала осуждение Бровцина и Писарева необоснованным. Вместе с тем проведение нового следствия по истечении двух лет со времени описанных фактов угл.-суд. коллегия также признана нецелесообразным.

По протесту председателя угл.-суд. коллегии Верхсуда Союза ССР, президиум Ленинградского облсуда в заседании от 2 июня т. г. постановил: «приговор нарсуда Капшинского района от 27 сентября 1935 г. и определение УКК облсуда от 11 ноября 1935 г. в отношении Бровцина Андрея Федоровича и Писарева Василия Сергеевича отменить и дело о них за недостаточностью улик производством прекратить. Бровцина А. Ф. и Писарева В. С. из-под стражи немедленно освободить».

ОСУЖДЕНИЕ НА ОСНОВЕ ОШИБОЧНОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Нарсуд Коломенского района Московской области 14 ноября 1935 г. приговорил Добужинского Б., 58 лет, из крестьян, по ст. 109 УК к 2 годам лишения свободы.

КК Мособлсуда приговор отменила.

Президиум Мособлсуда в порядке надзора определение КК отменил и дело передал в другой состав КК. На этот раз КК определением от 26 марта с. г. приговор нарсуда оставила в силе.

Добужинский признан виновным в том, что, будучи начальником строительства кооперативного товарищества, составил фиктивный акт на недостачу 30 штук деревьев. Сверх того, при сдаче дел у Добужинского оказалась недостача 19 бревен стоимостью в 1848 руб.

При проверке дела в порядке надзора угл.-суд. коллегия Верхсуда Союза ССР обнаружила, что при определении недостачи экспертизой была допущена ошибка. Так, по акту от 8 мая 1935 г. на строительство было завезено 1730 бревен объемом в 562,4 куб. м. В среднем 3 бревна имеют объем в 1 куб. м. Такой же примерно расчет был принят и при рассмотрении наличия бревен: 1171 бревно общим объемом в 520 куб. м. Однако при опреде-

лении недостачи 19 бревен, согласно акта экспертизы имеют объем в 41 куб. м., т. е. не 3 бревна имеют 1 куб. м., а наоборот, одно бревно имеет объем свыше 2 куб. м. Обвинение же Добужинского в составлении фиктивного акта на недостачу 30 бревен основано на недостаточно проверенных данных.

Судебная коллегия Верховсуда РСФСР, рассмотрев протест председателя уг.-суд. коллегии Верховсуда Союза ССР, определила: согласиться с протестом председателя уг.-суд. коллегии Верховсуда Союза ССР, оставить в силе определение КК Мособлсуда от 25 ноября 1935 г., отменив постановление президиума Мособлсуда от 11 марта 1936 г. и определение КК Мособлсуда от 26 марта 1936 г.

НЕЗАКОННЫЙ ОТКАЗ В ВЫЗОВЕ СВИДЕТЕЛЕЙ (нарушение ст.ст. 253 и 254 УПК)

Нарсуд Московского района г. Ленинграда 26 ноября 1935 г. приговорил Боярчикова по ст. 111 УК к 1 году и.т. работ.

КК Ленинградского облсуда приговор оставила в силе. Отдел жалоб Верховсуда РСФСР жалобу Боярчикова в порядке надзора оставила без последствий.

Боярчиков был признан виновным в том, что, будучи зав. магазином, своевременно не оформил отпуска сельдей на сумму 365 руб., потерял накладную на хлеб на сумму 232 руб., не следил за работой продавцов. В результате халатности Боярчикова в магазине образовалась недостача товаров на сумму 2123 руб.

Боярчиков не признал себя виновным ни по одному из пунктов обвинения.

При проверке дела в порядке надзора уг.-суд. коллегия установила, что нарсуд, действительно, отказал Боярчикову в вызове свидетеля для разъяснения таких обстоятельств, которые имеют коренное значение для дела. Одновременно суд основал приговор на показаниях свидетельницы Спиридоновой, данном на предварительном следствии и опровергнутом впоследствии актом ревкомиссии, признавшим Спиридонову заинтересованной в деле.

По протесту председателя уг.-суд. коллегии Верховсуда Союза ССР президиум Ленинградского облсуда вынес следующее постановление:

«Соглашаясь с протестом, приговор нарсуда Московского района 26 ноября 1935 г. и определение УКК облсуда от 7 декабря 1935 г. отменить, дело о Боярчикове М. П. передать на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. Мерой пресечения оставить подписку о невыезде».

ОСУЖДЕНИЕ ПО СТ. 107 УК РСФСР ЗА ПОКУПКУ 10 ПУДОВ МУКИ ДЛЯ ЛИЧНЫХ НУЖД

Приговором нарсуда 1 участка г. Красноярска от 25 января 1936 г. под председательством нарсудьи Савина, осужден по ст. 107 УК к лишению свободы на 5 лет с конфискацией 2 строений Яныков Константин Григорьевич.

Определением кассационной коллегии Красноярского крайсуда 15 февраля 1936 г. приговор суда был оставлен в силе.

Обстоятельства дела заключаются в следующем:

Яныков, работающий в качестве ночного сторожа, имеет семью в составе жены, больной слабоумной дочери и внуков. Он закупил в не-

сколько приемов муку в количестве около 10 пудов и из купленного хлеба сушил сухари. За эти деяния он признан виновным в спекуляции, приговорен к лишению свободы на 5 лет. Подготовительное заседание нарсуда под председательством нарсудьи Хорошавина в заседании от 19 октября 1935 г. совершенно правильно отказалось утвердить обвинительное заключение по мотивам недоказанности спекуляции, так как не было установлено, чтобы Яныков кому-либо передавал муку и хлеб. Это постановление подготовительного заседания опротестовано зам. краевого прокурора Столбовой, и уголовная коллегия крайсуда под председательством Зыбко отменила правильное постановление нарсуда, предложив дело рассмотреть по существу. Краевой суд при этом дезориентировал народный суд, указав на необходимость квалификации деяний Яныкова по ст. 107, «учитывая его классовую принадлежность», а фактически материал был подчинен этой «классовой принадлежности». По вопросу о классовой принадлежности имеются следующие данные: на листах дела 33—37 есть ряд справок, подтверждающих, что Яныков работает по этим документам с 1930 г. пастухом, шорником, сторожем. Домовладение, как это признает приговор суда и что подтверждено справкой горфинотдела от 5 сентября 1935 г., принадлежит Яныковой Софье Алексеевне, жене осужденного. Из этой же справки видно, что с 1930 г. за недостижением облагаемого минимума домовладение от обложения налогами освобождено. Муж и жена Яныковы лишены избирательных прав за нетрудовой доход от домовладения (л. д. 6). Президиум ВЦИК восстановил в правах Яныкову Софью (л. д. 30). Всех же материалов ни народный суд под председательством Савина, ни крайсуд не учли, а в то же время при отсутствии фактов спекуляции, за то лишь, что для своего потребления Яныков купил 10 пудов муки и сушил сухари, в то время как после отмены карточной системы все граждане могут запастись хлебом в любом количестве, Яныков осужден к лишению свободы на 5 лет. Осужденному 63 года, и он, повидимому, не доверяя прочности отмены карточной системы, делал «на всякий случай» запасы.

Рассмотрев протест председателя уг.-суд. коллегии Верховсуда Союза, президиум Красноярского крайсуда постановил: «с протестом согласиться, приговор нарсуда и кассопределение крайсуда отменить, дело в отношении Яныкова производством прекратить и Яныкова немедленно из-под стражи освободить».

НЕОБОСНОВАННОЕ ОСУЖДЕНИЕ

Народный суд 2 участка г. Иванова приговорил Безрученкова И. по ст. 109 УК к трем годам лишения свободы и Носихина Л. по той же статье на один год и.т. работ по месту его службы, с удержанием 15% зарплаты. 26 мая 1935 г. кассколлегия Иваново-Промышленного облсуда приговор нарсуда утвердила.

Президиум облсуда постановлением от 17 октября 1935 г. приговор нарсуда и определение КК облсуда изменил, действие Безрученкова переqualificировал на ст. 111 УК, снизил ему меру наказания до 1 года и.т. работ по месту службы с удержанием 25% его зарплаты.

Кассколлегия Верховсуда 31 марта 1936 г. в действиях Носихина не нашла состава престу-

пления, приговор в отношении его отменила и дело производством прекратила, а в отношении Безрученкова определение облсуда оставила в силе.

Безрученков обвиняется в том, что он 1 января 1933 г. по 7 августа 1935 г., работая старшим специалистом обл. конторы Сельхозснаба по снабжению колхозов, совхозов и МТС сельхозмашинами, работу проводил по распределению машин без какого-либо учета насыщенности районов машинами. Выдавал разнарядки промышленности по отгрузке машин без плана и не проверял своевременной отгрузки их потребителю. Проводил встречные переброски сельхозмашин, тем самым увеличивал накладные расходы конторы. Например, по его наряду от 2 июня 1933 г. в г. Рыбинск были отгружены из г. Ярославля 10 шт. конных сенокосилок, а 29 июня 1933 г. из Вязников отгрузили 5 шт. конных сенокосилок в г. Ярославль.

Безрученков в предъявленном ему обвинении виновным себя не признал, показал, что он, хотя и являлся ответственным лицом по сельскохозяйственным машинам, но отгрузкой их не занимался, так как отгрузка производилась межрайонными складами согласно разнарядки облзу.

При проверке уг.-суд. коллегией дела в порядке надзора было установлено, что в деле имеется на имя председателя облсуда записка управляющего конторой сбыта Жукова, который указывает, что выдвинутые против Безрученкова обвинения не соответствуют действительности, так как сельхозмашины распределяет по районам планово-экономический сектор. Что касается дачи промышленности неправильной разнарядки по распределению по районам машин, то они с 1933 г. выдавались в полном соответствии с планом, утвержденным облзу. В отношении излишних, неправильно организованных Безрученковым четырех завозных баз, то они были организованы по предложению центра.

Из материалов дела видно, что Безрученков в своей работе по распределению машин руководствовался предписанием вышестоящих органов и что в его действиях нет состава преступления.

Рассмотрев протест председателя уг.-суд. коллегии Верхсуда Союза, президиум Верхсуда РСФСР постановил приговор народного суда 2 участка г. Иванова и последующие судебные решения по делу Безрученкова Игнатия Абрамовича отменить и дело о нем в порядке п. 4 ст. 4 и ст. 418 УПК прекратить.

Винstitute уголовной пошишки

О ГРАЖДАНСКОМ КОДЕКСЕ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

На совместном заседании секции хозяйственного права ИССП Академии наук и секции гражданского права и процесса Института судебной политики был заслушан доклад проф. Амфитеатрова на тему «Гражданский кодекс социалистического общества».

Докладчик остановился сперва на тех причинах, которые во весь рост поставили вопрос о новом гражданском кодексе. Ими являются, во-первых, те коренные изменения, которые произошли в самых глубоких основах нашей экономики и которые означают окончательную победу социализма в СССР. Завершив в основном построение социалистического общества, пролетариат стоит перед необходимостью создать законодательство, отвечающее условиям социалистического общежития.

Вторая важная причина — это опубликованный проект Сталинской Конституции, который является исходным пунктом всего дальнейшего законодательства периода социализма и дает необходимые направления для разработки, в частности Гражданского кодекса.

Есть и свои особые причины, — говорит докладчик, — в силу которых разработка нового ГК стоит особенно остро. К ним надо отнести то, что, пожалуй, ни в какой другой части нашего законодательства мы не имеем дела со столь устаревшим нормативным материалом, как именно в сфере гражданского права.

Иллюстрируя это положение рядом примеров, т. Амфитеатров отмечает, что вопрос о разработке нового ГК уже не является дискуссионным, ибо издание нового ГК прямо пре-

дусмотрено ст. 14 проекта Конституции. Задача заключается, стало быть, не в том, чтобы дискутировать вопрос о необходимости нового ГК, а в том, чтобы реально помочь работе над будущим ГК. Докладчик ставит в связи с этим три вопроса: а) каковы основные черты гражданского права социалистического общества, б) какими должны быть объем и система ГК, в) каково хотя бы в самых общих чертах содержание будущего ГК.

В основу ответа на первый из этих вопросов т. Амфитеатров кладет указания Ленина о том, что сущность социализма заключается в общем владении средствами производства и распределении продуктов по мере работы каждого. Эти указания легли в основу теоретической разработки вопросов правовой организации социалистического хозяйства, где сделано не мало, но они не были достаточно учтены в области гражданского права.

Анализируя эти указания применительно нашему гражданскому праву, под которым докладчик понимает систему имущественных прав трудящихся и отношения, возникающие в бытовом обороте, он приходит к следующим выводам.

Первая и основная особенность гражданского права состоит в том, что стержнем имущественных прав трудящихся теперь является по общему правилу не частная собственность, т. е. собственность на средства производства, а личная собственность на средства потребления. Это существенным образом меняет физиономию гражданского права, так как личная собственность, в отличие от частной собственности, есть производное от общественной собственности и не только совместима с последней, а

и прямо предполагается ею. Докладчик подчеркивает то положение, что личная собственность представляет собою в своей исходной стадии известную долю производственного общественного продукта, поступающую в распоряжение отдельного члена общества в соответствии с количеством и качеством затраченного труда. Эта доля затем овещается в предметах потребления. Таким образом, личная собственность это форма присвоения, возможная только на базе общего владения средствами производства.

Вторая особенность гражданского права состоит в том, — продолжает докладчик, — что это право выражает и регулирует теперь имущественные отношения граждан не столько в сфере производства, сколько главным образом в сфере распределения и бытового оборота. Этот вывод прямо вытекает из того же факта, что орудия и средства производства составляют социалистическую собственность, что субъект гражданского права уже не является в своей массе мелким товаропроизводителем, что он стал участником общественного производства.

Третья особенность гражданского права состоит в том, что гражданские правоотношения характеризуются теперь не столько как отношения между самими трудящимися, сколько как отношения между обществом в целом и каждым данным его членом в отдельности. Иллюстрируя этот тезис рядом примеров, тов. Амфитеатров подчеркивает, что иначе сейчас быть не может, раз в Советском союзе имущественные отношения граждан имеют теперь своей основой общее владение средствами производства.

В качестве четвертой отличительной черты гражданского права докладчик указывает на правильное сочетание общественных и личных интересов в качестве важнейшего регулятивного принципа, вытекающего из указаний товарища Сталина о том, что «социализм не отрицает, а совмещает индивидуальные интересы с интересами коллектива». Тов. Амфитеатров подчеркивает, что правильное сочетание общественных и личных интересов, хотя и вытекает из самого строя социализма, но дается не автоматически, а в результате организующей деятельности нашего государства, действующего через право и при помощи права.

Докладчик отмечает, наконец, что гражданское право периода социализма ставит во весь рост, наряду с имущественными правами трудящегося, вопрос об его обязанностях. Теперь, когда субъект гражданского права в массе своей выступает как участник общественного производства, проявление заботы каждым членом общества о своей жизненной основе — социалистической собственности, о сохранении и укреплении социалистического правопорядка, о всестороннем развитии нашего общества, — есть не только прямой долг, но и почетная обязанность.

Подводя итоги этой части своего доклада, тов. Амфитеатров подчеркивает, что гражданское право выступает теперь как форма защиты и охраны зажиточной жизни рабочего, колхозника, интеллигента. Оно будет расти и развиваться вместе с ростом могущества и дальнейшим развитием социалистического государства. Поэтому глубоко ошибочно имевшая место недооценка гражданского права в работах секций хозяйственного права ИСНП. Вторую часть своего доклада тов. Амфитеатров

посвящает выяснению вопроса об объеме и системе будущего ГК. Докладчик выступает решительным сторонником единого кодекса, в котором были бы объединены как вопросы хозяйственного права, регулирующего хозяйственные отношения между социалистическими предприятиями и организациями, так и вопросы гражданского права, регулирующего имущественные права трудящихся и бытового оборота. — Первый и основной мотив, в силу которого необходим именно один и при том единый кодекс, — говорит он, — заключается в том, что хозяйственное и гражданское право, опираясь на единую базу — социалистическую собственность, как никогда раньше, тесно переплетаются друг с другом, образуя целостную систему хозяйственно-правового регулирования. Докладчик подчеркивает далее, что имущественные права трудящихся, поскольку их стержнем является личная собственность, могут быть правильно и до конца раскрыты только на базе социалистической собственности. Не является препятствием к разработке единого кодекса, по мнению докладчика, — и существующее в области хозяйственного и гражданского права различие в юридических приемах регулирования, поскольку это различие может быть отражено и в рамках единого кодекса в пределах каждого из правовых институтов в отдельности. Наконец, докладчик обращает внимание на то обстоятельство, что органы суда и прокуратуры, которые в первую очередь должны иметь дело с гражданским кодексом, будут сталкиваться одновременно с вопросами и хозяйственного и гражданского права. Все это в целом говорит о необходимости иметь один, а не два кодекса.

Высказываясь за единый кодекс, тов. Амфитеатров предупреждает однако против попытки превратить такой кодекс в универсальный хозяйственный кодекс, где бы нашли место и организационная структура народного хозяйства, и вопросы управления производством, и специальные отрасли права. Кодекс в таком объеме был бы нежизненным, а работа над ним с первых же шагов натолкнулась бы на непреодолимые препятствия.

Останавливаясь на системе кодекса, докладчик подвергает критическому разбору схему хозяйственного кодекса, предложенную в свое время тов. Гинзбургом и считает ее неудовлетворительной. Тов. Амфитеатров полагает, что для целей нового ГК может быть и теперь использована пандектная система, при которой выделяются: а) общие положения, включая учение о лицах, б) вещное право, в) обязательственное право и г) наследование. Докладчик возражает против отказа использовать эту систему только по тем соображениям, что некоторые теоретические работники склонны отрицать существование в нашем хозяйственном праве деления на вещное и обязательственное право. Докладчик не видит достаточных данных для такого рода соображений и приводит ряд аргументов в защиту жизненности основных различий между вещным и обязательственным правом. Прежде чем отказаться от использования того или другого буржуазно-правового института, — говорит тов. Амфитеатров, — нужно проверить сперва, может ли он быть успешно использован в интересах социализма.

В последней части своего доклада тов. Амфитеатров дает заметку будущего ГК. В разделе «Общие положения» он предлагает так опреде-

литель задачу ГК: «Государственное регулирование имущественных отношений в социалистическом обществе имеет своей целью развитие общественного производства и советской торговли, всемерное укрепление социалистического правопорядка и обеспечение зажиточной и культурной жизни трудящихся. Это регулирование осуществляется на основе общественной собственности и социалистического распределения по труду путем последовательного проведения начал государственного планирования и революционной законности». Вслед за этой статьей в ГК должны быть указаны принципы охраны имущественных прав трудящихся, и принцип правильного сочетания общественных и личных интересов, из которых вытекает и норма об обязанностях гражданина как субъекта гражданского права. Объем гражданской правоспособности должен быть определен в ГК в соответствии со ст.ст. 8, 9, 10, 112 и 123 проекта Конституции. Особо нужно подчеркнуть полное уравнивание женщины в правах с мужчиной и безусловное равноправие граждан СССР независимо от их национальности и расы. Докладчик считает, что в новом ГК должны получить защиту не только имущественные интересы граждан, но и их неимущественные интересы, роль которых с развитием культурных запросов трудящихся, несомненно, возрастет.

Докладчик останавливается далее на характеристике в будущем ГК правового положения государственных, кооперативных и общественных учреждений, предприятий и организаций. По его мнению, ведущей и типичной фигурой по линии организации государственной собственности должно стать предприятие, а по линии кооперативной собственности — артель.

Детальную характеристику дает докладчик разделу «Вещное право», где должны найти исчерпывающее правовое освещение в первую очередь две формы социалистической собственности — государственная и кооперативная. Наряду с общеполитической характеристикой государственной собственности т. Амфитеатров дает также свою классификацию вещей, составляющих фонд государственной собственности, предлагая различать впредь следующие три категории:

а) земля, недра, вода и леса — неотчуждаемы и непередаваемы;

б) заводы, фабрики, колхозы, транспорт и другие вещи, перечисленные в ст. 6 проекта Конституции, — неотчуждаемы, но передаваемы;

в) все остальные вещи, включая условно изъятые из оборота, — отчуждаемы, но непередаваемы.

Докладчик высказывается за изменение действующих норм и виндикаций госимущества, предлагая установить неограниченную давностью виндикацию не только в отношении граждан, но и в отношении социалистических организаций, в том случае, когда этими организациями приобретено похищенное имущество. Виндикация же, ограниченная давностью, должна быть установлена во взаимоотношениях только между социалистическими предприятиями и организациями.

Колхозно-кооперативной собственности докладчик предлагает посвятить ряд статей. Помимо общеполитической характеристики колхозно-кооперативной собственности необходимо, по мнению докладчика, дать в кодексе исчерпывающую и дифференцированную характе-

ристику правового режима кооперативного капитала, выделив особо средства производства, составляющие хозяйственную основу деятельности того или другого кооператива. В кодексе надо записать, — говорит докладчик, — принцип государственного планового руководства всеми кооперативными системами и, в частности, принцип использования кооперативного имущества в соответствии с обязательными для кооперации государственными плановыми заданиями. Нормы виндикации должны быть двойными и в этом случае: неограниченная виндикация кооперативного имущества у отдельных граждан и ограниченная давностью виндикация у государственных и кооперативных организаций, исключая похищенное имущество.

Докладчик предлагает провести в ГК существенную грань между личной и частной собственностью. Нормы о праве личной собственности должны отразить в частности, что источником личной собственности является общественная собственность, что личная собственность предназначена для удовлетворения потребительских и культурных запросов трудящихся, что она может быть допущена на орудия и средства производства только, если эти средства предназначены для личного подсобного хозяйства. Докладчик выдвигает при этом тезис о недопустимости перерастания личной собственности в собственность частную.

Нормы о частной собственности должны не только существенно ограничить объекты права частной собственности по сравнению с неотменной еще ст. 54 ГК, но и прямо содержать указание на то, что нетрудовое и спекулятивное использование частным собственником своего имущества категорически запрещается законом.

Тов. Амфитеатров — сторонник той точки зрения, что из других видов вещных прав, помимо права собственности, целесообразно предусмотреть только нормы о залоге. Институт же права застройки уже сослужил свою службу, утратив свое значение, и в будущем ГК регулироваться не должен.

В вопросе об обязательствах из договоров докладчик высказывается за отдельное регулирование хозяйственных и гражданских договоров, показывая различие юридических приемов регулирования тех и других договоров.

В вопросе о наследовании т. Амфитеатров подчеркивает значение наследования не только как частно-правовой формы социального обеспечения, но и как формы преемства прав личной собственности. По мнению докладчика, незрело время поставить вопрос о расширении круга наследников как по завещанию, так и по закону, при сохранении наряду с этим обязательной доли несовершеннолетних.

В заключение т. Амфитеатров выражает твердую уверенность в том, что задача, стоящая перед составителями ГК, будет успешно решена, ибо основой для этой работы является такой замечательный и глубоко волнующий документ, как проект Сталинской Конституции.

Доклад проф. Амфитеатрова вызвал оживленные прения.

Тов. Генкин считает, что будущий ГК должен отличаться той же предельной ясностью и простотой, что и проект Конституции. По мнению оратора, эта задача разрешима только при наличии двух кодексов. К тому же выводу приводит т. Генкин и те соображения, что различие юридических приемов регулирования в области хозяйственного и гражданского пра-

ва толкает при едином кодексе к механическому объединению нормативного материала. Иллюстрируя эту мысль на примере договоров, кооперативной собственности и др. институтов, т. Генкин считает, что единый кодекс не будет доступен трудящимся. В вопросе о системе кодекса т. Генкин разделяет выводы докладчика.

Тов. **Домбровский** выступил в защиту единого кодекса, считая совершенно искусственным расщепление вопросов хозяйственного и гражданского права между двумя кодексами.

Тов. **Агарков** затронул в своем выступлении ряд вопросов. Выдвигая положение, что «личная и общественная собственность составляет единый режим социалистического общества», т. Агарков считает необходимым издание одного кодекса. Его не удовлетворяет, однако, ни пандектная, ни институционная системы. Оратор предлагает для будущего ГК следующую схему: а) общая часть, где должен быть изложен ряд принципиальных положений и основных юридических понятий; б) раздел: «Регулирование отношений между социалистическими предприятиями и организациями», построенный по институционной системе и в) раздел: «Отношения гражданско-правовые», куда надо включить также и специальные нормы (напр. о взаимоотношениях вкладчика с сберкассами), поскольку они относятся к гражданскому праву. Тов. Агарков считает, что с изданием одного кодекса еще не будут урегулированы все хозяйственно-правовые вопросы, поскольку за рамками кодекса остается такая большая область, как внешняя торговля. Нужно решить вопрос о том, будут ли внешнеторговые сделки регулироваться общим гражданским кодексом или для этих целей удобнее иметь особый кодекс. В заключение т. Агарков останавливается на трудовых отношениях, подчеркивая то положение, что теперь эти отношения не могут быть принципиально отделены от гражданского права.

Тов. **А. А. Лисицын** подчеркнул историческое значение проекта Сталинской Конституции. На базе нашей Конституции, подытоживающей результаты социалистического строительства и устанавливающей пути движения нашего общества к коммунизму, должен быть разрешен весь круг вопросов, относящихся к будущему ГК. По мнению т. Лисицына, здесь прежде всего встает вопрос о целесообразности дальнейшего сохранения деления хозяйственного права на хозяйственное право в собственном смысле, т. е. на право, регулирующее отношения между социалистическими организациями, и на гражданское право. Тов. Лисицын усматривает в этом делении опасность механического расщепления единого комплекса социалистических имущественных отношений. Напоминая выступление товарища Сталина на конференции аграрников-марксистов, т. Лисицын предупреждает против перенесения в хозяйственное право теории двух ящиков. По этим же мотивам он считает в корне ошибочным предложение т. Генкина о создании двух кодексов. Тов. Лисицын полагает, что Гражданский кодекс должен охватить широкий круг отношений, включая брачно-семейные отношения. Он считает неслучайным отсутствие в проекте Конституции указаний на Земельный кодекс и приходит к выводу, что в ГК должны быть включены даже земельные правоотношения в той мере, в какой последние не регулируются уставом с.-х. артели. Разделяя предложения докладчика по вопросам

наследования, т. Лисицын считает, что целесообразно дополнить их указанием на те случаи, когда наследником по закону может и должно выступать государство.

Тов. **Розенблюм**. — Мы должны разработать новый ГК в духе Конституции, который все мы чувствуем, — говорит т. Розенблюм. Нужно создать такой кодекс, который правильно и целостно отражал бы все величие нашей эпохи. Дробить единую систему имущественных отношений социалистического общества между двумя кодексами было бы неправильно. Тов. Розенблюм разделяет мысль докладчика об устарелости института права застройки и считает, что в ГК включать его не следует. Крестьянский двор в условиях коллективизированной деревни уже не может быть сохранен в прежнем виде. Нормы Земельного кодекса, регулирующего его правовое положение, явно устарели. Новый ГК должен взять на себя задачу заменить эти нормы и дать свои, отвечающие происшедшим здесь коренным изменениям.

Тов. **Дозорцев**, выступая сторонником единого кодекса, полагает, что концессия такого кодекса должна быть выдержана до конца. В будущем ГК целесообразно включить, по мнению т. Дозорцева, во-первых, вопросы так называемого хозяйственно-административного права, поскольку без показа отношений, возникающих внутри хозяйственной системы между ее звеньями, невозможно правильно осветить положение и самого субъекта права. Во-вторых, в ГК должна найти себе место и характеристика правовой организации планирования. Тов. Дозорцев считает ошибочной схему ГК, предложенную Агарковым, поскольку она означает по существу наличие двух кодексов в одном переплете. Неверным представляется т. Дозорцеву и тезис Агаркова о трудовых отношениях, поскольку рабочая сила ни раньше, ни теперь не являлась в советском государстве товаром. Особое внимание т. Дозорцев останавливает на необходимости конкретизировать нормы ГК в части, относящейся к обслуживанию трудящегося-потребителя в системе советской торговли.

Тов. **Май** сомневается в возможности доказать ссылкой на ст. 14 проекта Конституции необходимость издания одного, а не двух кодексов, поскольку вопросы управления промышленностью, банками и т. п. выделены в ст. 14 проекта и указаны отдельно от Гражданского кодекса. Касаясь вопроса о внешней торговле, т. Май высказывается за издание особого кодекса в этой области.

Тов. **Борисов** подчеркивает значение двух положений, выдвинутых докладчиком: а) недопустимость недооценки гражданского права и б) единство хозяйственного и гражданского права. Тов. Борисов отмечает, что необходимость в самокритике по первому из этих вопросов давно назрела и должна изменить коренным образом отношение к нашему гражданскому праву. Правильная постановка второго вопроса должна предопределить отрицательное отношение к двум кодексам. В едином кодексе гражданского права должно по-новому регулироваться большинство институтов. Если частную собственность мы ограничивали и ограничиваем, то рост личной собственности мы всемерно поощряем, так как личная собственность составляет органическое целое с общественной собственностью.

Тов. **Шретер** специально останавливается на вопросе о том, в какой мере может и должен

будущий ГК охватывать хозяйственные отношения между социалистическими организациями. При разрешении этого вопроса нельзя забывать ст. 4 проекта Конституции, — говорит т. Шретер, — где говорится о том, что экономическую основу СССР составляет социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства. Исходя из этого, т. Шретер считает необходимым включить в будущий ГК и нормы о государственном планировании, и вопросы управления социалистическим хозяйством, ибо эти вопросы нельзя искусственно отрывать от системы хозяйственного права в целом.

Тов. Рускол высказывается за один кодекс и считает правильными соображения т. Шретера об объеме этого кодекса. Тов. Рускол считает, что в докладе ст. 4 проекта Конституции не получила достаточного отражения.

Тов. Братусь, останавливаясь на системе будущего ГК, считает, что в основу этой системы нужно положить три формы собственности: государственную, колхозно-кооперативную и личную. Применительно к ним должен располагаться и весь нормативный материал. Тов. Братусь полагает, что при такой систематике материала в будущем ГК должна быть включена и характеристика внутрикооперативных отношений. Он считает, что вопросы хозяйственного права не могут быть целиком выведены из ГК. Такой, например, вопрос, как порядок наделения оборотными средствами, не может быть обойден в ГК, ибо без него нельзя понять особенности правового положения отдельных хозяйственных звеньев.

Тов. Болдырев высказывается за один кодекс, но считает преждевременным обсуждение вопроса о системе ГК.

Тов. Шкундин. — Гражданский кодекс должен быть не только одним, но и единым кодексом, т. е. кодексом, который представляет собою не механическое, а органическое сочетание норм, регулирующих хозяйственную жизнь социалистического общества. Тов. Шкундин подчеркивает, что этот вывод целиком вытекает из той теоретической работы секции хозяйственного права, важнейшим результатом которой явилась концепция единства всей системы хозяйственного права. Тов. Шкундин не согласен с теми, которые считают, что область гражданского права сравнительно бедна нормами. Расцвет личной собственности должен обогатить и правовую жизнь, выдвинув в сфере гражданского права ряд новых институтов и норм. Тов. Шкундин полагает, что из будущего ГК нельзя исключать основные вопросы управления социалистическим хозяйством. В области же планирования в ГК должно записать только принципиальное и минимально необходимое.

Тов. Самбур поддерживает основные положения доклада и подкрепляет их рядом примеров из судебной практики. Он считает назревшей реформу наследственного права и ставит вопрос о необходимости уделить в будущем ГК особое внимание неимущественным правам трудящихся.

Тов. Каравайкин считает, что коллектив секции хозяйственного права никакого игнорирования вопросов гражданского права в прошлом не допускал. Если вопросы гражданского права и не нашли достаточного места в «Курсе хозяйственного права», то это объясняется вполне закономерным вниманием к вопросам со-

циалистического хозяйства и управления им. Тов. Каравайкин находит, что докладчик слишком пространно остановился на праве личной собственности в ущерб вопросам организации социалистического хозяйства.

Тов. Липецкер выдвигает три требования к будущему ГК: доступность изложения, типичность отношений, нормируемых Гражданским кодексом, и стабильность ГК. Тов. Липецкер решительно не согласен с мотивами в пользу двух кодексов, критикуя с этой точки зрения высказывания гг. Генкина и Агаркова.

Тов. Овсянников, отмечая несколько односторонний характер прений, помешавший обсуждению целого ряда выдвинутых т. Амфитеатровым вопросов, высказался за единый кодекс и, поддерживая предложения докладчика об объеме кодекса, обратил внимание на то, что вопросы планирования и хозяйственного управления, если брать их конкретные черты, представляют собой очень мобильную область, почему их детальное нормирование едва ли возможно в рамках будущего ГК. Тов. Овсянников обращает внимание на то, что настоящий доклад и прения по нему есть лишь первый этап на пути к развернутой работе над проектом будущего ГК.

В своем заключительном слове т. Амфитеатров остановился на трех вопросах: 1) один или два кодекса, 2) объем кодекса и 3) вопрос о роли личной собственности в общей системе правовой организации социалистического хозяйства.

Идея единого кодекса несомненно одержала в прениях блестящую победу, — говорит докладчик. Если говорить о монистах и дуалистах, то в лагере последних оказалось ничтожное меньшинство. Это свидетельствует о том, что большой опыт теоретической работы секции хозяйственного права ИССП не прошел бесследно и оказал здесь свое положительное влияние.

В вопросе об объеме кодекса т. Амфитеатров поддерживает свою мысль о нецелесообразности включить семейно-имущественные отношения, поскольку они имеют свою специфику. Равным образом он против включения в ГК вопросов хозяйственного управления. Хозяйственное право, регулирующее взаимоотношения между госорганами по вертикали, — это тема кодекса хозяйственного управления. Здесь же (в ГК) дело идет о хозрасчетных отношениях как таковых, а не об организации хозрасчета, чего нельзя смешивать. Нужно, — говорит докладчик, — найти разумные пределы ограничения всего многообразия вопросов хозяйственного управления, без чего мы не сможем дать действительно жизненный и доступный кодекс.

Докладчик оспаривает правильность ничем неаргументированного т. Каравайкиным утверждения, что роль личной собственности в докладе преувеличена, и обращает внимание на то, что в докладе особо указано на регулятивное значение принципа правильного сочетания общественных и личных интересов. Касаясь в связи с этим вопроса о недооценке роли гражданского права, докладчик отмечает, что выступление т. Каравайкина прозвучало диссонансом, ибо т. Каравайкин предпочел выяснить достижения секции хозяйственного права в прошлом вместо того, чтобы остановиться на насущных задачах настоящего и решительно стать на позиции признания гражданского права.

ЗАМАСКИРОВАННОЕ САМОУБИЙСТВО

Как в литературе, так и на практике довольно часто встречаются случаи, когда убийству пытаются придать вид самоубийства, для того чтобы затруднить поиски виновников преступления. Случаи обратного порядка представляют собой значительно более редкое явление.

Случаи придания самоубийству вида убийства самим самоубийцей с целью мщения чрезвычайно редки. В свое время большую сенсацию произвела смерть одного нотариуса, найденного на пустынной дороге и убитого выстрелами в левую часть спины. При первом расследовании экспертизы признали наличие несомненного убийства, причем в бумагах убитого были найдены указания на несколько лиц, будто бы ему угрожавших. Указанные лица были привлечены к ответственности с обвинением в убийстве. Между тем, впоследствии выяснилось, что нотариус был накануне разорения и решил покончить жизнь самоубийством, но хотел при этом инсценировать убийство, чтобы очернить своих давних врагов. Экспертиза установила наличие замаскированного самоубийства; обвиняемые были оправданы.

Далее в журнале «Анналь де медисин легаль» приводится следующий интересный случай замаскированного самоубийства.

Однажды ночью молодой человек, проезжая на велосипеде на окраине города, наткнулся на умирающего, лежащего в луже крови. Не имея возможности подать ему помощь лично, молодой человек поспешил на соседнюю железнодорожную станцию и позвонил в больницу. Немедленно были посланы на место машина и санитары. Когда раненого начали укладывать на машину, то обнаружилось, что у него был завязан рот, но повязка была наложена настолько слабо, что едва лишь санитары к ней прикоснулись, она соскользнула на шею. У пострадавшего было перерезано горло. На месте происшествия был найден окровавленный нож. Пострадавшего довели в больницу живым; в больнице был обнаружен плотно забитый в зубы платок, мешавший раненому говорить и незамеченный санитарями. По извлечении платка оказалось, что раненый в полном сознании; несмотря на свою слабость, он мог указать свое имя, адрес, после чего он еще продолжал бормотать «четыре мерзавца, четыре мерзавца»... Положенный на хирургический стол, он умер в ожидании врача. В кармане была найдена записка: «Я убил его при помощи троих товарищей, так как я был должен ему 500 лир... Прошу прощения за себя и за них».

В то же утро мать убитого получила по почте пакет с его документами, но без денег. Адрес был написан тем же почерком, что и записка.

При расследовании было обнаружено следующее. Убитый, 27 лет, проживал с матерью, братом, сестрой и ее мужем на расстоянии 100 м от места происшествия. За последнее время в семье бывали часто ссоры из-за оставшегося после отца небольшого наследства, причем убитый часто жаловался, что его обидели. В последние дни перед смертью он собирался жениться (семья была категорически против этого брака) и в самый день

смерти сначала ужинал у невесты, затем был в кинематографе, откуда вышел с приятелем в 22 ч. и сказал, что зайдет в кафе, а оттуда пойдет домой. В последний раз его видели в 23 ч., после чего он был найден умирающим рядом со своим домом.

Найденный на месте убийства нож был сходен с употреблявшимся в семье и был недавно отточен.

Посланное на имя матери письмо носило штемпель отправки из почтового отделения на станции — 2 часа утра.

В результате вышеизложенного было констатировано убийство и немедленно арестованы брат, шурин и брат шурина убитого.

Осмотр трупа показал следующее. Единственная рана располагалась в передней части шеи, на уровне подъязычной кости. Рана имела четкое горизонтальное направление, ровные края (нижний несколько оттянутый) и была нанесена режущим оружием. Длина раны была около 13 см, глубина — 3 см. Слева рана заканчивалась углублением в 4—5 см. Щитовидный хрящ был полностью отделен от подъязычной кости. Глотка была затронута, примерно, на 15 см, и в этом месте рана доходила до дыхательных путей.

По бокам гортани имелось только поверхностное поражение мускулов. Нервные узлы и сосуды шеи затронуты не были. Следы крови имелись вокруг раны и слева от нее в виде продольных полос, направленных в сторону затылка. Ни во рту, ни в ноздрях крови не было. Тщательное исследование слизистых оболочек губ, языка и рта показало полное отсутствие ранений. Не было также никаких кровоподтеков и царапин на плечах, руках и других частях тела. Небольшие следы крови были обнаружены на правой руке.

Самое тщательное исследование одежды и ножей, изъятых у обвиняемых, не обнаружило никаких следов крови.

У жилета убитого были отрезаны (не оторваны) все пуговицы, найденные тут же. На самом жилете следы крови были обнаружены только на подкладке под правой полкой. Передняя часть рубашки и особенно правое плечо были залиты кровью, главным образом, в виде продольных полоскообразных потеков. Немного крови было обнаружено на башмаках. Забитый в рот в виде кляпа платок оказался принадлежащим умершему; он был опознан прачкой, стиравшей его белье.

Осмотр места происшествия ясно показал полное отсутствие попыток со стороны жертвы сдвинуться с места. Брызг вокруг имевшейся лужи крови обнаружено не было. Раненый лежал совершенно неподвижно вблизи от домов, без каких бы то ни было попыток до них добраться, хотя по характеру раны он не только находился в полном сознании, но даже сохранял на протяжении долгого времени способность к действию. Ни на месте происшествия, ни на теле пострадавшего никаких следов борьбы не имелось. Два последних факта вызвали у органов расследования подозрение в наличии самоубийства. Было совершенно невероятно, чтобы молодой, здоровый человек не попытался защищаться, позволил засунуть себе в рот собственный платок и дал перерезать себе горло, причем это последнее действие было произведено, когда он

находился в стоячем положении, что подтверждается продольными потоками крови на рубашке.

Еще менее вероятно, чтобы потерпевший, оставшись один, не попробовал извлечь из рта платок, не стал звать на помощь (голосовые связки затронуты не были), или, по крайней мере, не попытался сдвинуться с места.

Наконец, в-третьих, маловероятно, чтобы убийцы бросили свою жертву с несмертельной раной (если бы помощь подоспела на 15 мин. раньше, раненого удалось бы спасти).

Все эти три пункта показали органам расследования чрезвычайно подозрительными.

Следствие тянулось полтора года. За это время один из арестованных покончил с собой. В конце концов была выдвинута версия о самоубийстве, основанная на указанных выше соображениях, на семейных раздорах и на тяжелом материальном положении умершего, решившего использовать свое самоубийство для мести родственникам. Единственным противоречащим обстоятельством являлся штемпель на письме — 2 ч. ночи, т. е. больше, чем 2 часа после происшествия.

Как известно, умершего видели невредимым в последний раз в 23 ч. Место, где он был найден, находилось в 10—15 м. хода от станции, где письмо было опущено. Нашедший раненого молодой человек, возвращаясь спешно на станцию для извещения больницы, слышал, как часы били полночь. При всех этих условиях письмо, опущенное самим пострадавшим, должно было неминуемо попасть к поезду 23 ч. 52 м. После долгих обсуждений этих противоречий удалось заставить дежурного по почте признаться, что, желая в этот день уйти пораньше, он сменил штемпель на почте не в 23 ч. 52 м., после ухода поезда, а в 23 ч. 20—25 м. Почерк записки и адрес, хотя и измененный, представлял те же особенности, что и почерк умершего, но сходства с почерками обвиняемых не имел.

Таким образом, расследование установило наличие самоубийства, которому в целях мести был придан вид убийства.

(«Анналь де медисин легаль», 1935 г. № 9).

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ РАЗРЕЗАННЫХ ВЕРЕВОК

В криминалистике иногда имеет большое значение возможность доказать, что два отдельных отрезка веревки принадлежат к одному куску. Это в отдельных случаях помогает определить личность преступника или установить, в каком месте было совершено преступление; в других случаях этим путем можно проверить показания подозреваемых.

В качестве примера автор сообщает случай из его практики. В лесу был найден слегка засыпанный землей труп женщины, на шее которой была обнаружена веревка в несколько рядов. Веревка была пропитана кровянистой жидкостью. Около левого уха веревка была завязана петлей, через которую был протянут один конец веревки, тогда как другой болтался свободно. При обыске в доме подозреваемого на чердаке был обнаружен крюк с веревкой; ржавые пятна в местах соприкосновения веревки с железным крюком указывали, что на этой веревке висела ранее большая тяжесть. Органы расследования предложили произвести исследование этой веревки и веревки, обнаруженной на трупе, на предмет

выяснения, не являются ли они разрезанными кусками одной веревки.

Оба образца представляли собой веревку из сизаля (сорт конопли), скрученную из двух жгутов. На концах веревки, найденной на чердаке, волокна торчали в разные стороны, на веревке с шеи трупа волокна на концах были склеены. Толщина отдельных волокон была приблизительно одинакова, однако установить совпадение плоскостей среза обеих веревок не оказалось возможным. На основе внешнего осмотра можно было сказать лишь, что оба образца являются однородными.

Через несколько дней экспертам был доставлен еще один кусок веревки, найденный на высоте 1 м от земли на дереве около места, где был обнаружен труп. Этот кусок состоял также из двух жгутов сизаля и был однороден с двумя предыдущими. Конец, на котором, видимо, висел тяжелый груз, заканчивался тонким пучком длинных волокон. На первый взгляд казалось, что совпадающих с прочими кусками плоскостей разреза не имелось. Однако при дальнейшем расследовании выяснилось, что один жгут был срезан ровно, другой был срезан частично на 1,5 см выше, и часть состояла из упомянутого выше длинного пучка.

Такой надрез веревки представляется достаточно характерным для опознания второго отрезка этой веревки. При осмотре веревки с шеи трупа оказалось, что кусок, протянутый сквозь петлю у левого уха, совпал с описанным выше куском. Тщательное исследование и обмер отдельных волокон и пучков подтвердили, что плоскости среза обоих отрезков соответствуют друг другу.

Своеобразная плоскость надреза указывала на то, что веревка была разрезана в два приема в напряженном состоянии от висящего на ней груза. Веревка разорвалась до момента полного разреза, отчего образовался длинный пучок волокон. Это мнение экспертов было в дальнейшем подтверждено показаниями участников преступления.

В связи с описанным случаем автор произвел ряд опытов для выяснения того, какой вид имеют плоскости срезов разных веревок, и можно ли отличить веревку, разрезанную при растягивании ее с грузом, от разреза свободно висящей веревки. Опыты производились с крепким шпагатом из сизаля и с обычной пеньковой веревкой, хорошо скрученной и имеющей довольно гладкую поверхность. Груз применялся весом около 10 кг.

Опыты показали, что соответствие друг другу разрезанных кусков крупного шпата из сизаля может быть установлено лишь при известных благоприятных условиях, например, когда концы волокон разной длины или когда в пучке имеются волокна разных цветов. Наличие пучка длинных волокон, заходящих далеко за линию разреза, свидетельствует о том, что веревка при разрезе была растянута грузом.

При разрезе веревки из обычной пеньки совпадение плоскостей среза бывает, как правило, вполне очевидным. По свойствам плоскости среза можно вынести известные заключения о способе разреза. Совершенно гладкие плоскости сразу с гладкими краями получают при разрезе ножницами. Совпадающие под углом концы говорят о том, что разрез был произведен обычным ножом.

(«Дейче Цейтшифт фюр ди гез герихтл медици», 1936 г., т. 26, №№ 1—3).

В ночь на 3 июля 1936 г. после тяжелой болезни умер один из старейших работников советской юстиции Дмитрий Андреевич Карницкий.

Покойный был хорошо известен всем работникам советской юстиции как в центре, так и на периферии. С 1923 г., по демобилизации из Красной армии, т. Карницкий работал в Верховном суде РСФСР в качестве консультанта. Это был квалифицированный работник, широкого кругозора и большой культуры, активный общественник и вместе с тем чудесный человек, добрый, чуткий и отзывчивый товарищ. Обладатель неиссякаемого запаса энергии, всегда веселый, приветливый и жизнерадостный, он привлекал к себе этим всех окружающих. Человек больших способностей и серьезных знаний, он отдавал их судебной работе, которую любил и отлично знал. Его обобщения судебной практики всегда отличались серьезностью, обоснованностью, а по его практическим комментариям к Уголовному и Уголовно-процессуальному кодексам учились

многие практические работники юстиции и студенты-юристы.

Смерть т. Карницкого—чувствительный урон для работников советской юстиции, но она особенно тяжела для нас, старых товарищей покойного, связанных с ним долголетней совместной работой и многими годами крепкой дружбы. Не верится, что умер этот человек большой интеллектуальной культуры и большого физического здоровья.

Мы глубоко скорбим по поводу безвременной смерти старого товарища и выражаем самое искреннее сочувствие его жене и дочери, из всех друзей покойного бывших самыми преданными и верными его друзьями.

Прощай, дорогой друг! Мы сохраним о тебе долгую и светлую память.

А. Вышинский, Г. Рогинский, Строгович, Лаговьер, Аскарханов, Хитев, Чапурский, Машуков, Пастернацкий, Иодковский, Тадевосян, Свердлов, Юнгфер, Гюнтер, Гладышевский, Брисман, Андреев, Брагинский Зайцев.

Официальный отдел

ПРИКАЗ ПРОКУРОРА СОЮЗА ССР

8 августа 1936 г.

г. Москва

№ 473

Внимательно изучив материалы жалоб, поступающих от военнослужащих и их семей на нарушения законодательства о льготах призванным в РККА Полтавская городская прокуратура в апреле сего года организовала массовую проверку качества рассмотрения красноармейских жалоб и заявлений в местных органах власти. Попутно проверялось выполнение законодательства о льготах семьям призванных.

К участию в этой работе было привлечено свыше 200 чел. из членов горсовета и проф-организации и 200 чел. военнослужащих местного гарнизона.

Обследованы были на дому около 500 красноармейских семейств, значительное количество жалоб разрешалось тут же в период проверки.

Результаты проверки были прокуратурой реализованы на заседании горсовета и в печати: общей и армейской.

Это мероприятие Полтавской городской прокуратуры заслуживает особого внимания, ибо проведено оно накануне новобранческих сборов в терчасти РККА и свидетельствует об умении организовать и использовать широкие массы советской общественности на одном из важных участков борьбы за революционную законность.

Материалы Главной военной прокуратуры РККА говорят о некотором росте за последнее

время жалоб военнослужащих на незаконные действия местных органов власти и нарушения законодательства о льготах семьям призванных.

Отмечая инициативу и отличную организацию работы по красноармейским жалобам б. прокурора гор. Полтавы, ныне пом. ВП ХВО т. Нельсон.

Приказываю:

1. Прокурорам союзных и автономных республик, краевым и областным прокурорам организовать в период общих сборов территориальных частей и накануне проведения призыва в РККА массовые проверки выполнения местными органами власти законодательства о льготах призванным и хода рассмотрения красноармейских жалоб в учреждениях. К участию в этой работе привлечь также и военнослужащих местных гарнизонов.

2. Военным прокурорам оказать содействие местным органам прокуратуры в вопросах связи с командованием частей, мобокругами и райвоенкоматами.

3. О результатах проверки прокурорам союзных республик донести в Прокуратуру СССР к 1 декабря с. г.

В докладах отметить необходимые по мнению прокуроров республик поправки в действующее законодательство о льготах призванным и их семьям.

Приказ разослать прокурорам союзных и авт. республик, краевым, областным и всем военпрокурорам.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ.**

ИЗДАТЕЛЬ: Государственное издательство «Советское законодательство»

Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28

Рукопись поступила в издательство 25-27/VII 1936 г.

Сдано в производство 28/VII—4/VII 1936 г.

Подписано к печати 13/IX 1936 г. 5,5 п. л.; 14,8 авт. листа. В одном бум. листе 231000 печ. знаков.

Формат бум. 72×110¹/₁₆

С—04 п; № 479.

Технический редактор И. Барнов

Уполном. Главлита Б-24571

Заказ № 977

Тираж 17 000

15 типография ОГИЗ треста „Полиграфкнига“, М. Дмитровка, 18.

КОНКУРС

НА ЛУЧШИЙ ОЧЕРК-КОРРЕСПОНДЕНЦИЮ

Государственное издательство „Советское законодательство“ совместно с редакцией журнала „Социалистическая законность“ объявляет конкурс на лучший очерк-корреспонденцию.

ТЕМЫ ДЛЯ ОЧЕРКОВ

1) **Как я улучшил качество следственной работы** (методы и практика работы народного следователя).

2) **Группа содействия прокуратуре — активный помощник в борьбе за революционную законность.**

3) **Государственный обвинитель на судебной трибуне** (методы подготовки и практика работы).

4) **Как я работаю с жалобами.**

5) **Как я веду работу по надзору за законностью.**

Очерки должны быть написаны живым популярным языком с приведением конкретных примеров. Рукописи желательно пересылать в 2-х экз., напечатанными на пишущей машинке, размером не свыше 8—10 страниц, через два интервала.

Принятые редакцией очерки будут систематически помещаться в журнале и оплачиваться гонораром. По окончании конкурса — 1 января 1937 г. — опубликованные в журнале очерки будут обсуждены конкурсным жюри и лучшие из них премированы.

По каждой теме установлено от двух до трех премий (400—300 и 250 руб.), кроме авторского гонорара.

О составе жюри конкурса будет сообщено дополнительно.

Рукописи следует направлять заказными письмами с отметкой „на конкурс“ по следующему адресу:

**Москва, Красная площадь, здание ЦИК СССР, пом. 28,
Государственное издательство „Советское законодательство“**

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО»

ВЫШЛА И ПОСТУПИЛА В ПРОДАЖУ НОВАЯ КНИГА

А. Я. ВЫШИНСКИЙ

ОБВИНИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ НА ПРОЦЕССЕ

ТРОЦКИСТСКО-ЗИНОВЬЕВСКОГО
ТЕРРОРИСТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА

Стенограмма речи, произнесенной в судебном заседании Военной
Коллегии Верховного Суда СССР 22 августа 1936 г.

Стр. 64, цена 30 коп.

(Тираж 100 000 экз.)

ОБЪЯВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Московским областным финансовым отделом на основании положения и правил государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц под № 223

**Московский Государственный Об-
ластной Трест Промышленных
Строительств**

„МОСОБПРОМСТРОЙ“

Адрес: Москва, проезд Владимирова, 1

50

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц под № 3343

**Государственный союзный трест по
проектированию гидроэлектрических
станций и гидроэнергоузлов
„ГИДРОЭНЕРГОПРОЕКТ“,**

находящийся в ведении Наркомтяжпрома СССР.
Адрес: Москва, Лефортово, Красноказармен-
ная, 13

52

Московским областным финансовым отделом на основании положения и правил государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц под № 566

**Контора земляных работ стройуправ-
ления Моссовета**

Адрес: Красная пл., ГУМ, 3 линия, 2 этаж,
пом. 229

51

Московским областным финансовым отделом на основании положения и правил государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц под № 578

**Московский государственный трест
„ТЕПЛОСАНТЕМОНТАЖ“,**

находящийся в ведении Стройуправления
Моссовета

Адрес: ул. Кирова, 13

53